Ген. М. Г. Дроздовский

ДНЕВНИК

Всеславянское Издательство

Ген. шт. ген.-майор М.Г. Дроздовский
Род. 20 октября 1881 г.
† 14 анваря 1919 г.

Ген. М. Г. ДРОЗДОВСКИЙ

ДНЕВНИК

Всеславянское Издательство
1963
Нью Йорк

Все книги издания Всеславянского Издательства выходят при благосклонном участии и поддержке князя Сергея Сергеевича Белосельского

Published by All-Slavic Publishing House, Inc.
46 Great Jones St., New York 12, N. Y.

Ген. М. Г. Дроздовский

ДНЕВНИК

ДРОЗДОВСКИЙ МАРШ

Из Румынии походом
Шел Дроздовский славный полк,
Для спасения народа
Нес геройский, трудный долг.

Много он ночей бессонных
И лишений выносил,
Но героев закаленных
Путь далекий не страшил.

Генерал Дроздовский гордо
Шел с полком своим вперед,
Как герой он верил твердо,
Что он родину спасет.

Ведал он, что Русь святая
Истомилась под ярмом,
Словно свечка догорая,
Угасает с каждым днем.

Верил он — настанет время,
И опомнится народ,
И он сбросит свое бремя
И за нами в бой пойдет.

Шли дроздовцы твердым шагом,
Враг под натиском бежал,
И с трехцветным русским флагом
Славу полк себе стяжал.

ПРЕДИСЛОВИЕ К 1-му ИЗДАНИЮ

„Дневник" ген. Дроздовского состоит из двух небольших записных книжек, в которые заносились ежедневные заметки во время исторического похода с Румынского фронта на Дон в феврале — апреле 1918 года. Несмотря на то, что заметки остались в необработанном виде, они, благодаря своей непосредственности и безыскусственной записи ежедневных впечатлений, не лишены выдающегося значения.

Насколько известно, до настоящего времени не появилось в печати воспоминаний участников этого похода и связанного с ним любопытнейшего периода формирования Добровольческой армии; в частности, в вышедших мемуарах деятелей этой эпохи имя М. Г. Дроздовского упоминается только вскользь или совсем обходится молчанием. А между тем поход „дроздовцев" заслуживает не меньшего внимания, чем походы первого периода гражданской войны, и заметки главного вдохновителя, организатора и начальника приобретают таким образом огромный интерес.

Только благодаря выдающейся энергии, отваге и упорству начальника удалось это исключительное предприятие, когда горсть русских людей, не утративших веры в спасение родины, окруженная врагами, посреди всеоб-

щего развала не только пробилась на Дон, но и сохранила характер спаянной воинской части. Небольшой отряд „полковника" Дроздовского послужил затем кадром для создания одного из крупнейших соединений Добровольческой армии — доблестной „Дроздовской" дивизии.

Будучи одним из основателей и организаторов Добровольческой армии, как армии народной, проникнутой чистым сознанием борьбы за право и государство, за великую, свободную Россию, — М. Г. Дроздовский до самой своей смерти сохранил глубокую веру в идею, в правоту своего дела. Этой идеей он горел и она роднила его с великим русским патриотом Л. Г. Корниловым. Идея белой армии, при ее основании, в чистом своем виде, — идея борьбы правды с ложью, справедливости с насилием, честности с низостью, и идея эта остается чистой и незапятнанной, в какие бы уродливые формы она порой ни выливалась, в чьих бы слабых и неумелых руках она ни очутилась, какие бы разочарования ни внушали ее отдельные исполнители. Ложь, узкий эгоизм, преступная небрежность и неуменье присосались к великой идее и погубили ее. И покойный М. Г. Дроздовский прекрасно сознавал всю опасность вырождения великих прорывов. В рапорте, поданном им незадолго до смерти ген. Деникину, чувствуется горечь разочарования в руководителях и исполнителях, указывается на необходимость срочной организованно-

сти борьбы, оздоровления тыла, грозно звучит предостережение... Увы, оно оказалось роковым...

И теперь, когда Добровольческая армия побеждена — „горе побежденным", когда все наперерыв торопятся помянуть недобрым словом эту когда-то здоровую, светлую и доблестную силу, — образ идеалистов-организаторов ее становится особенно дорогим и близким. Пусть обломки армии на чужбине, пусть невыносима, тяжела их крестная ноша. Но идея не умерла, она не может погибнуть. И люди, связанные ею, спаянные пролитой за нее кровью, вместе делившие труды и лишения, сомкнутся еще тесней и дождутся и лучших дней и счастья увидеть родину возрожденной.

Д.

ВВЕДЕНИЕ

Михаил Гордеевич Дроздовский родился в Киеве 7-го октября 1881 года. Его отец — генерал-майор Гордей Иванович Дроздовский — был участником Севастопольской обороны. В раннем детстве Дроздовский лишился матери и его воспитание легло всецело на старшую сестру — Юлию Гордеевну, которая была на 15 лет старше своего брата. Будучи самым младшим в семье и единственным сыном, Дроздовский с детства был баловнем всей семьи, но это баловство не отразилось на его характере. Юлия Гордеевна отмечает, что брат отличался ранним развитием самостоятельности, наряду с необычайной любознательностью, впечатлительностью и крайней нервностью. Вращаясь в кругу военных, ребенок естественно пристрастился к военным играм, переодеванию в солдаты, игре с саблями и воображаемыми револьверами, сделанными им самим из палок. Также в раннем еще детстве выступила ярко и отчетливо одна черта Дроздовского, нитью прошедшая через всю его жизнь, — это одиночество, скрытность, замкнутость. Товарищей детских игр у него не было; он предпочитал общество денщиков отца, заслушивался их рассказов о деревне, о войнах, о полковой

жизни. Позже, к 7-ми годам, у мальчика появляется любовь к рисованию, а также и к поэзии; излюбленными стихами его были боевые, яркие описания войн. Декламируя их, он представлял сцены в лицах, заставляя сестер выслушивать его.

В 1892 году Михаил Гордеевич был отдан в Полоцкий корпус, но вскоре переведен в Киевский кадетский корпус, который он окончил в 1899 году.

Воспитатели ученических лет Дроздовского отмечают его выдающиеся способности, наряду с необыкновенной ленью, своенравием и изобретательностью шалостей. Однокашники Михаила Гордеевича вспоминают постоянный окрик воспитателя (полк. Гаас): „Дроздовский, под арест!" Прирожденная правдивость и бесстрашие, внушали всегда юноше необходимость сознания своей вины и заставляли постоянно терпеть наказания. В старших классах он увлекается рисованием, проявляя недюжинные способности, но, к сожалению, все его этюды и наброски утеряны.

По окончании корпуса Михаил Гордеевич вышел в Павловское военное училище в Петербурге, где дисциплина была особенно строга и карцер являлся почти постоянным местопребыванием непокорного Дроздовского. Так, однажды, он решил вывесить свою визитную карточку на дверях карцера, уверяя, что ему предоставили отдельную комнату в училище. За эту выдумку ему, разумеется, пришлось поне-

сти усиленное наказание. Одно время жизнь в училище показалась юноше настолько тяжелой, что он написал отцу о своем решении уйти, так как ему не под силу было справиться со своим характером: он не мог покорно, а главное, без противоречий, выслушивать окрики начальства, замечания, зачастую несправедливые и абсурдные. Только авторитет отца, его убедительные письма и просьбы закончить раз начатое образование принудили Дроздовского покориться, остаться и одним из первых окончить училище.

В 1901 году Михаил Гордеевич вышел в Варшаву, л.-гв. в Волынский полк, пребывание в котором окончательно отшлифовало его характер и наложило отпечаток на всю его дальнейшую жизнь. Тут не безынтересно отметить систему воспитания, которую проводили в Волынском полку старшие офицеры по отношению к молодежи. Первое и главное требование всякого военного — дисциплина была очень строга; также исполнительность и аккуратность в службе. Воспитывалась любовь к родине, к полку, к его традициям, любовь и забота о солдатах, корректное и сдержанное отношение к однополчанам. Но здесь не было строгого окрика начальников, а если делалось замечание, то в форме совета старшего младшему; вот почему те же требования и та же строгость, что и в училище, но вылитые в другие формы, были так летки и незаметны для Дроздовского. Скромная жизнь полка, посто-

янная строевая работа, занятия с солдатами, и непрестанное внушение старших, что своею жизнью офицер должен показывать пример солдатам, не допускали кутежей и разгула. Здесь не было принято, как в других полках среди молодежи, — хвастовство кутежами, пьянством, развратом, жизнью не по средствам, долгами, и даже такие разговоры считались неприличными и странными. В такую здоровую и бодрую атмосферу посчастливилось попасть Дроздовскому, и понятно, что Волынский полк, как нельзя более, подходил к замкнутому его характеру, развил выдержку и привил ему необходимое уменье повиноваться и управлять подчиненными, да и характер взаимоотношений офицерства был необыкновенно близок взглядам Дроздовского. В полку была прекрасная библиотека, выписывались журналы, и офицеры могли следить за литературой и наукой. Михаил Гордеевич много читал, интересовался литературой, вопросами философии, новыми открытиями, и в свободное время его можно было всегда видеть за книгой. Он увлекался шахматами, следил за шахматными турнирами. Но избрав военную карьеру, посвятив свою жизнь любимому делу, Дроздовский считал свое специальное образование крайне скудным и под влиянием деятельной переписки с отцом, находившим, что необходимо дальнейшее военное образование, он в 1904 году поступил в Академию Генерального штаба. Не раз впоследствии Михаил Гор-

деевич говорил, что он обязан всем своему отцу, его влиянию, а также родному Волынскому полку.

По объявлении Японской войны Дроздовский немедленно прикомандировался к 34-му Стрелковому Сибирскому полку и, будучи убежденным строевиком, на практике изучил военное дело, участвуя с полком в боях. На этой войне он получил все боевые знаки отличия. В бою под Ляояном был ранен в ногу. К сожалению, все письма с войны, его личные впечатления, подробно изложеные отцу, — утеряны.

По окончании войны М. Г. Дроздовский вновь возвратился в Академию, которую окончил в 1908 году. Полагающийся ценз командования ротой он отбывал в Волынском полку и впоследствии, в чине капитана, был назначен в Штаб Округа в Харбине. С этого времени начинается неудовлетворенность работой в Штабе, его действенная натура не могла примириться с чисто канцелярской работой, связанной с его маленьким чином, и эта невозможность проявлять инициативу заставляла страдать Михаила Гордеевича. К счастью, в феврале 1912 года он был переведен в Штаб Варшавского Военного Округа, где общение с Волынцами давало ему отдохновение и скрашивало жизнь. Когда вспыхнула Балканская война, Дроздовский ожил; мысль о возможности попасть в бой, снова услышать свист пуль, быть в действии, вырваться из сидения в Отчетном

Отделении Штаба, побудила его просить о командировании на войну. Однако, желанию его не суждено было сбыться. Вот, что он писал 22-го ноября 1912 года: „Моя мечта принять участие в Балканской войне почти облеклась в реальные формы, я почти торжествовал, но вчера все рухнуло — категорически воспрещены поездки, и я должен сидеть смирно. До каких же пор"...

В этот период времени Михаил Гордеевич начал большой труд по стратегии, о будущей русско-германской войне. Бывая в Петербурге, он посещал Публичную библиотеку, где собирал нужные ему материалы. „Может и хватит характера докончить", — говаривал он и, действительно, закончил свою работу, но труд этот погиб.

В 1913 году Дроздовский добился командировки в Севастопольскую авиационную Школу, где изучил наблюдения с аэропланов.

Европейская война застала Михаила Гордеевича в Варшаве, откуда он был назначен в Штаб Главнокомандующего Северо-Западным фронтом. Вот, что мы читаем в его письме от июля 1914 года: „Я далек от боевой линии, это угнетает меня, но начальство не пускает меня пока вперед. Здесь, правда, больше в курсе дела, но зато не услышишь свиста пули, а без этого разве война — война!!! Ничего, пойдут убитые и раненые, а также ищушие места побезопаснее, будет и мне замена. Эта война, величайший исторический момент — моя ве-

ликая, самая страстная мечта, и я принужден оставаться в стороне, разве можно сказать, что я участвую в ней. Если бы хоть нести ответственные, требующие самостоятельной деятельности обязанности, а то должность помощника начальника отдела в таких крупных штабах — роль писарская. и это тогда, когда решается судьба моей родины, я должен исполнять бесцветную работу, вне опасности. Такая жизнь угнетает меня; положительно, любое дело валится из рук".

Стремление Дроздовского к более активной роли, наконец, после долгих хлопот, получило свое осуществление, он был назначен в Штаб 27-го армейского корпуса.

Вновь обращаемся мы к письму Дроздовского, по поводу этого назначения:

„Наконец-то, мне удалось вырваться из штаба Главнокомандующего, здесь только в штабе дивизии или корпуса я буду иметь возможность проявить инициативу, с моим маленьким чином (капитана) принести большую пользу, конечно все будет зависеть от личностей начальствующего персонала, но хуже не будет... Поймите, что пришлось мне пережить последнее время: на северо-западном фронте неудачи, их я предсказал до войны в бесконечных разговорах и спорах в штабе. В своем дневнике я указывал на печальные последствия нашей стратегии, я предвидел все и ничем не мог помочь предотвратить тяжелые последствия. Ведь в наших руках была яркая, блестя-

щая победа, при наличии тех обстоятельств, с которыми мы вышли на войну, а во что ее превратили?...”

В приложении приведены отрывки записок из полевой книжки Дроздовского, относящиеся к этому периоду.

Осенью 1915 года Михаил Гордеевич был произведен в подполковники и назначен начальником штаба 64-ой дивизии. Наконец, он смог в более широком масштабе проявить свою инициативу.

Следующий факт, характеризующий Дроздовского, произошел в бытность его начальником штаба 64 дивизии.

Во время ночного отступления Н-го корпуса, переправу через мост внезапно захватила немецкая конница, чем поставила неуспевшие переправиться наши части в безвыходное положение. Неожиданно раздались крики „ура”, и на мосту появился подполковник Дроздовский с группой солдать. Впоследствии выяснилось, что получив донесение о захвате немцами переправы, Михаил Гордеевич сразу учел положение, наскоро собрал находившихся вблизи штаба солдат и кинулся к мосту. После короткой схватки немцы бежали и до утра подполковник Дроздовский занимал отбитую им переправу, а утром возвратился в штаб и приступил к своей обычной работе.

Настроение Дроздовского сильно изменялось в связи с обстановкой на фронте.

Из письма М. Г. Дроздовского от апреля 1916 г.:

„У меня громадная работа, не говоря уже о текущем бумагомаранье; иногда целыми днями пропадаю на позиции; приходится делать организационные работы, требующие большого напряжения, но совершенно необходимые, чтобы быть во всеоружии перед случайностями. Я давно старался добиться у своего генерала той планомерности, с которой он никак не может мириться. Теперь сверху крепко нажали и мне удалось получить руководство в свои руки и надо торопиться все сделать, пока не вставят очередной палки в колесо".

К лету, в ожидании боев Дроздовскому приходилось усиленно работать; вот что он пишет в июне:

„Я по горло завален делами, целыми днями на позиции, возвращаюсь с обходов усталым и зарываюсь в бумагу, без конца сидишь и пишешь, позднее разбираю телеграммы — это пачка в добрый роман Золя.

Вполне понятно, почему у нас сейчас огромная, лихорадочная работа, приходится напрягать все силы, чтобы не быть неподготовленным к событиям. Всюду нужен контролирующий глаз, предусмотрение и организация. Конечно мало 24 часов в сутки. Все это ничего, если бы не это наводнение бумаги; я не только не видел ничего подобного, но даже не предполагал, что может существовать такое море бумаги; это все подлая привычка отписываться.

Если бы старшие и высшие действительно побольше работали и чаще посещали части, не нужно было бы этой мертвящей, душащей бумаги.

Кругом наблюдается подъем духа. Нельзя не признать, что наши Луцкий и Буковинский прорывы были удивительно чистой работы, по крайней мере во внешней их форме — видно, что, наконец, кое-чему научились и у нас. Положение на всех фронтах считается благоприятным; будут, конечно, и неудачи, придется за них не раз расплачиваться, но инициатива уже вырвана из немецких рук, немцы отбивают, но удары наносим везде мы. Надо полагать, что так останется до конца, но еще конца войны не предвидится, нужно запасаться большим терпением".

В начале сентября, во время атаки, Дроздовский был тяжело ранен в правую руку, нормально владеть которой он уже не мог до конца жизни. Вот что рассказывает офицер 64-й дивизии об обстановке, в какой был ранен Михаил Гордеевич.

„К началу сентября в числе прочих частей 64-ая дивизия была переброшена на Юго-западный фронт и вошла в 9-ую армию в составе 18-го армейского корпуса. Насколько положение 9-ой армии было серьезно (частично, в направлении Мармарош-Сигет) указывает тот факт, что части дивизии с похода были посажены на грузовые автомобили и в спешном порядке двинуты на помощь отходящим под

давлением австро-германцев мелким казачьим отрядам.

Район сосредоточенья дивизии была Молдава.

Не имея возможности войти на месте в связь с отходящими по горным тропинкам казачьими разъездами, а следовательно, не имея никаких сведений о противнике и его расположении, решено было послать вперед разведку из батальона 254 пех. Николаевского полка. Разведкой принял на себя руководство начальник штаба дивизии Дроздовский. К утру эта разведка определила линию фронта всего корпуса для перехода в контрнаступление против австро-германцев. По занятии Николаевским полком позиции остальные части дивизии были поставлены вправо и влево от него, заполнив таким образом образовавшуюся брешь, соприкасаясь правым флангом с Уссурийцами, левым же с 37 пех. дивизией.

Подошедшими нашими свежими силами было предпринято частичное наступление, которое начало успешно развиваться на обоих наших флангах. Нам же необходимо было преодолеть сильнейшее естественное препятствие, в виде местного горного хребта с тактическим ключем — горой Капуль, за которой находился очень важный для нас Кирлибабский проход. Для взятия Капуля была назначена 64-ая дивизия, части которой ночной атакой в короткой штыковой схватке сбили противника и закрепились, послав донесение в штаб дивизии,

что Капуь взят, о чем было немедленно сообщено в ставку Главнокомандующего. В связи с этим донесением, ночью же стали вырабатывать план дальнейшего наступления, когда с рассветом выяснилось, что нашими частями занята не гора Капуль, а лишь ее восточное плато. Было необходимо исправить эту ошибку и главное сгладить неловкость по отношению к Ставке. Взятие Капуля было назначено на 5-ое сентября. Этой атакой взялся руководить подполковник Дроздовский, подтянув для этого весь свободный резерв. Мне кажется, что подполковник Дроздовский чувствовал, что его присутствие и личное руководство внушало строевым начальникам, от командиров полков до младших офицеров, уверенность в успехе, а для солдат казалось необычайным присутствие начальника штаба их дивизии. Атака носила характер стремительного, безудержного натиска. Но когда передовые цепи под действием смертоносного огня в упор, захлебнувшись, залегли перед проволокой, подполковник Дроздовский, приказав двинуть на помощь новый резерв, поднял залегшие цепи и, с криком „вперед, братцы!", с обнаженной головой, бросился впереди атакующих. Мы были у цели, я — командир роты, бежал рядом с подполковником Дроздовским, все это происходило в какие--то короткие мгновенья, но злая судьба не дала возможности довести Михаилу Гордеевичу так блестяще начатую атаку, — он был ранен. Ворвавшись в

окопы противника, мы смогли продержаться там только до вечера, так как тщетно ждали поддержки со стороны соседних участков. Но там не было таких руководителей, которые готовы были с такой энергией до конца служить своему делу, как подполковник Дроздовский. Я не знаю, как на этот подвиг посмотрело высшее начальство, но мнение всех строевых офицеров и солдат было одно — не потеряй мы Дроздовского в этом бою, к вечеру мы бы уже спускались в Кирли-бабский проход".

Только в январе 1917 года, мог вернуться в строй Михаил Гордеевич и, произведеный в полковники, был назначен начальником штаба 15-ой пехотной дивизии. Его мечта получить полк, быть самостоятельным начальником, пока оставалась лишь мечтой. Там застала его революция, которая, по мнению Дроздовского, вела к гибели Россию. Вот его первое письмо после всех происшедших событий.

„Вы положились на армию, а она не сегодня-завтра начнет разлагаться, отравленная ядом политики и безвластия. Когда я первый раз услыхал о „рабочих и слодатских депутатах" — для меня ясен стал дальнейший ход событий: история — это закон. Что я переживаю? Я никогда в жизни не был поклонником режима беззакония и произвола, на переворот естественно смотрел как на опасную и тяжелую, но неизбежную операцию. Но хирургический нож оказался грязным, смерть неизбежна,

исцеление ушло. Весь ужас в том, что у нас нет времени ждать, перед нами стоит враг с армией, скованной железной дисциплиной, нам нечего будет противопоставить его удару. Так что же я переживаю? Оборвалось и рухнуло все, чему я верил о чем мечтал, для чего жил, все без остатка... в душе пусто. Только из чувства личной гордости, только потому, что никогда не отступал перед опасностью и не склонял перед ней своей головы, только поэтому остаюсь я на своем посту и останусь на нем до последнего часа".

Долгожданная мечта Дроздовского, получить полк, наконец осущтствилась. 6 апреля он был назначен командиром 60-го Замосцкого полка, но в революционных условиях это командование не принесло радости, не дало поля для широкой творческой работы, и было для Дроздовского непосильным крестом.

Несмотря на общий развал армии, боевые действия продолжались. 20-го ноября, Дроздовский по давнишнему представлению получил Георгиевский крест 4-ой степени, а представление, к Георгию 3-ей степени осталось безрезультатным (представление штаба Румфронта за № 125411).

24-го ноября он был назначен командиром 14-ой пехотной дивизии, но ввиду полной невозможности командовать дивизией при все усложнявшейся обстановке, 11-го декабря, Дроздовский сложил с себя это звание

и уехал в Яссы, где было задумано формирование Добровольческого Корпуса.

С захватом власти большевиками и фактическим прекращением войны, наступил полный развал русской армии. Один лишь Румынский фронт, находившийся в иных условиях, благодаря присутствию румынских войск, границы, отделяющей его от хаоса в России, и т. д. коекак сохранял внешний порядок.

Еще в декабре 1917 года установилась связь между генералами Алексеевым (Дон) и Щербачевым (Яссы). Тогда же в Румфронте зародилась мысль об организации особого корпуса русских добровольцев для посылки его на Дон в помощь ген. Алексееву и Корнилову. Эта идея встретила сочувствие и поддержку со стороны союзников; французы дали на организацию предполагаемого похода несколько миллионов франков.

Главнокомандующий Румынским фронтом ген. Щербачев поручил организацию добровольческого корпуса ген. Кельчевскому. Было выпущено воззвание к офицерам и солдатам Румынского фронта (см. прилож. I), с поступающих добровольцев требовалась подписка (см. прилож. II).

Одним из самых деятельных и талантливых организаторов по подготовке предполагавшегося похода был полковник М. Г. Дроздовский, к тому времени сложивший с себя обязанности начальника 14-ой пехотной дивизии. В начале января он был командирован в

Одессу, где организовал Бюро для записи добровольцев.

Тем временем осложнения росли; к середине февраля положение на юге России, через который лежал путь следования предполагаемого корпуса, находился в состоянии полной анархии. „Бескровная" русская революция начала выражаться в исступленной безудержной войне всех против всех. Море крови, пытки, насилия и грабежи на фоне страха, угнетенности и пассивности масс — вот картина царившего там хаоса.

Связь с Доном была порвана.

Видя кругом распад, не веря в возможность какой бы то ни было борьбы с большевиками, ген. Щербачев, его штаб, а за ним и испуганное офицерство отказались от своей первоначальной идеи. Проще было сидеть в Румынии и в безопасности выжидать дальнейшего хода событий. Приказом штаба Румфронта задуманный ранее поход был отменен и добровольцы, давшие ранее подписки в Добровольческий Корпус, освобождались от взятых на себя обязательств.

Гибнувшую идею решил спасти полковник М. Г. Дроздовский. Среди растерявшихся людей, долг которых был руководить и поддерживать в такие критические минуты, когда их опыт и авторитет могли бы поднять дух и объединить всех для борьбы с большевизмом, — встает скромная фигура полк. Дроздовского, объявившего прямо, что так скоро от нача-

того дела он не отречется. „Я иду — кто со мной". Это решение вызвало резкое осуждение окружавших его: мысль о походе называли безумием, авантюрой, — она вызывала насмешки и возмущение. Из всего Румынского фронта на смелый призыв Дроздовского отозвалось и поступило в организуемую им 1-ую Бригаду Русских Добровольцев всего 800 человек, не побоявшихся всех опасностей, которые стояли на намеченном пути, доверяя вполне водительству Дроздовского.

Только незадолго до выхода из Румынии ген. Щербачев изменил свое недоверчивое отношение к походу и стал помогать Дроздовскому; генерал же Кельчевский до конца где было возможно тормозил дело; Дроздовский называл его предателем.

Ярким примером отношения к проекту Дроздовского может служить следующее: В Одессе, председатель Союза офицеров ген.-лейт. Л. в резкой форме отказал в содействии отряду по формированию, пополнению и в распространении среди офицеров его идей, не желая принимать участие и брать на себя ответственность в „этой авантюре".

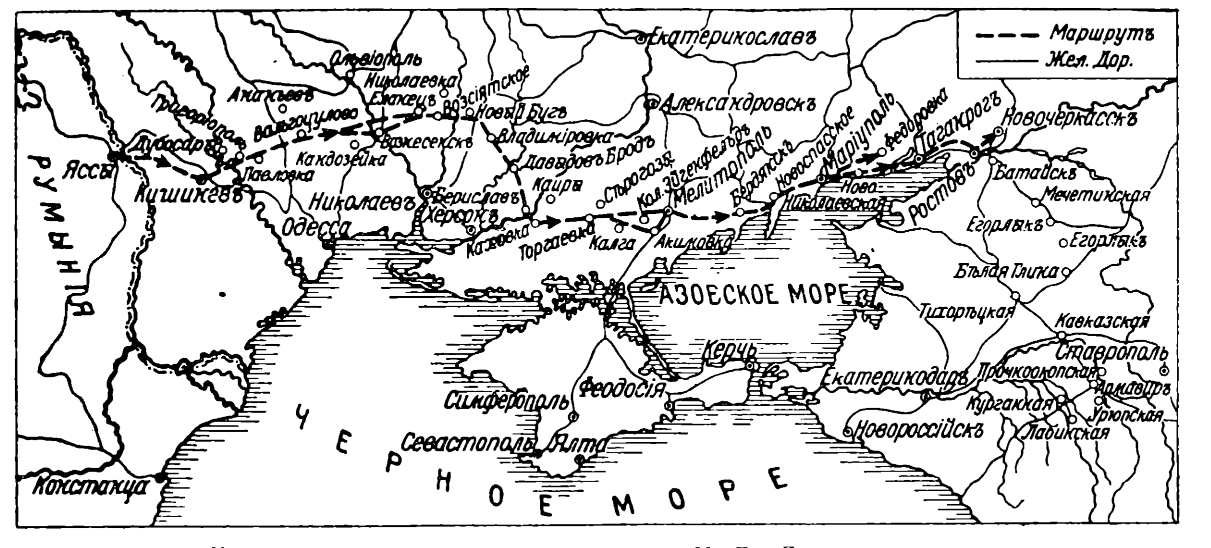
Румынское правительство, помогавшее вначале, впоследствии ставило всяческие препятствия организации отряда, требуя его разоружения.

Несмотря на чинимые препятствия, Дроздовскому удалось сорганизовать свой отряд,

который и выступил под его начальством в поход, описанию которого посвящен приводимый ниже дневник.

ДНЕВНИК

1918 — 1919

Карта пути следования отряда полковника М. Г. Дроздовского февраль-апрель 1918 года (Яссы-Новочеркасск).

20 февраля 1918 г.

Утром 19 шел Геруа[1]) передать доклад Совета[2]). Встреча с Алексеевым[3]), решение уходить. Тревожные вести — разоружение. Всё по моему предсказанию за последние 10 дней. Мое решение — пробиться. Распоряжение Лесли[4]) подготовить помещение и объ уходе; поездка в Скентею[5]) и распоряжение. Ночной переход с 20-го на 21-ое. Приступил к составлению очерка затруднений, творимых румынами. Запрещение выдачи из складов имущества и снарядов, оружия, пропусков, неотпуск лошадей в Бельцах. Распубликование в Бессарабии о том, что в Яссах ничего нет[6]); затруднения, творимые в Бессарабии — еще хуже. Официальная любезность, тайные запрещения, итальянская забастовка. Наша борьба с Синедрио-

---

1) Геруа — генерал-майор — бывший командир Л-гв. Волынского полка, начальник Штаба генерала Щербачева.

2 Совет — конспиративный совет по организации добровольческого движения.

3) Генерал Алексеев, при Штабе рум. фронта, впослѣдствии нач. Штаба Войска Донского.

4) Лесли полк. Генер. Штаба, совершивший поход с Дроздовским.

5) Скентея мест. в 60-ти верстах от Ясс.

6) Румыны распубликовали, что в Яссах нет никаких добровольческих формирований.

ном[1]) за выход на Днестр; бесконечно нервное напряжение последних десяти дней, 20-го утром записка Одона[2]) о наряде 3х эшелонов: Разрешение на вывоз оружия и артиллерии. Днем обещание отпуска недополученного снаряжения, снарядов и патронов. Подача записки Презано[3]) (все это результат давления Щербачева, увы, позднего; вообще Презано шел охотно, тормазило правительство с Авереску).

22 февраля.

Разрешение министра на перевозку — в руках. Весь день те же мытарства: румыны водят за нос, нет до сих пор допуска к бензину, нет разрешения на снаряды, инженерное имущество, снаряжение — все время только и делают — ездят к Презано и в Главную Румынскую Квартиру. Галиб [4]) пакостит, просил Авереску нас обезоружить. Составы есть, но нет еще разрешения грузить, а уже больше 18 часов. Очевидно погрузимся только завтра. Да и не могли бы — не хватает запряжи взять все имущество. Страшный кавардак и хаос, над всем царит страх отмены нашего выпуска с оружием (румынам верить нельзя) или занятия австрийцами Дубоссар.

Весь день мечусь, как угорелый, ездил в Соколы, нервы раздергались, становлюсь невы-

---

1) Синедрион — Штаб генерала Кельчевского.
2) Одон, французский полковник.
3) Презано и Авереску — румынские генералы.
4) Галиб — Украинский посол от Петлюры.

державным в разговоре. Обещались завтра примкнуть от 70 до 110 человек чехо-словаков и человек 60 запорожцев.

23 февраля

Вчера до поздней ночи читал описание района предстоящего перехода — страшно; время разлива, ряд речек, мостов нет. Через Днепр у Берислава они могут быть разведены. Трудность предприятия колоссальна.

Узнал утром о пожаре складов в Скентее. Назначено расследование.

10½ у. — Заперт румынским кабинетом министров перевозки и вообще выхода с оружием. Мотивы: предстоящий мир Румынии, а главное — Украйна заключила мир и объявила нейтралитет; без ее разрешения нельзя. Кельчевский поехал немедленно к Главнокомандующему. Мое решение — в 10—11 вечера отправить в Унгени 3 роты (на подводах), эскадрон, легкую батарею и взвод (горную бросить — снаряды подмочены), пулеметные команды, штатный обоз; колебания некоторых начальников — офицеры 26 артил. бригады. Идти силою через мост — в кармане пропуски и разрешение министра, способ — сам в голове колонны и на огонь — огонь.

Румыны всячески оттягивали отход, а полк. Дроздовский спешил, так как наступала весенняя распутица и прошли глухие слухи о предполагаемой оккупации немцами Украины. В случае дальнейших препятствий со стороны румын, полк. Дроздовский решает прорываться силою.

Предположение, что перевозка была ловушкой — всего можно ожидать[1]).

Румыны предлагали перевести отряд к границе по частям. Не доверяя румынам, полк. Дроздовский отказался, опасаясь разоружения.

Весь день беготня по ликвидации вещей.

В 6 вечера — перемена, разрешение; подали новый список подлежащих выходу частей, вооружение материальной части, требование на снаряды, патроны и оружие новое, прежние аннулированы. Разрешение Авереску. Не верю, опять игра. А время бежит, нужны спешные распоряжения. Добавление артиллерии в расчет на кишиневцев. [1]) Им придется идти пешком — нужно увеличить обоз.

Прибытие двух рот румын днем в Соколы. Демонстрация — узнав, приказал ответить тем же.

Разговор с Бологовским.[2]).

Обед в миссии. Опять бессонница.

23 февраля.

Переделка мешка вещевого. Предложение 60-ти сербов. Поездка в Соколы. Пагрузка — Отсебятина, много лишнего. 48-линейных снарядов еще нет. Возвращение. История с деньгами — нам 600.000 [3]), 200.000 Кишиневцам за

---

1) В Кишиневе должна была быть сформирована 2-ая Бригада Добровольцев.

2) Бологовской — капитан конно-горной артиллерии.

3) Из 57 миллионов, полученных от французов на организацию добровольческого корпуса, Дроздовскому было выдано 600.000 румынских лей.

февраль и март; их запрос об активной группе: острый разговор с Алексеевым в раздраженном тоне, с моей стороны — горькия истины, накипевшие в душе.

Обед в миссии; весть о движении немцев — Болград прошли — двигаются на автомобилях и конно на Бендеры: положение становится крайне тяжелым, время идет, эшелоны еще не начали ухода. Вероятно румыны нарочно тянут, чтобы немцы обезоружили сами.

Опять плохо спал. Вернулся около двух; встал в 8.

24 февраля

Надо ускорить перевозку — набросал новый план — тот сделали без моего утверждения. Опять караул не дает бензина; на остатки еду с шт.-ротмистром Преображенским. Выбрасываем 4 эшелона. Артиллерия пойдет походом кроме мортир. Эскадрон и часть обоза под командой Федулаева. Остается 3 эшелона — почти мой расчет. Издевательства продолжаются — не дают ни снарядов, ни инженерного имущества, ни оружия, ничего; что Главная Румынская Квартира разрешила — не дают караулы. Прямо саботаж; эшелоны погружены, стоят, вечером спрашивали, можно ли ехать, но так и не тронулись. Сегодня уезжают миссии — опять жди. Весь день состояние озлобления, нервность крайняя, офицеры все издерганы; решение горняков.

Опять пишем в Румынскую Главную Квартиру, а также о пропуске Федулаевской колонны — только к чему пропуска непропускающие! Около 8 веч. бензин и инженерное имущество даны; снаряды и пропуски обещаны. Эшелоны двинутся завтра — поживем — увидим. Распоряжение Синедриона о праве не идти.[1]) Положение у нас.

25 февраля

Поездка в Соколы около 2½ час. дня. Все по железной. Утром узнал, что в Александрии всего 6 эшелонов. Наконец все выдано — днем получали снаряды, патроны, гранаты ручные, ружья и т. п. Конец. В полдень отошел один эшелон. Сегодня должны отойти еще два. Разговор с Ячевичем, (движение немцев), около 300 офицеров у него в районе Галаца, спрашивал, как присоединиться. Поздно!!... Конная дивизия идет — части Грикопуло должны присоединиться; разговор с ним — указал сбор в районе Устья.

Сведения с Дона большевистских искрограмм: Ростов и Новочеркасск пали. Какие же у нас тогда цели, как искать соединения? Страшная трудность задачи. Время покажет, а пока по намеченному пути, лишь бы немцы пропустили.

---

[1]) Приказ ген. Кельчевского, что давшие ранее подписку о вступлении в ряды Добр. Корпуса, имеют право остаться и от подписки освобождаются.

26 февраля.

Утром в 10½ — в банке, в 2 ч. в Управлении. Горные снаряды разрешены. С поездом сегодня трудно, но ответ в 5 часов. Разговор с Алексеевым — освобождение офицеров от обязательства идти. Раскол среди офицеров. По какому праву эти случайные люди — генералы делают такие распоряжения; он обиделся, назвал мой проект фантазией.

В 2 часа поехал в Соколы. Встреча автомобиля с броневиками — пришли румыны (взвод роты) обезоруживать; разговор с румынским капитаном — предложение спросить по телефону свою Главную Квартиру или того же Стефанеско (предписание было штаба местной дивизии); пошли разговаривать.

5 часов. Все письменные разрешения в руках: броневая батарея, аэропланы, автомобили. Поезда: сегодня в 18, 27-го числа в 11 час. и в 16 час. Каждый по 30 крытых и 15 платформ. Поездка с Василеско в Соколы для получения разрешения на горные снаряды. Оказалось напрасно, уже все соглашено; однако застряли — не хватило бензина. Попытка поехать на Паккаре[1]) броневиков.

Лейтенант Василеско много и энергично работает.

Хлопоты с автомобилями — все стремятся недодать, офицеров не известили, что никто

[1]) Автомобильная марка.

потом догонять не будет, штаб и роты остаются — когда все это разъяснилось, — большинство роты уходит. Завтра получка денег и завтра же и после-завтра — поход. Погода сухая и жаркая.

Немцы не идут пока на Бендеры, у Лейпцигской оказался взорван или поврежден путь, сильно полагаем, что это румыны для облегчения ухода французов.

27 февраля.

В начале 15-го часа еду в Соколы — еще ни 4-ый, ни 5-ый эшелоны не ушли и даже не кончили погрузки: румыны ли поздно, мы ли медленно грузились — чорт знает, а время идет — несомненно причина неправильное соотношение платформ и вагонов. Румыны выдали не то, что мы просили; это задержало погрузку. В 16 часов 6-ой эшелон еще не начинал грузиться. Арест самозванца в горной батарее. Распоряжение продать лишние автомобили в броневом взводе. Бензину мало — предназначалось 400 пудов, а Преображенский все старается недодать. Гаражные комбинации, торговля автомобилями (тайная). Вообще последние дни (2-3) сплошная борьба с нашей авто-частью за бензин и машины, затягивание выдачи денег, задерживающее офицеров, хотя, может быть, и не нарочно.

Вообще страшно изнервничался за последние две недели: борьба с начальством, румынами, а под конец и авто-частью.

На душе тяжело, если — правда потеря Ростова и Новочеркасска, то трудность соединения почти неодолима; вообще задача рисуется теперь все более и более тяжелой. Как ни мрачно — борьба до конца, лишь бы удрать от немцев за линию Слободка-Раздельная и дальше сохранить в целости полную организацию отряда, а там видно будет — может и улыбнется счастье. Смелей вперед!

Успеем-ли, сумеем-ли проскочить?

Около 19 часов получил телеграммы от 26 числа. 2-ой эшелон прибыл, Войналовича[1]) нет, не знают — что им делать. Сильно встревожен. Недавно пропал автомобиль с 3-мя офицерами неизвестно где, а тут у Войналовича все инструкции, сам по себе он очень нужен и трудно заменим, да с ним интендант с 50.000 рублей.

После 20 часов разъяснилось, приехал офицер из Кишинева за деньгами для 2-й бригады — он уже видел там Войналовича, очевидно выехав на ночь, где нибудь застрял.

Завтра в 14 решил уходить с авто-колонной, — задерживает получка офицером денег для 2-ой бригады — надо взять его с собой.

До 3-х часов ночи писал письма.

28 февраля.

Около 12 приехал в Соколы. Одну броневую сдали румынам, продали три броневых

---

[1]) Начальник Штаба отряда Дроздовского.

машины, но дешево за бензин и деньги. Зато имеем не мене 200 пудов запаса только в батарее. Эшелоны 4 и 5 ушли, грузится 6-ой. Повидимому не все поместится в эшелон — дал указание все худшее и менее нужное продать. Вернулся въ 12½ в Управление — сведение, что немцы заняли Раздельную и станции дороги: украинцы пристально следят — сказал Федоров. Просил распустить завтра слух, что, сосредоточившись на сев.-вост. от Кишинева, пойду на Рыбницу, Балту, Ольвиополь на соединение с поляками. Авось надую немцев, хотя сомнительно; положение в общем тяжелое — слишком поздно уходить. Офицер 2-ой бригады не может сегодня ехать, и чтобы не задерживать уход, взял 75 т. руб. за 120.000 лей для уходящих с собой. — Выехали из общежития в 2½ часа. Мигай остался, чтобы взять Лаурин-Клемент[1]) — будет нагонять. Я с Неводовским[2]), Храповым и пом. шоффера пошли вперед на Пирсе[3]). До границы раза три останавливали с пропусками. В Унгенах нагнали броневиков на переправе; возня с комендантом, детально проверяющим машины. Ступин, наскочив на Пакаре[4]) на переднюю маши-

1),3) и 4) Автомобильная марка.

2) Генерал-лейтенант Неводовский, приехав в Яссы, когда отряд был уже сформирован, получил предложение от Дроздовского идти с ним рядовым артиллеристом, дал немедленно свое согласие, но сейчас же выяснилось, что ранее назаченный началник артиллерии остается в Яссах и ген. Неводовский занял этот пост.

ну, разбил фонари, помял крыло; с машиной что-то не в порядке — ее буксировали; остался сзади еще и грузовой Пакар. Погода хмурится, начинает накрапывать. Дорога дрянь, ухабы.

От Унген на Пирсе ушли значительно вперед. Хотели сегодня попасть в Кишинев (остальные решили ночевать в дороге), но остановки с пропусками, две лопнувших шины и плохая дорога — задержали — уже темнело, часов в 8-8½ приехали в Калараш; фонари не горят, ночевать в Кишиневе негде. Решили искать приюта у священника (благочинный), там ликвидационная комиссия 27-го тяж. дивиз.; напоили чаем, покормили, устроили на ночлег на походных кроватях. Разговоры на темы пережитого, хозяйничанье большевиков, приход румын.

Дождик, дорога немного грязнится.

1 марта.

Насморк и бессоница продолжают изводить. Хозяева артиллеристы напоили чаем. Выехали около 11. На подъеме в Калараше долго возились по скользкой мокрой дороге, буксовали колеса, долго надевали цепи, в остальном добрались до Кишинева без приключений около 2 часов дня. Прямо в штаб 2-ой бригады. Сдал деньги, повидимому присоединится мало — несколько десятков — результат работы руководителей и прямо отговаривающих и

всячески работающих против (особенно, говорят, Асташев и Ракитин[1]); вообще состав оставляет желать лучшего — распущены, разболтаны. В 6-ом часу узнал о прибытии горного и кав. эшелона — было столкновение на одной станции, кажется в Калараше с румынами, выславшими роты, выставившие пулеметы; у нас ответили тем же выставлением пулеметов с лентами; одному румынскому офицеру дали затрещину, разошлись миром, румыны ушли и больше не занимались провокацией.

2 марта.

В это время в Кишиневе находилось много офицерства. Дроздовский произнес там прекрасную речь о целях похода, предлагал подчиниться с отрядом ген. Белозору, лишь бы скорее пойти на помощь генералам Алексееву и Корнилову. Но генерал, основываясь на приказе Штаба Румфронта, освободил всех от обязательств по подписке, называя этот поход авантюрой. Он уговаривал не идти, не доверяться безумному плану Дроздовского. Из всех бывших в Кишиневе — присоединилось всего 60 человек. Амуниции, бывшей в большом количестве, не выдали отряду Дроздовского.

Утром в 11½ в помещении 4-го полка собрались офицеры — говорил о том, что обязаны придти все, но что не гонюсь за числом, нужны только мужественные, твердые, энергичные, нытикам не место; кто идет — пусть

[1]) Ген. Асташев и Ракитин близко стояли к делу формирования 2-ой Добровольческой Бригады в Кишиневе.

поторопится присоединиться сегодня и завтра утром.

К утру собрались на вокзале все эшелоны окончательно. Вчера вечером пришли автомобили, сегодня днем броневой взвод. Заглянул к автокоманде представитель Сфатул-Церия, хотел реквизировать — указали, что первая добровольческая бригада и выставили. Шакалы!

Войналович уехал днем не Пирсе (Кейс неисправен) боюсь, чтобы без него не вышло скандала. Кажется, под давлением румын, должны были первые роты (1-ая и 2-ая) перейти в Дубоссары при неизвестной обстановке и могли быть отрезаны немцами, а мост закрыт румынами. Сказал во что бы то ни стало сидеть на переправе верхом, обеспечив обратный уход передовой части через мост.

На вокзале склад имущества; не на чем вывозить; продовольствие, обмундирование, оружие, боевые припасы; распоряжений ясных не оставлено, вообще с грузами хаос; приказал, что возможно, поднять, отобрав необходимейшее, прочее уничтожить или продать, поручить это старшему из оставшихся при обозах офицеров, капит. Соболевскому. Некогда тут заниматься устройством складов и их перевозской в несколько оборотов.

Агитация против похода изводит, со всех сторон каркают представители генеральских и

штаб-офицерских чинов; вносят раскол в офицерскую массу. Голос малодушия страшен, как яд. На душе мрачно, колебания и сомнения грызут, и на мне отразилось это вечное нытье, но не ожидание встречи с ней. А все же тяжелые обстоятельства не застанут врасплох. Чем больше сомнений, тем смелее вперед по дороге долга....

Только неодолимая сила должна останавливать, но не ожидание встречи с сей. А все же тяжело. К 5-ти часам все части, кроме обоза, ушли вперед. Завтра повожусь с уходом местных офицеров, увозом грузов, а там утром 4-го и сам вперед.

3 марта.

Вечером разговор у Кейданова с офиц. 2-ой бригады и Трахтенбергом, что много, почти все пошли бы, если бы приказали, но когда начальство объявило, что подписки уничтожаются, свободны не идти с нами, а одиночно — пошло очень мало... Всё наделал, главным образом наш штаб и штаб 2-ой бригады; впрочем, всё к лучшему — рвани не нужно. Сильная мысль — всех на подводы, а на многих подвод не хватит. Получил донесение, что Дубоссары заняты нами. Об австро-германцах ни слуху. Большевики бежали, 4-х захватили из комитета, один из коих раньше хвастался, что убил 10 офицеров и 1 архиерея. Верстах в 45 севернее Дубоссар есть сведения — поляки.

Пошел разыскивать, чтобы связаться. Днем хлопоты с отправкой обоза, румыны требовали в 12, ругался, злился, выторговал в 2 часа. Остатки продуктов и вещей продаем.

Часов с 5 шла нагрузка камионов (грузовиков), кончившаяся в темноте. Завтра будет окончательная продажа оставшегося.

Вечером собираюсь быть в оперетке, отдохнуть, „Цыганская Любовь". Когда еще придется!

А сомнения грызут, чем добрее дух идущих офицеров, тем больше обрисовывается разница между нашими и кишиневцами, тем больше жжет ответственность. Туда ли и так ли веду их.

Можно возгордиться — как боятся нас и румыны и Сфатул-Церий — смешно: мы кучка людей, никогда нельзя бы подумать.

4 марта

С утра заботы о ликвидации запасов — интендант заболел, поручил его помощнику, поездка на вокзал, приказ снять караул и присоединяться. Продали Пакар и Кейс за 12.000 рублей. Только в 16 часов выступила колонна. Минервы [1]) с помощником интенданта и тремя чинами караула нет. Вытянув колонну, ушли вперед. Прибыли в Дубоссары в 18; — здесь все части отряда, на правом берегу ничего. В Криулянах обогнал наш обоз (6-ой эш.) и

[1]) Автомобильная марка.

скот. В Дубоссарах разместились хорошо. О немцах ни слуху. Несколько большевиков арестовано. Жители довольны, из Григориополя накануне присылали от сельского управления с просьбой их освободить; послали несколько человек — большевики бежали. Настроение хорошее, и себя чувствую бодрей — бодрей смотрю на будущее.

В 11 — ужин. Артиллеристы чествовали Неводовского, своего училищного офицера — засиделись до 2-х часов.

5 марта, Дубоссары.

Проснулся рано, яркое солнце. Австрийцев нигде не обнаружено. Всё улыбается. В 11 часов собрание старших начальников для реорганизации отряда, обоза (все на повозки); сокращение числа автомобилей — командировка продать часть и на это купить бензин; пьянство офицеров, попытки насилий, самочинные аресты; сепаратистическия течения: в артиллерии, у конно-пионеров и т. п. — непривычка, вернее отвычка повиноваться.

На этом собрании была окончательно установлена конструкция отряда, который был подразделен на: пехотный полк под командой ген. Семенова, впоследствии отставленного от командования и даже удаленного из отряда полковником Дроздовским; два эскадрона конницы под командой ротмистра Гаевского и артиллерию под командой генерала Неводовского.

Конно-пионеры под командой ротмистра Двойченко принадлежали ко 2-ой Бригаде Русских Добровольцев; присоединились в Кишиневе.

К вечеру вести о разъездах австрийцев, человек в 20-25, в Ягорлыке и у Окны. Положение затрудняется нежелательностью столкновений. Сведения от жителей — (может и врут), — но про разъезд у Ягорлыка очень достоверное изложение факта. Около 23 ч. приказал послать взвод на Ягорлы немедленно. В бой не ввязываться, а если пойдут в Дубоссары, — заманить. Решил приготовить все к выступлению 6-го вечером. Поживем, увидим — утро вечера мудренее.

6 марта.

Утром донесение от разъезда, что в Ягорлыке был австрийский офицер с двумя всадниками, который тогда же вечером ушел. Разъезд остался в Ягорлыке, выслав дозоры. По словам жителей верстах в 20 севернее Ягорлыка есть человек 300 австрийцев.

Всё утро хлопоты с отсылкой лишних автомобилей на продажу, подготовкой частей к выступлению; упорная борьба с сепаратистами, желающими все делать по своему; не привыкшими к точности. Приучаю к исполнительности. В 4 часа дня посылаем конницу и броневики вперед с целью разведки и обеспечения; Войналович упорно хотел придать горный взвод, проявил феноменальную настойчивость; все же не согласился — сейчас он там, как пятая нога собаке. Главное еще не сформировался.

Услали в Кишинев обе легковых и два грузовика продавать и достать бензин. Два грузовика продали здесь за 6½ т.

Утром уехал Козлов — долго вчера с видом побитой собаки объяснял, что он не боится, а только ему с нами нечего делать и стыдно брать жалованье, а из Ясс он поедет в Сибирь с той же идеей, что и наша. Не огорчен — и слава Богу. Говорил с ним кисло и он это чувствовал.

Весь день сборы, организация обозов. Удрал Борзаков. До поздней ночи танцы в здании кино с местным обществом — вид местных здорово демократичный. Наши в походной форме. Наблюдал до 1½ часа ночи.

7 марта.

В третьем часу донесение от Гаевского — ничего серьезного, стал на ночлег.

Выступление затянулось, сборный пункт Семенов назначил в стороне, в Лунке; тронулась колонна в 9.20. Неслаженность движения, страшная растяжка, вообще чудовищный обоз надо энергично сократить, чем займемся на дневке; крутые подъемы и спуски также увеличивали растяжку и разрывы. На привал голова колонны пришла около 3¼. На привале двух отправили в дальнюю командировку[1]).

---

[1]) Ген. Дроздовским периодически посылались надежные офицеры для пропаганды и вербовки офицеров в добровольческие части.

Погода почти жаркая, солнце светит во все лопатки, дорога хороша. Донесения от конницы утешительные — из Окны ушли на север.

Выступили с привала в 5¾.

Только в 11-ом часу голова колонны прибыла в деревню, почти 3 часа шли при луне; поэтично, но неприятно: и невыгодно: опрокинули один ящик 48 лин. и две или три повозки поломались.

Штаб в именьи Анатра и в дер. Кошарка приняты очень любезно; легкая батарея и обозы в Слободке, прочие в Кошарке.

Прочли о себе в Одесских газетах о Дубоссарах — беглые евреи пропечатали и все наврали — ни слова правды.

Побег пор. Ступина и Антонова на Пакаре; украли 10 пуд. бензина.

8 марта.

В 7 час. на ногах, устал сильно и хотелось спать — полубезсонные ночи сказались — увы теперь некогда высыпаться. Выступление назначено на 10 часов в три колонны.

Выступили около 10. Крутые подъемы с горы на гору, колонна растягивалась страшно, мортиры никак не шли, обоз растягивался, автомобилям часто помогали руками. Средняя колонна при переходе дважды пересекалась австрийскими эшелонами — мирно. Один офицер сломал ногу, отправил на Мардаровку,

сказав, что из ликвидационной комиссии в Баделове, австрийцы спрашивали — не из проходившей ли колонны. Рассказывали, что австрийцы кричали — счастливой дороги — они там пересекали колонну самаго разъезда, австрийские офицеры приветствовали отданием чести. На разъезде до встречи с эшелонами получены донесения, что в Вальгоцулове австр. батальон с пулеметами. Решил остановить и сосредоточить колонны в Николаевке Зарница — новая (на карте нет) и в Борисове, где ждать дальнейшего от разведки. Получение донесения по прибытии в деревню, что австрийцы ушли. Остановка на ночлег — устали, уже было около пяти, ждать точных донесений еще часа 2. Получил донесение об украинцах. Решение завтра идти в Вальгоцулово всем, где дать дневку. Решение расформировать мортиры и сократить обозы. Ходатайство командира мортирного дивизиона — решение сократить вдвое ящики и за их счет 8-ю упряжку и заводных.

Хозяева чудно приняли, заботились, накормили лошадей даром. Деревня тихая, хорошая, избы хорошие. Присоединились к коннице два офицера — добровольца, сыновья соседнего помещика.

9 марта, Вальгоцулово.

Выступили в 9 час. правая по большой дороге на Вальгоцулово, левая со мной по крат-

чайшей на западную окраину; пехота пешком. Вскоре по прибытии разъезда на Мардаровку в Плосское обстрелян австрийцами, легко ранившими одного; по получении донесения решил выслать броневик, усилить заставу и приказал собрать подводы для приготовления к походу, это было часа в 2. Вскоре прибыли оставшиеся в Дубоссарах кавалеристы и грузовой автомобиль, все вооруженные. Австрийцы их любезно пропустили, говорили, что ранили двух большевиков, которые грабили жителей — оказывается — это реквизиция моею конницей, потом долго шли с австрийцами разговоры по телефону с Мардаровской, из коих выяснилось, что они нас не преследуют, но им жалуются жители на насилия и они, как прибывшие для защиты, должны принимать меры. Зная, что мы нейтральны (мы это им говорили), они против нас ничего не имеют, предлагают свободный путь, лишь бы не обижали жителей; много лжи, больше все евреи клевещут, но много самоуправствует конница. Сегодня я очень ругал конницу, грозил судом, потребовал окончательного прекращения реквизиций. Австрийцы обвиняли также, что наш разъезд первый открыл огонь — возможно; эта буйная публика может только погубить дело, пока налаживающееся в виду нейтралитета немцев. Из Ананьева прибыли 4 офицера узнать, что у нас — говорят: там много офицеров и решили вернуться с группой желаю-

щих присоединиться; австрийцев там нет. Броневик по выяснении дела возвратился. В связи со всем решил пока, тщательно охраняясь, если возможно, сохранить дневку, а потом сразу быстро уходить. Приказал во всяком случае ликвидировать всё лишнее в обозе спешно, завтра утром посылаем еще 2 грузовика в Ананьев для продажи и один за бензином. Таким образом опять целый день волнений —слишком близко австрийцы; евреи крайне враждебны, крестьяне за нас, озлоблены на евреев, приветствовавших австрийцев, и недоброжелательны последним.

Успокоимся, когда в глубь заберемся.

А тут еще уже поздно вечером по телефону говорил комендант Мардаровки, прося, не стрелять по их отдельным небольшим группам, если будут проходить — не ловушка ли, — накапливание... Войналович все считал пустяками, был против моего желанья отмены дневки, а теперь и сам поколебался; но теперь я все же склоняюсь подождать сведений, а при первых тревожных признаках — уходить. Послезавтра же, во всяком случае, начать спешный уход. Распускаю слухи, что здесь останемся еще дня 4-5, а потом перейдем в Ананьев.

Прибыли три Замосца[1]) из Одессы: Ляхницкий, Кулаковский и Чупрынов. Отчет о по-

[1]) 60-ым Замосцским пех. полком командовал на войне полк. Дроздовский.

ложении дела в бюро, Кулаковского решил послать в Одессу, закрыть бюро и взять кого можно, ловить нас в пути, ожидая посыльного в Кантакузенке.

Погода все время чудная, сегодня хорошо было идти, не жарко — ветерок; вся природа казалось бы улыбается, а на душе тревога за отряд.

Подлость масс, еще вчера буйных и издевавшихся, сейчас ползающих на коленях при одной угрозе; снимают шапки, кланяются, козыряют — вызывают в душе сплошное презрение.

Остановились у С.; приняли очень любезно, кормили, поили, заботились. Газетная травля (еврейская) „Одесских Новостей" и других социалистических листков (прап. Курляндский) — желание вооружить всех — впереди нас идет слава какого-то карательного отряда, разубеждаются потом, но клевета свое дело делает, создает шумиху и настораживает врагов. А ведь мы — блуждающий остров, окруженный врагами: большевики, украинцы, австро-германцы!!!

Трудно и тяжело! И тревога живет в душе, нервит и мучает.

10 марта, м. Святотроицкое.

Около 2-х донесение Мардаровского разъезда о том, что около 18 час. в Мардаровке высадилось два эшелона австрийцев, которые как будто ожидают боя с нами; в 3-м часу донесе-

но, что якобы жителям Плоское приказано оставить их деревню, так как ожидается бой; сведение довольно странное — почему Плоское, ведь не мы же будем вступать в бой... Но во всяком случае решил выступать, как только успеем и отдал приказ немедленно собираться в поход. Обоз впереди.

К выступлению луна зашла — темно, запряжка и кормежка лошадей трудна, уход затянулся, только в 7½ хвост колонны (арьергард) конница и горная артиллерия вышли из деревни; утро холодноватое, туман — всё равно наблюдение австрийцам, бывшим далеко, — невозможно, только секретные агенты могли видеть.

Шли спокойно, на 18 версте привал — покормить и напоить лошадей, частью некормленных и непоенных. В 18 часов прибыли в Святотроицкое. Стали довольно хорошо, жители-крестьяне благоприятны; наша хозяйка и хозяин хаты очень радушны, заботливы, даже сахар выставили. Холодновато только в хате, спали на кроватях — крестьяне состоятельные — взяли за все не дорого, по-божески. Страшно устал, глаза смыкаются, волнения и бессонные ночи сказывались еще на походе, не раз начинал засыпать в седле; часам к 22 сон совсем разобрал — улегся и как камень в воду.

11 марта.

День тоже пасмурный, холодный ветер! Выступление в 9 часов. Дорога среди степи, на

десятки верст ни селенья, только изредка отдельные хутора. Довольно крутые овраги, дорога гладкая; твердая — но тучи грозили не раз перейти в дождь, а тогда, — невылазная грязь вместо асфальта. Начинало накрапывать, но ветер, дувший, как сумасшедший, — до боли в глазах, разогнал тучи: когда пришли в Веселое в 5-м часу, уже было голубое небо.

Пыль и ветер стали угнетать на ходу.

При уходе из Святотроицкого арестовали солдата (уволенного) из местных, агитировавшего в нашем обозе против офицеров; в Новопавловке арестовали еще 6 человек из большевистских заправил, список коих был получен полк. Лесли в Ананьеве от местной офицерской организации. Сидят пока у нас под арестом. Нескольких, однако, не успели захватить — удрали заблаговременно. Крестьяне посолиднее очень довольны арестами. Чем дальше на восток, тем видимо сильнее дух большевизма — уже не так радушно встречают, замечается иногда враждебное отношение — „буржуи, на деньги помещиков содержатся, отбирать землю пришли". Есть, однако, очень немало и на нашей стороне, но они терроризированы; например, хозяин нашей избы, даже не из богатых, подтвердил все данные Леслевского списка, жаловался на террор, что наш конюх (штабной) собирается сегодня бежать, что он сочувствует большевикам (сам проговорился перед женой хозяина), но все это гово-

рил наш хозяин шопотом, умоляя его не выдавать. И вообще нередко являются с петициями — убрать большевиков — увы не можем много шуметь, дабы не губить свое дело соединения с Корниловым.

Конюха пока арестовал.

Отряд стал в д. Веселая, автомобили в соседней деревушке (не имеется на карте), а конница, в колонии Веселая 3 версты восточнее деревни. Там, между прочим, произошел комичный эпизод; в имение, что рядом, приехал наш офицер-фуражир, а в это время туда явилось 8 франтов пограбить, — очевидно еще не слышавших о нашем прибытии в здешние края. Наш фуражир, закупив фураж у помещика и увидев, что эти 8 франтов желают грабить, заставил их всех грузить им закупленное на подводы, доставить в эскадрон, выгрузить, а потом крепко друг друга выпороть... Потом их выгнали; жаль...

В 23 час. кончали ужин, явился офицер от Жебрака, тот идет из Дубоссар, более чем со 100 добровольцами и массой (чуть не втрое) лошадей и с обозом; 10-го должен был выступить из Дубоссар. Это очень ценное прибавление, сам Жебрак очень ценный, как человек воли; решил задержать свой марш на правой стороне Буга лишних 1-2 дня, выждать присоединения. Вот люди, которые хотят придти! Начинаю бояться за погоду — уж больно много зависит от нее и проходимость дорог,

и, главное, глубина бродов, а погода капризничает и зловеще...

12 марта, д. Веселая (на реке Столбовой).

Дневка.

Шли работы по проверке, организации и сокращению обоза: пока все совершается в частях, а затем проверено будет особой комиссией.

Вели стрельбу из пулеметов, бросали ручные гранаты, производили ученье — рассыпной строй. С погодой не хорошо — ветер по прежнему дует изрядный, тучи бродят угрожающе — того и жди, будет дождь. Решил еще один день стоять — тут спокойнее ждать Жебрака. Высланы шесть тайных разведчиков в Контакузенку, Акмечеть и Константиновку[1]). Вечером узнал у искровиков тяжелую вещь: немцы сообщают о большой победе на западном фронте — 45 т. пленных, 600 орудий и массы запасов; указывают пункты, представляющие прорыв фронта. Подействовало ужасно — ведь только победа союзников могла быть для нас надеждой на спасение. Тоска, безнадежность, тоска...

13 марта, дер. Веселая.

Ночью приехал Жебрак — его отряд должен ночевать сегодня в Новоповловке. С ночи

1) Разведчиков переодевали большевиками.

погода испортилась вполне, ветер стих, но пошел дождик, потом мокрый снег. Путь, начавшийся под таким благоприятным знаком, стал осложняться; трудности переправы велики, только броды, и вероятно не мелкие (а тут дождь), вода холодная; в Вознесенске несомненно австрийцы — трудно будет проскользнуть через этот рубеж — по боевым условиям трудней, пожалуй, чем через Днепр (потом выскажу свои соображенья — почему). Но надо всем доминируют вести с запада — это пожалуй уже катастрофа, угнетающая меня до основания; неужели Россия погибла? И все-таки вперед; потеряно всё, остается только возможность выиграть, помочь несчастной стране. Нам осталось только — дерзость, наглость и решимость.

Около 16 час. поехал в Новополовку, куда на ночлег прибыл отряд Жебрака; переговоры с Жебраком — соединение не состоялось, опять наследие.

Завтра выступаем; дорога хотя и не вязкая, но верхний слой подмок и уже труден для автомобилей и неприятен пешеходам, на полях редкий снег, к ночи определенно холодно, подмерзает: тяжелые условия для переходов в брод, если даже последние окажутся довольно мелкие. В общем, переход Буга, один из самых трудных барьеров.

14 марта.

Всё вокруг в белом саване — за ночь выпал снег, окна замерзли, определенно холодно — мороз 2-3 гр. и холодный ветер: земля подмерзла. Условия переправы складываются всё суровее и труднее.

Колонна выступает в 9 часов.

Вначале было холодно идти, постепенно к концу марша потеплело, мороз окончился. На большом привале зашли в соседнюю избу пообедать молоком и яйцами, солдатка — муж в плену, она и ее квартиранты жалуются на современные „свободы", „раньше было лучше", приходится слышать очень часто, но полная неспособность бороться, одни сетования; запуганность, забитость, а охотно сообщают имена зачинщиков и комитетчиков, если только расчитывают, что их не выдадут. Пришли в Домашевку часов в 4½. История с квартирами 2-ой роты — в ее район понасадили сестер, начальствующих лиц, всем хорошия квартиры. Это недовольство высказывал ген Семенов.

Вернулась разведка (тайная) и разъезды.

Сведения о переправах — хороший паром у Акмечети, бродов нет; у Кантакузенки мост не охраняется, но в Вознесенске батальон австрийцев с 4-мя орудиями — проходившие большевистские части через брод Мертвоводы были ими обстреляны — я этого не хочу!

15 марта, Домашевка.

Утром собрал все донесения — принял окончательное решение: переправляться у Александровки с автомобилем — паром подъемностью 800 пудов. Делает рейс в одну сторону 3-4 минуты; переправу начать сразу с подхода, ночью, когда спят, для чего выступить в 18 часов, при чем конница с конно-горной вперед переменным аллюром для начала переправы. За ними вся пехота с пулеметами, затем артиллерия, потом обозы; автомобили в конце, так как нужно особое оборудование парома. На всякий случай легкая батарее при начале переправы будет оставлена на правом берегу на позиции (опять же практика).

Все время до похода прошло у меня в налаживании отношений старших начальников к добровольцам, по устранению впредь квартирных трений, по ликвидированию сестер, из коих оставлено пока только 4 (из 11-ти); указал, чтобы, не исключая и жены Лесли, все жили вместе при отрядном лазарете — это не свадебное путешествие; пришлось выдержать сильную атаку ликвидируемых сестер, но устоял, разрешив довести только до Александровки, откуда ближе к железной дороге. Наладил связь с ожидаемым Кулаковским — все благополучно, он прибыл еще с 4-мя; отличный, редкий офицер.

Днем работала комиссия по проверке и сокращению обоза — некоторые результаты дала.

В Домашевке по авто-части крупная удача — у местной помещицы в соседней экономии купили до 250 пудов бензину, который она охотно продала и недорого: по 20 рублей за пуд. Она сильно опасалась, что большевики или иная нечисть заберут даром. А нам торжество — на все машины теперь бензину хватит верст на 500, если не больше.

Выступили в 18 часов.

Семь человек отправлено в дальнюю командировку.

В дороге мысль настойчиво вертелась вокруг прошлого, настоящего и дней грядущих; нет, нет да и сожмет тоской сердце, инстинкт культуры борется с мщением побежденному врагу, но разум, ясный и логичный разум торжествуй над несознательным движением сердца... Что можем мы сказать убийце трех офицеров или тому, кто лично офицера приговорил к смерти за „буржуйство и контр-революционность". Или как отвечать тому, кто являлся духовным вождем насилий, грабежей, убийств, оскорблений, их зачинщиком, их мозгом, кто чужие души отрявлял ядом преступления?! Мы живем в страшные времена озверения, обесценивания жизни. Сердце, молчи, и закаляйся воля, ибо этими дикими разнуздан-

ными хулиганами признается и уважается только один закон: „око за око", а я скажу: „два ока за око, все зубы за зуб". „Подъявший меч..."

В этой беспощадной борьбе за жизнь я стану вровень с этим страшным звериным законом — с волками жить...

И пусть культурное сердце сжимается иногда непроизвольно — жребий брошен и в этом пути пойдем бесстрастно и упорно к заветной цели через потоки чужой и своей крови. Такова жизнь... Сегодня ты, а завтра я. Кругом враги... Мы, как водою остров, окружены большевиками, австро-германцами и украинцами. Огрызаясь на одних, ведя политику налево и направо, идешь по пути крови и коварства к одному светлому лучу, к одной правой вере, но путь так далек, так тернист.

Холод усиливается — почти мороз; полная луна холодным светом освещает пустынные, ровные пашни, изредка прорезанные узкими полосками снега. Большинство идет пешком почти весь переход. Слезли с подвод — всё же теплее. Холод проникает всюду...

12-ый час, вот и река.

16 марта, Александровка.

В ½ двенадцатого, когда голова нашей колонны подошла к парому, уже началась переправа горной батареи; эскадрон был уже на

левой стороне. Переправа тянулась долго — только в 6 часов переправил части, и началась переправа обозов.

Чем дальше к утру, тем становилось холоднее — усиливался ветер, грелись у костров из камыша, соломы, сухой травы и бурьяна — дров нет; в домике паромщика битком набито греющимися.

Вернувшись в штаб, пил чай. Почти совсем не заснул. Днем от заставы донесение о приходе на станцию Трикраты эшелона — донесение, до крайности не вязавшееся с обстановкой; по выяснении оказалось мифом — пришел поезд с товарными вагонами.

День опять ветряный и холодный.

Бессонная ночь сказалась, устал, хочется спать — лег в начале 10-го.

17 марта, Петропавловка.

С утра пурга; с выступлением задержались, и колонна двинулась только в 7½, вместо 7-ми. Ветер восточ. — северо-вост., холодный гнал тонкую снежную пыль, резал лицо, коченели руки, отмораживались уши, лед нависал на усах и бороде, на ресницах и бровях. Может, дорогу плохо видно. Снег слепит чем дальше, тем больше. Идти очень тяжело, в особенности артиллерии и кавалерии — мерзнут руки и ноги. Мортирщики стонут, много добровольцев полумальчишек, ясно, что 45 верст им было бы не под силу в таких условиях. Со-

кратил переход, остановившись в Спасибовке и Петропавловке, вместо Еланца. Бежал прапорщик, летчик Бербеко, со своим приятелем — не усмотрела конно-горная.

Как разнообразно отношение жителей — масса во многих деревнях очень благоприятно настроена, так в Акмечети и Александровке. Акмечетских 3-х убийц полковника, которых выдали нам сами жители, сегодня расстреляли. Акмечетские особенно помогали переправе, их комитет сам прислал своих плотников и техника направить паром для броневиков. Дали доски для усиления и вообще оказывали всякое содействие.

Приходится выслушивать много жалоб, просьб о разборе разных ходатайств о защите от одних и видеть злобу и косые взгляды других; иные бегут, только слыша о нашем приходе. Наши хозяева среднего достатка, боятся грабежей, лучшее имущество хранили в бочке в стоге соломы, при нас только вынули пересмотреть и проверить!

Сломалась на походе ось горной пушки — слава Богу починили.

18 марта, м. Еланец.

Настоящая зима, хотя не холодно. Ветер сильный. Кругом бело. По дороге снега не много, но все же для автомобилей плохо.

Бросили автомобиль с пушкой — что-то сломалось, кажется, шестерня. Суток 3 надо

для починки, если вообще можно, но по внешним признакам нельзя — а ждать невозможно. Взяли, что можно: запасные части; машину и орудие испортили.

Выступили в 9 часов. Дорога до Сербуловки была очень тяжелая — от таяния тонкого слоя снега верх дороги загрязнился. Стало скользко и липко. А тут еще перед выходом на тракт не мало поблуждали целиной по степи — проводник плутал. На ногах налипали комья грязи...

Головной броневик, который должен был идти с конницей, положительно надрывался. Конечно, за конницей не поспел. Колеса буксовали; даже одев лапы, шел с трудом; кое-как добрался до Сербуловки, по деревне не смог пройти, так как мост через ручей был крайне ненадежен... Тут мы его и оставили. Я приказал ему ждать остальные автомобили и выступить всем вместе, ночью, когда подмерзнет. После Сербуловки в общем дорога была хороша — почти везде сухая. Через первый встречный ручей пройти не удалось, так как пародия на мостик была разрушена. На переезде через ручеек увязали даже телеги. Пришлось дать врсты две крюку на обход...

Вообще из-за дороги переход оказался достаточно неприятным — воображаю, что здесь делается, когда получается настоящая грязь.

Большевиков нет нигде, говорят, что они бегут при первых вестях о нашем приближении и давно уже покинули наш район; вообще о нас ходят самые дикие вести: то корпус, то дивизия, то 40.000, буржуи, нанятые помещиками, старорежимники. Жители разбираются в общем слабо; нередко спрашивали: „Вы украинцы?" — „Нет", „Австрийцы?" — „Нет", „Большевики?" — „Нет", „Так кто-же вы?" — „Мы — русские", „Значит большевики — русские ведь все большевики".

В общем массы довольны. Просят защиты, установления порядка: анархия, дезорганизация измучила всех, кроме небольшой горсти негодяев. Говорят, что некому жаловаться, нет нигде защиты, никакой уверенности в завтрашнем дне. В Еланце просят навести порядки, если не можем репрессиями, то хоть напугать... Постоянные налеты, грабежи, убийства терроризировали население, а виновных боятся называть из страха мести. Наши хозяева евреи, ограбленные вчера на 900 рублей, встретили нас крайне радушно. „Хоть день будем покойны!"

К интенданту привезли, собрав по домам, три воза хлеба и очень удивились, что он заплатил. Посылали в виде откупного, так привыкли, что проходящия части грабили и отбирали даром. Это углубление революции после большевистского переворота гастролерами, на-

езжающими в деревню — грабежи имений и экономий под угрозой пулеметов; иногда, впрочем, сопротивляются, дают отпор, защищая помещиков (Доманевка, Трикраты). Самое зло — пришлые матросы и солдаты-красногвардейцы.

В Еланце пришлось дать дневку, поджидая автоколонну — еще день пропал против расчета, еще промедление... Начинается полоса неудач, пока еще не очень значительных. Погода здесь — великий фактор.

19 марта, Еланец.

Вынужденная дневка — поджидал автомобили. Последний добрался только часов в 14. Уже сильно чувствуется необходимость хорошего ремонта, а потому решил бросить отдельно авто-колонну на два перехода вперед, вместе с двумя днями дневки получат 3-4 дня где ей и ждать соединения с нами. Тогда они на ремонт; автомобильная искровая станция будет нас связывать при раздельном расположении. Погода слегка пасмурная, ветра нет, подсыхает, но очень боюсь дождя...

От грабежей и налетов стон стоит. Понемногу выясняем и вылавливаем главарей, хотя главные заправилы умудряются заблаговременно удрать; в штабе сосредоточиваются показания всех квартирохозяев; также помогла очень посадка своего переодетого вместе с арестованными — те ему сдуру многое порас-

сказали. Жители боятся показывать на формальном допросе, только три-четыре дали показания под условием, что их фамилии останутся неизвестными. Наш хозяин, еврей, говорил, что местные евреи собирались послать делегацию просить оставить какое-нибудь угрожающее объявление о поддержании порядка, а то их перед нашим приходом грозили громить, а теперь грозят расправиться, когда мы уйдем. А ведь они не рискнули назвать ни одной фамилии. Бумагу, конечно, приказал написать. Авось страх после нас придаст ей силу, но только видеть себя в роли защитника евреев — что-то уж черезчур забавно — это я-то, рожденный, убежденный юдофоб!.. Кстати, к бумаге приписали о сдаче арестуемых за грабежи и хулиганство украинским властям — много смеялся, поймут-ли украинцы все глумление в этих строках...

Забавно, до чего грозная слава окружает нас. Наши силы иначе не считают как десятками тысяч... В этом диком хаосе что может сделать даже горсть, но дерзкая и смелая. А нам больше ничего не осталось, кроме дерзости и смелости... Когда посмотришь на карту, на этот огромный предстоящий путь, жуть берет, и не знаешь — в силах-ли будешь выполнить свое дело. Целый океан земли впереди и враги кругом...

20 марта, Софиевка (Графская).

Немного пасмурно, холодновато. Погода обещает быть хорошей. Беспокойство за погоду, от которой так много зависит, отражается на сне. Хотя условия прекрасные, плохо спал. Выступление в 8 часов. Вскоре после движения погода изменилась — небо сплошь серо, пошел мокрый мелкий снег; дорога разгрязнилась. Липкая грязь висела гирями на ногах, облепляла колеса, лошадям очень тяжело. Только после привала, на половине остального пути, снег остановился, но небольшой северный ветер захолодил. Сыро, холодно. Некоторые лошади едва вытягивали. Горные снаряды, не доходя 5-ти верст, пришлось перегрузить на вызванные обывательские подводы. Наши лошади стали. Автомобили стали у Васильевки на ⅓ пути, не говоря уже о намеченном двойном переходе, когда-то присоединятся. Прямо несчастье...

Прибыли головой колонны в Софиевку в 19 часов. Это даже хорошо. Легенда о Николае Николаевиче в массе народа (движение его на Екатеринослав и Николаев). Вывод — симптоматичность (борьба за освобождение под вождением Великого Князя!). Устал сильно. Лошадь слабая, много шел пешком по ужасной размокшей почве. Да и ехать шагом все время не сладко.

21 марта.

Ночью будили два раза — один раз Гаевский жаловался, что не может идти — я ответил, что идти нужно, пусть больше шагом да в поводу, да облегчит обоз перекладкой на обывательские повозки. Второй раз прибыл офицер из автоколонны — просят двухдневную остановку там, где стали; для чистки машин. Осталось согласиться. Чистое горе с этими автомобилями.

Несколько раз просыпался, ворочался. Плохо спалось на подушках, постланных на кровать. Сегодня угорели на смерть один доброволец-солдат интенданта, другой болен от угара, угорели сильно Войналович и Понкин — так хорошо натопили. В связи с усталостью конного состава, плохой дорогой, остановкой автомобилей — решил перейти пока в Новый-Буг, а не делать сразу 50 верст — рискованно. Еще одна вынужденная потеря дня. Бологовской и Кудряшев едут к Корнилову.

Выступил в 10. Погода, как будто, разгулялась, но грязища была невылазная. В Новом-Буге местный комитет последние дни перекрасился и ведет борьбу с грабителями, сорганизовав вооруженную охрану из 50-ти челов. Два дня перед тем трех расстреляли; во главе стоит прапорщик, учитель, еще недавно, когда проходили большевики — настоящий большевик; такое уж время цвета changeant, нас соб-

ственно это мало касается, и раз что комитет не косится на нас, а наоборот, по тем или иным соображениям идет параллельно, решили его оставить в силе и даже поможем, пока здесь — шире ликвидировать преступные элементы. Свою часть местечка охраняем сами, а в остальной оставили их охрану и патрулирование, сохранив им оружие.

Мы (четверо) остановились у дьякона на площади, штаб у священника. Местечко неимоверно грязное. Много учебных заведений: женская гимназия, 6-ти кл. мужская прогимназия, учительская семинария и еще какая-то школа, но в общем удивительно убогое впечатление местной интеллигенции — учителей, священников, чиновничества, убогая, вся погрязшая в тине жизненных будней... да еще под знаком вечного страха перед насилиями.

Ввиду мирного настроения местечка, решил использовать его кузницы и, вместо двухдневной остановки во Владимировке, один день задержаться в Новом-Буге — разведчики же все равно едут отсюда... В разведку на Берислав поедут прапорщики Бесполов и Дмитриев.

Погода обманула, часов с 4-х начало мелко моросить, и так почти всю ночь шел мелкий и упорный дождь — что будет с автомобилями. Ведь, так если еще два, три дня, придется их бросить — я не могу их ждать — и так уже

сколько времени потеряно; между тем бросить сейчас жаль, а уйдешь еще дальше, оставив их дожидаться лучшей дороги и погоды, пожалуй, и команду их потеряешь — прямо драма. Переговоры по радио не наладились, от них утром начали принимать, а передать не могли: оказалась наша повозочная станция испорченной умышленно (как может испортить только специалист) бежавшим еще в Кишиневе добровольцем-слухачем...

Поставили польскую, свою будем исправлять, а пока остались без разговоров. Все это мучает, злит и нервит. С проклятой дорогой и разведчикам не удалось отправиться сегодня: выслал я их немного поздно, и они, задержанные грязью, застигнуты были темнотой верстах в десяти от местечка. Под дождем мрак был полный, дороги не видно, вернулись назад — выйдут завтра с рассветом.

Спали в гостиной на полу — мне попался тонкий войлочный тюфячек. Только Неводовский спал на диване — была его очередь. Однако выспались прекрасно.

22 марта, м. Новый Буг.

Утром прибыл в 10 час. шт.-кап. начальник одного из летучих партизанских отрядов — их 7 офицеров, совместно с хуторянами одного из хуторов сев. дер Малеевки, сорганизовались и вели борьбу с бандами; вчера сделали налет на Малеевку (11 человек с чучелом пулемета!),

сплошь большевистскую, захватили их пулемет и ударил благополучно; малеевцы собираются их бить, и они, укрепившись на хуторе, просят помощи — обезоружить Малеевку; это почти нам по дороге — послал отряд: 3-ю роту, конно-горный взвод и 2-ой эскадрон, все под командой Неводовского. Обещают, что часть офицеров поступят к нам добровольцами. Отряд выступил только в 3 часа. Войналович оттянул отдачу приказания, не сочувствуя экспедиции! А предполагали выступить в 12½ часов. Вскоре прибыли 2 раненых офицера Ширванского полка, помещены в больницу. Они с командиром полка и несколькими солдатами со знаменем пробирались на Кавказ; в районе Александрово (Долгоруково) банда красногвардейцев и крестьяне арестовали их, избили, глумились всячески, издевались, четырех убили, повыкалывали им глаза, двух ранили, ведя на расстрел, да они еще с двумя удрали и скрылись во Владимировке, где крестьяне совершенно иные, но сами терроризированы долгоруковцами и фонтанцами; еще человека 4-5 скрылись в разных местах. Из Владимировки фельдшер привел их сюда в больницу, так как там фонтанцы и долгоруковцы требовали выдать их на убой. Внутри все заныло от желания мести и злобы. Уже рисовались в воображении пожары этих деревень, поголовные расстрелы, и столбы на месте кары с надписями за что; потом немно-

го улеглось, постараемся, конечно, разобраться, но расправа должна быть беспощадной: „два ока за око"! Пусть знают цену офицерской крови!

Всем отрядом решил завтра раненько выступать, чтобы придти днем на место и тогда же успеть соорудить карательную экспедицию.

Присоединились 4 офицера, догонявшие нас из Кишинева — энергия — шли все время упорно; позади нас остался страх — эти 4 офицера по дороге вооружились, отняв у жителей оружие, поколачивали советы, конфисковали двое рожек и одну стерео-трубу...

В 15½ часов донесение об эшелоне[1]), прибывшем на станцию Новый Буг, захватили одного нашего солдата, приняв очевидно за большевика, но он успел удрать — вслед стреляли; высадились (человек 300 и 4 пулем.), прикрылись цепью, но вскоре уехали дальше на север; спрашивали про нас — послали разъезды узнать подробнее. Приказал на всякий случай быть готовыми к внезапному выступлению.

Связь радио долго не налаживалась: наконец, связались, слава Богу... От них только нет еще донесения.

В 19 час. прибыли с нашим разъездом со станции 2 австрийских офицера, только что прибывших из Николаева, два наших остались

---

[1]) Подразумевается австрийский.

у них заложниками. Осведомлялись, что мы, кто такие, как по отношению к ним держимся — дал разъяснения: предполагаем через Александровск на Москву, боремся с большевиками. Они хотели, чтобы кто нибудь из нас ехал с ними в Николаев для переговоров; сказал — зачем, я все объяснил; они — „мы не можем сами решать, не знаем как наше начальство, может не захотят вас пропустить". Наглость извела, пришлось, однако, сдерживаться, пытался различными переговорами уклониться — наконец, решили переговорить с Николаевом по телефону, потребовали, чтобы кто-нибудь отправился с ними к телефону. Вызвался Войналович и уехал, а я приказал выступать в 1 ночи, хотя и говорил австриякам, что еще постою дня 2-3. Со времени первого донесения душа не на месте, не верю этим швабам, надо поскорее уходить: дорогу эту занимают, Херсон заняли, Кривой Рог в руках немцев — все это очень не улыбается, и не ошибка ли моя дневка здесь; да и вообще идем очень, очень медленно. Дал радио авточасти, очертил обстановку и приказал скорее присоединяться, хотя бы и бросить автомобили, если нельзя с ними. В 23 с четвертью вернулся Войналович; с Николаевом не говорили, где-то перерывают большевики телефон, говорили только с эшелоном, ушедшим на север; австрийцы трясутся — кажется, им в тылу испортили путь, вся группа человек 50 (из них и были парламенте-

ры) собирается завтра возвращаться, но доедут ли до Николаева — не уверены. Спрашивали направление нашего движения, на случай возможных встреч с их войсками, чтобы не было столкновений неожиданных — сказал — на Александровск. Войналович отговаривал от ночного марша, уверял — нет надобности, артиллеристы тоже стонали, отменил, оставил прежнее 6-ти часовое, но очень неприятно менять приказание, с другой стороны ночной марш в такую грязь, в темень (без луны), при громадном обозе очень не легок. Что же рискну, пожалуй не будет зла....

23 марта, Владимировка.

С вытягиванием колонны из за грязи опять задержались и прошли восточную окраину Нового-Буга только без десяти семь, небольшой ветер, солнце пригревало. Три больших деревни совсем не занесены на карту, много новых хуторов. К полудню погода совсем разгулялась, солнце сильно грело, небо синее. Дорога на глазах подсыхала — от Долгой Могилы было почти совсем сухо...

Голова колонны прибыла во Владимировку в 5 час. Конница — первый эскадрон, прибывшая много раньше, получив на месте подробные указания от жителей о том, что творится в Долгоруковке и что какие-то вооруженные идут оттуда на Владимировку — двинулась сразу туда с горным взводом под общей ко-

мандой Войналовича. Окружив деревню, поставив на позицию горный взвод и отрезав пулеметом переправу, — дали две, три очереди из пулеметов по деревне, где всё мгновенно попряталось, тогда один конный взвод мгновенно ворвался в деревню, нарвался на большевистский комитет, изрубил его, потом потребовали выдачи убийц и главных виновников в истязаниях четырех ширванцев (по точным уже сведениям 2 офицера, один солдат-ширванец, писарь и один солдат, приставший к ним по дороге и тоже с ними пробиравшийся). Наш налет был так неожидан и быстр, что ни один виновник не скрылся... Были выданы и тут же немедленно расстреляны; проводниками и опознавателями служили два спасшихся и спрятанных владимировцами ширванских офицера. После казни пожгли дома виновных, перепороли жестоко всех мужчин моложе 45 лет, при чем их пороли старики; в этой деревне до того озверелый народ, что когда вели этих офицеров, то даже красногвардейцы не хотели их расстреливать, а этого требовали крестьяне и женщины... и даже дети... Характерно, что некоторые женщины хотели спасти своих родственников от порки ценою своего собственного тела — оригинальные нравы. Затем жителям было приказано свести даром весь лчший скот, свиней, птицу, фураж и хлеб на весь отряд, забраны все лучшие лошади; все это свозили к нам до ночи... „око за око"...

Сплошный вой стоял в деревне. Уже экзекуция была кончена, когда донесли, что 8 красногвардейцев с повозкой едут в деревню с востока — те очевидно не знали, что здесь творится, они были немедленно атакованы нашими кавалеристами, которые бросились с шашками на стрелявших в них даже в упор красногвардейцев: 6-ть человек легли, одного привезли раненого, а один, предводитель, казак, удрал — сидел на чудной кровной лошади; за ним гнался Колзаков, тоже на отличной лошади, но догнать не смог. Всего истреблено было 24 человека.

Около 8-ми прибыл отряд Неводовского. С 22 на 23 он ночевал на хуторе партизан, что верстах в 6-ти севернее Малеевки. Хуторяне встретили их хлебом-солью, называли своими спасителями, накормили всех прекрасно, лошадям дали фуража до отвала и ни за что не захотели взять ни копейки. 23-го с утра двинулись, сразу оцепили деревню Малеевку конницей; помешали попытке удрать, поставили орудия и пулеметы на позицию и послали им ультиматум в 2-х часовой срок сдать все оружие, пригрозив открыть огонь химическими снарядами, удавив газами всю деревню (кстати ни одного химического снаряда у нас нет). В срок все было выполнено, оружие было отобрано, взяты казенные лошади; найдены списки записывавшихся в красную гвардию — кажется, человек 30 — эти доблестные красно-

гвардейцы после записи, получив деньги и прослужив с недельку, дружно все убежали домой; этих горе-красногвардейцев всех крепко перепороли шомполами по принципу унтерофицерской вдовы. Вой столбом стоял — все клялись больше никогда не записываться. Кормился отряд как хотел от жителей даром, — в карательных целях за приверженность к большевизму.

Об автомобилях ни слуху — искровая не получает никакого ответа; злюсь и волнуюсь.

Выставлено охранение, выслана разведка, подчеркнута бдительность — все наготове. Мы находимся уже полностью в полосе военных действий, среди более или менее крупных банд...

Главная масса Владимирцев нас приветствовала. Мы обещали им помочь начавшейся у них создаваться самообороне, которой усиленно грозили Долгоруковцы, с коими совместно настроены были не мало жителей сев. вост. окраины Владимировки. Вместо уже распавшегося, еще раньше прихода нашего, большевистского комитета, вступило во власть прежнее волостное, земское правление. Жителям приказано сдать все оружие, которое потом будет роздано сомообороне.

Завтра в 8 час. приказано выслать карательную экспедицию в Фонтан в составе эскадрона с пулеметом и 2-х легких пушек с конными номерами, без зарядных ящиков.

24 марта, Владимировка

Сегодня прекрасно выспался на диване, проснулся только около 9-ти, спал, как убитый. Экспедиция из-за непереданных своевременно приказаний не выступила, и пришлось вторично делать распоряжения — пойдет в 1½ часа второй эскадрон с двумя легкими по конному орудиями под общей командой ротм. Двойченко.

Утром об автомобилях опять от искровой ничего — что это, вышли, что-ли? Но почему не донесли об уходе?

В 14 час. состоялась панихида по 4-м убитым офицерам и солдатам на их могиле, было много жителей. Заметили, между прочим, одного старика, который почти всю панихиду плакал.

Послал на телеграф, переговорил с Новым-Бугом, нет-ли там наших автомобилей; в три часа оказалось: часть прибыла, переговорами с Ковалевским по аппарату выяснилась грустная картина; дошел только пулеметный броневик и легковой Делягэ, остальные брошены из за грязи на дороге в поле, верстах в 30-ти западнее Нов. Буга; сколько испортилось машин — еще неизвестно; цистерна брошена, причем бензин вылит; все освободившиеся люди со снятым имуществом и оружием едут на подводах. Во всяком случае вопрос уже непоправим — приказал немедленно ехать на

присоединение — это было 15 с полов. часов — через полчаса обещали выступить. В 19 час. вернулась экспедиция Двойченко — нашли только одного главного участника убийств, — расстреляли, остальные бежали; сожгли их дома, забрали фураж, живность и т. п. Оттуда заехали в Долгорукову — отряд был встречен хлебом-солью, на всех домах белые флаги, полная и абсолютная покорность всюду; вообще, когда приходишь, кланяются, честь отдают, хотя никто этого не требует, высокоблагородиями и сиятельствами величают. Как люди в страхе гадки, нуль достоинства, нуль порядочности, действительно сволочной, одного презрения достойный народ: наглый, безжалостный, полный издевательств против беззащитных, при безнаказанности не знающий препон дикой разнузданности и злобы, а перед сильными такой трусливый, угодливый и низкопоклонный....

А в общем страшная вещь гражданская война; какое озверение вносит в нравы, какою смертельною злобой и местью пропитывает сердца; жутки наши жестокие расправы, жутка та радость, то упоение убийством, которое не чуждо многим из добровольцев. Сердце мое мучится, но разум требует жестокости. Надо понять этих людей, из них многие потеряли близких, родных, растерзанных чернью, семьи и жизнь которых разбиты, имущество уничтожено или разграблено и среди которых нет ни

одного, не подвергавшегося издевательствам и оскорблениям; надо всем царит теперь злоба и месть и не пришло еще время мира и прощения... Что требовать от Туркула, потерявшего последовательно трех братьев, убитых и замученных матросами, или Кудряшева, у которого недавно красногвардейцы вырезали сразу всю семью? А сколько их таких?..

По полученным от жителей сведениям на нашем пути кое-где бродят шайки; есть одна, кажется, и в Новопавловке; главная масса их, вытесняемая австро-германцами от Апостолова, как будто, идет вниз вдоль Днепра; это странно — почему не на Александровск; во всяком случае для нас это не на руку...

Получилось (с заставы у Матрено-Васильевки) донесение со слов одного из приехавших крестьян, что где-то на станции, название которой не могли найти на карте, повидимому линии Херсон-Апостолов, верстах в 25 от нас высадились матросы и красногвардейцы. Донесение так сумбурно, что приказал привести этого крестьянина, чтобы его тут допросить, а в общем, все это, конечно, пустяки.

23 часа, а ни автомобиля, ни команды на подводах еще нет; когда-то они придут — ведь не хочется их бросать в этой обстановке, а тут завтра нужно в 8 выступать.

25 марта, Владимировка.

Около 7 прибыли офицеры от авто с донесением (ночевали в 10 верстах западнее нас в деревне), что не хватило бензина, чтобы выслали, они же сообщили о бое с красногвардейцами в Воссиятском.

На отставшую авто-колонну неожиданно напала большая банда большевиков. После боя уцелел только один броневик „Верный", бывший у Дроздовцев до конца эвакуации Крыма Врангелем.

Убит поручик Осадчий, еще один радиотелеграфный офицер ранен и два офицера из авто-колонны тоже ранены с раздроблением кости на ногах; один — легко; положение раненых тяжелое — вести двух опасно, оставить — не менее опасно. Бензин послал. Раненых приказал вести сюда — их возили на легковом, приспособив его. Вместе с ними в этой же деревне, кажется, Христофановка, ночевал и Жебрак и хотел бы присоединиться. Как ни тяжело опоздать еще на день, все же, опасаясь бросить автоколонну, которая, конечно, скоро прибыть не могла из-за раненых, а главное, желая подобрать Жебрака — решил простоять еще день. К Жебраку поехал начальник штаба для переговоров, чтобы уладить соединение на приемлемых для нас условиях.

Часов около 11 вернулся Войналович. Раненых на легковом авто отвезли в Новый Буг. (Вести дальше было нельзя). Расчитывая, что там будут австрийцы, автомобилисты прие-

дут туда часов в 12-13, Жебрак придет завтра в Давыдов Брод, так как сегодня нужен отдых — он сделал прошлый переход около 70 верст. Всё это еще ничего, жаль, — мало бензина. Беспокоюсь за раненых, как бы не было чего по дороге или в Новом Буге, если туда замешкают придти австрийцы.

В 15 часов собирал начальствующих лиц (с отделёного и выше) — говорил о самоуправстве, избиениях, насилиях, караулах арестованных, обращении с солдатами, пьянстве, небрежности служебной и неисполнительности, требовал подналечь — не знаю, что из этого выйдет; самоуправства вызывают даже у части офицеров недовольство.

Учения у орудий; пулеметная стрельба, наблюдат. арт. пункт на колокольне, непрерывное наблюдение, телефонная связь, орудия на позиции. Чудная солнечная погода.

Часов в 13 прибыли броневик и автомобилисты на подводах; назаначил Лесли разбор происшедшего, а в 18 часов разбивку оставшихся за флагом автомобилистов. Часов в 17 приехал Жебрак представляться, немного поговорили о разных делах, составе, имуществе; выступит завтра на час раньше и должен прибыть во Владимировку пожалуй в хвост колонны — будет арьергардом.

Разбивка затянулась, уже стемнело, был 19 и 20-ый час; офицеров распределил; уже сильно начал беспокоиться за раненых, когда

узнал, что вернулся автомобиль, довезя до Нового Буга — австрийцев нет; по телефону просили оказать помощь верст на 30-40 севернее; через ½ часа прислали паровоз с санитарным вагоном, доктором, забрали 3-х, прихватили двух ширванцев, увезли для сдачи в госпиталь; были страшно любезны — безусловно по рыцарски; на душе отлегло, а то грызла тоска, вдруг случилось, что ни помочь, ни отомстить нет времени, дело дороже; а теперь, слава Богу, отлегло — спокоен за участь исполнивших долг.

Бой у Воссиятского[1]) — растерянность части, перешедшей гать. Не нашлось человека управлять и успокоить; потому и бросили в панике 2-ой броневик, да и цистерну нечего было бросать. По докладу авто-колонны броневики между прочим шли по ½ версты — 1 версте в час из-за грязи, а между тем уже три сухих дня! (Подробности события — часов в 14 закончили переход и до 17 ждали броневиков и отхода, а в 17 начался огонь и т. д.).

Фураж почти весь за счет покоренных деревень, мясо полностью за их счет.

Мы отлично живем у купца — кормят до отвала, чудное масло, дивные коржики, мед, хорошее помещение — живи — не умирай... Часов в 21 — 22 донесение с заставы (со слов

1) Вышеупомянутый бой большевиков с автоколонной.

бежавших помещиков и хуторян), что в Долгоруковой собралась тысяча красногвардейцев — явный вздор в связи с наблюдением с колокольни, движением разъезда днем до Михайловки, пригона оттуда крестьянами к вечеру гурта награбленного скота голов 100. Откуда возьмется вдруг 1000 красногвардейцев! А в местной самообороне, которой кто-то из доносивших сдуру, по дороге, рассказал, паника. На случай появления шаек, конечно, предупреждены — усилена бдительность,, а затем — милости просим. Самооборону постарался успокоить. Более верные сведения — что от Николо-Козельска какие-то банды двинулись к немецким дозорам, чтобы преградить нам дорогу; вообще банды везде, грабят хуторян. Странно, говорят, что немцы заняли с боя Апостолово, а Кривой Рог и Николо-Козельск оставляют.

Утром прибыл Беспалов из Б. Каховки; в Бериславе и Б. Каховке банды по несколько сот, в последней их штаб — кажется, отряд Маруськи. Мост есть, охраняется; один офицер остался следить, условившись с Беспаловым о встрече. Наружность Беспалова — одно упоение, типичный красногвардеец; пока разведчики очень хорошо работают.

Пароходов и больших барок и т. п. нет — большевики угнали на север; есть опасность, как бы не заняли Берислав немцы от Херсона. Вообще главная трудность — не развели бы

и не разрушили мост. Думаю, как организовать неожиданный захват переправы. Вот альфа и омега, а сопротивление вздор.

26 марта

Растерянность местной охраны перед нашим уходом под угрозами хулиганов, грозящих приходом большевиков, мнение о необходимости наиболее обеспеченным бежать. Успокаиваем, ободряем, но уж очень трусливы. Жалкий народ, не понимает своей силы.

Система полк. Дроздовского по отдаче приказаний была такова: утром перед выступлением Дроздовский сообщал направление Войналовичу и Неводовскому. Весьма часто приказы, даваемые по отряду, были фальшивыми. Так например, во Владимировке все в отряде были извещены о переправе через Днепр у Александровска, где были сосредоточены большие силы большевиков. Пройдя Владимировку, сам полк. Дроздовский идет в голове колонны и неожиданно, по его личному приказанию, весь отряд круто сворачивает на юг. На указания своих помощников о том, что очевидно он ошибается в направлении, Дроздовский коротко ответил: „Я знаю, что делаю". Намерение переправиться у Берислава было тайной полковника Дроздовского. (см. карту).

Выступили в 8 часов. Солнечная погода. Небо чистое, синее. Юго-восточный ветерок. Мираж весь путь, идешь точно среди озер — всюду вода на горизонте. Шли частью рысью легко, без растяжек. Легкая дорога, а главное, сказывалась привычка. Большой привал в Ново-Павловке до ½ третьего. В ней много пьяных — сказалась продажа водки из казенного завода в Давыдовом Броде. Прибыли в Давы-

дов Брод головой колонны в начале 18-го часа. Продажа спирта и водки сразу запрещена, по прибытии наряжен караул из непьющих. Не знаю, выйдет ли что, так как в каждом доме полно водки — начальствующих на всякий случай набодрил. Отряд Жебрака, шедший в часе расстояния, встретил нас своей чахоточной музыкой, егерским маршем — проходили со своим распущенным андреевским знаменем.

Опять встретились, вернее разминулись, с австрийцами, которые небольшим отрядом — ротой с 4-мя пулеметами — двигались вдоль железной дороги от Херсона на северо-восток, занимая путь. Прошел незадолго до появления нашего конного отряда.

Мысль о переправе грызет. Какое тяжелое дело. Все эти большевики, все их окопы и пулеметы на той стороне. Пушек у них нет, а если бы и были, все это не стоит ничего. Дали бы красивый бой и легко перешли бы, но у них есть машинка Румкорфа, и простой поворот ручки одного нерастерявшегося человека может поставить нас в очень тяжелое положение и свести почти на нет всю громадную организационную работу, все труды, убить все надежды. Конечно, перейдем во всяком случае, но какою ценою — быть может всей артиллерии и прочей материальной части.

Легко понять мое состояние духа и всю работу мозга, в поисках успеха.

В приказе на завтра дал фальшивое направление через деревню Дунино с указанием переправы у м. Меловое — все равно офицеры не сумеют сдержать язык за зубами — авось их разговоры принесут пользу...

27 марта

Выступили в 8 часов. Ясный солнечный ветреный день. По дороге ни одной деревни, зато часто отдельные хутора, особенно ближе к Бериславу. Около 5 часов веч. подошли к месту, предположенному для ночлега — наметил разброску отряда по отдельным хуторам в глубину верст на 6. Это при предположенном ночном выступлении! Никто из штаба не встретил. Рысью выехал на поиски и не без труда нашел, а один из квартирьеров сообщил, что, по полученным сведениям, Берислав уже занят австрийцами, которых 500-400 человек с 4-мя пулеметами без артиллерии. Ожидают еще подкреплений и артиллерии, что мост в их руках, что Каховка и левый берег Конки заняты большевиками, копающими окопы. Имеют артиллерию, стреляя по Бериславу. Решил не останавливаться, а немедленно двигаться, так как обстановка такова, что либо сейчас пройти, пока наша помощь нужна австрийцам и нападение для большевиков опасно, либо обречь на гибель всё дело, если, получив подкрепление и артиллерию, сами завладеют, заградят дорогу. Переправы для грузов вблизи нигде

нет. Конная артиллерия и конница уже стояли на квартирах. Приказал готовиться. Переговорил с Войналовичем — решил, что он с Жебраком поедет к австрийцам; скажет — идем домой бороться с большевиками, а, овладевая переправой через Конку, просим остаться в стороне, потом сдадим переправу им. Сказал объяснить им, кто мы, что переправиться должны. Войналович уехал. В 18½ ушла конная колонна и броневик. В 18¾ двинулась и вся прочая колонна; за это время она перестроилась, выделив вперед только стрелковые и пулеметную роты с патронными повозками (по одной на роту), за ними телефон и санитары, другая пулеметная рота и вся артиллерия. Вся же колонна обозов шла сзади под прикрытием службы связи и отряда Жебрака, выделившего в конный отряд взвод человек в 30, наиболее знакомых с переправным делом. Вскоре после начала движения, через ½-¾ часа начали слышаться редкие орудийные выстрелы, а в темноте ярко сверкали необычайно высокие разрывы шрапнели.

В половине 20-го вернулся Войналович (с ним один германский унтер-офицер). Оказывается часа два назад прибыл еще баталион немцев 21-го полка пешком из Херсона. Сильно устали. Роты слабые, но дисциплина хорошая. Немецкий майор очень интересовался, кто мы; условились, что мы займем участок правее их цепей, поставим артиллерию, а с

рассветом начнем наступление. Мы настаивали иметь только свои части, но ночью трудно им было продвигаться и они оставили одну свою роту.

Странное впечатление оставляло положение и переговоры — три стороны, три врага. Каждая сторона враждебна остальным двум, но случайным ходом обстоятельств вынуждена бороться совместно. Все время строил свое развертывание с учетом противодействовать измене; они также что-то очень пытаются иметь расположение удобное для обороны против нас. В виду всего этого всех оставил ночевать на подводах вблизи окраины города Берислава, поротно, в две линии, 200 на 200 шагов, все наготове, все предупреждены против измены. Артиллерия ночью заняла позицию. Около 10 начали становиться на ночлег. Обоз верстах в двух от города вагенбургом, мы в домике на кладбище вповалку на полу, даже без соломы, со штабом полка; Войналович с двумя офицерами вблизи моста в каменном доме, там же артиллерийский наблюдательный пункт. Холодно, костры. Лошади почти не ели и не пили, люди тоже голодные. Артиллерия — горная, мортирная и легкий взвод на возвышенном берегу против моста, а один легкий взвод за серединой города — специально для артиллерии большевиков, отсюда очевидно лучше видно. Конница в домах по окраине.

Вперед должны были идти 1-ая и 2-ая роты, пулеметный взвод Максима, оба эскадрона и взвод Жебрака, все под командой Войналовича, все время рвавшегося вперед. Остальные оставались обеспечивать нас от немцев. Лег в час, сделав все распоряжения. Вечером изредка ружейная стрельба.

28 марта, Любимовка

В начале пятого утра роты полковника Войналовича начали в пешем строю, конница в поводу, переходить мост. С утра обменялись с немцами офицерами для связи. Рассветает. Два одиночных выстрела. Артиллерия наготове. Просит броневик — двинули на мост, сам то мост вынес бы, да доски гнилые, грозят провалиться в любую минуту — решил вернуть, хорошо, что броневик выехал только на начало моста. Придется перевозить на пароме — поручил это руководство Жебраку. В это время, в 6.30, получил от Войналовича достаточно неясное донесение, что ему нужно выслать вперед броневую машину и горную артиллерию для подержки штурма и что противоположный берег реки Конки „занят". Кем? Судя по содержанию записки — большевиками. Приказал было открыть огонь артиллерии по противоположному берегу (не высылая горную, ибо что ей делать в низине между Днепром и Конкой), когда из расспросов посланного выяснилось, что берег занят **нами** и гор-

ная артиллерия нужна для преследования. Через десять минут получено донесение о занятии нами Каховки. Оказалось, большевики ушли еще ночью. Перед нами оставалось несколько прозевавших. Сейчас же было двинуто на тот берег все: легкая батарея и мортирный взвод, 3-ий и остальные взводы пулеметной роты, команды связи и обоз с их прикрытием; обозы двигались довольно медленно к мосту. Прощальный разговор с майором Науманом, зашедшим в мой штаб у наблюдательного пункта. Просил передать благодарность в Новый Буг за наших раненых и о приеме будущих. Броневик опоздал; за мостом шагов 300 занесло песком мостовую дамбы на добрую четверть, если не больше; идти не мог — попросили австрийцев, пришел капитан и человек 30-40 австрийских сапер, принесли доски и, подкладывая их постепенно под колеса, перетянули броневик через песок по доскам (шел эти сто сажен не меньше часу), попав, наконец, на камни, весело и бодро побежал. Уставшие, недокормленные и недопоенные лошади тоже с трудом протаскивали обоз через песчаный занос. В Каховке почти вся масса населения встретила нас с восторгом и благословением, как избавителей — крепко насолили им большевики, взяли с них 500.000 рублей контрибуции, отобрали лошадей, платье, белье, съестное и т. п. Навезли нам подводы с хлебом в подарок, приготовили обед началь-

никам (уклонились, некогда было), все, что желали, было к услугам и добывалось точно из под земли. Всячески выражались радушие и радость. Проходили город стройными рядами (пехота) с песнями. Много пристало сразу добровольцев, преимущественно учащихся старших классов (гимназистов, семинаристов), были и юнкера, офицеры, чиновники и т. п., всего человек 40. Только часам к 14 дошли головные колонны к Любимовке. Первоначально хотел остановиться в Каховке (имея в виду простоять два дня), но там решили стать немцы, отцепился от них.

Эпизод с конным отрядом — захват большевиками пяти человек из разъезда, двое пробилось, а трое в плену. Прорвавшийся доложил, что пленные разоружены; их намерены расстрелять. Заступничество одного красногвардейца, хотя и бесполезное, выиграло время. Послал эскадрон, наших освободили, 15 большевиков изрубили в конной атаке, остальные рассеялись. Это был 1-ый Партизанский Приднепровский отряд. Взяли его красный флаг с надписью: „Смерть буржуям". Хорошее красное сукно, пошло на чакчиры одному из офицеров. При занятии противоположного берега прикончили одного заспавшегося красногвардейца, в городе добили 15 вооруженных, замешкавшихся или проспавших, да по мелочам и в Любимовке — всего им обошелся этот день человек в 32-35.

В Каховке много легких снарядов — не на чем вывести, нет подвод, позабрали большевики, поуезжали беженцы, собирать долго, выставили караулы против захвата немцами.

По прибытии в Любимовку узнал, что у агентов Продовольственной Управы большевистского правительства находится не менее 830 тысяч рублей деньгами и свыше 400 тыс. руб. вкладами (чековые книги). Деньги крайне необходимы. Решил задержаться. Назначил комиссию (Семенов, Неводовский, Жебрак, Войналович, интендант, Гаевский) выяснить, откуда деньги и наметить дальнейшее их применение.

Масса фуража Продовольственной Управы, дают даром, приказал кормить сколько съедят. Каховка — местечко почти город. Есть недурные лавки, мощеные улицы, электрическое освещение, лучше Берислава, — города. По приезде, часов в 16, узнаю о запрете вывоза снарядов — довольно нахального немецкого фендрика, сказавшего: „отсюда ничего не будет вывезено". Решил идти немедленно к майору Науману. Довольно долго ждал переводчика. Выехал темнело, фонари неисправны. У моста оставил автомобиль. Сам пешком до занятого немцами дома. Там оказался командир роты. Дал мне провожатого солдата связи, который не знал майора. После долгих опросов патрулей и блужданий добрались на противоположный конец города. Сказал майо-

ру Науман: „Когда вошли в город, — конница захватила снаряды, поставили караул, послали за подводами, нагрузились, но явился немецкий караул и запретил. Я не претендую на все. Снаряды захватили мы". Майор сразу согласился — пожалуйста берите все. — „Все не нужны, только то, что на подводах". Договорились 500 штук. Попросил записку, чтобы не мешал караул. Он сейчйас же написал. Мое возврщение сопровождалось следующим эпизодом: исчез шофёр с карабином; шинель — на месте. Совет австрийцев, охранявших мост, ночевать здесь. Видели близко большевистские патрули. Решил, конечно, ехать. Кричали, давали сигналы. Наконец, шофёр прибыл: оказалось, заждался, пошел сам нас искать. Темно, швыряло, влазили на косогоры. Часовые австрийцы останавливали всюду.

Очень красивая картина. Каховка вся в электрических огнях. В Каховке уже нашего караула не застал, сняли и подводы разгрузили, охранял уже только немецкий караул.

До Любимовки та же картина ночной езды; въезд в деревню в темноте не нашли, не туда попали, ездили по улицам, все спит, спросить некого; вдоволь наколесив, наконец, нашли. Было уже половина первого. Поужинал, лег спать.

Любимовка — большая деревня, две школы, много хороших изб. В Каховке достали

пудов пять бензина, смазочные масла, керосин, коломазь.

Ночью и с утра значительный ветер, особенно усилившийся днем — весь переход от переправы до Любимовки в тучах песчаной пыли, почти песчаная буря. Пыль в глазах, в ушах, за воротником, в карманах — отвратительно.

И все же день великого торжества, день удач: перейден Днепр, переход которого еще накануне был таким спорным. Дальше — немало трудов и опасности, но много зависит от нас самих, а здесь — многое от обстоятельств.

Великий шаг сделан.

29 марта, Любимовка.

В 13 час. смотрел добровольцев Каховских, явились еще не все: есть еще мальчики лет по 15, преимущественно в артиллерии, в пехоте же все основательная публика. Но горе — почти нет запасных шинелей; в Каховке захватили их немного, штук 15 у большевиков, да есть у Жебрака, а здесь целый день бегали, даже похожего материала не нашли. Зато нашли довольно много рубашечного защитного материала, и заказали спешно шить; что не успеем, увезем кроеное и в материале; поскорее бы одеть в солдатское. Ощущается недостаток белья.

В 14 часов ездил на автомобиле в Каховку с Неводовским и Дроном[1]); побрился, купили булочек в недурной кондитерской, препаршивый обед в клубе, но зато было безалкогольное пиво и сносное красное вино Трубецкого; интендант рыскает по городу, добыл много смазочного масла для оружия, керосину, пакли, тавот для автомобилей, можно теперь держать оружие в порядке все время.

В 16 часов при штабе комиссия насчет денег. Выяснена полная невозможность закупок и вывоза из Малороссии хлеба на север из-за германского соглашения с Радой; деньги решили временно взять, вернуть, если найдут нужным, а нам это жизнь — заплатим жалованье за апрель, а на еду хватит еще месяца на три. Уполномоченным шибко не хотелось расставаться с деньгами, да нам они очень необходимы.

В городе жители рассказывали о двух красногвардейцах Приднепровского партизанского отряда (разгромленного нашей конницей вчера) — они очевидно раньше отбились, не зная об участи своих, о занятии нами Каховки — явились искать свой штаб, расспрашивая жителей, не находя его на прежнем месте. Проходящие офицеры увидели эту карти-

[1]) Капитан Ген. Штаба Дрон, впоследствии доблестный командир 3-го Дроздовского полка. Убит под Перекопом в боях перед эвакуацией Крыма.

ну, арестовали их в полном вооружении, по дороге с ними покончили (так до отряда и не добрались). Здорово насолили кругом большевики, все время приезжают хуторяне и крестьяне окрестностей даже верст из за 40 с севера и юга, ища защиты, но что делать, — наши лошади измучены, нужны целые экспедиции, а ехать дальше 20 верст — не в состоянии, не наша задача, нельзя задерживать свой путь частными, хотя бы и очень человеколюбивыми задачами. Интересно отметить по рассказам жителей тот панический страх, который мы внушаем большевикам — жалуются, что их бьют, как зайцев. Довольно смело сопротивлялись немцам; но в ночь, на 28, когда узнали о нашем прибытии, у них была паника и решили немедленно бежать. Немцы еще пощадят, а от нас нет пощады. Вчера приходили жители — отцы добровольцев, многие старались отговорить, иные же не препятствовали. Один сам привел своих двух сыновей: „Я служил, пусть и они послужат патриотическому делу".

Богатый край, всего сколько угодно, нет только сахару. Хлеб все время белый или полубелый. Чуть не весь отряд перешел на рыбный стол. Вчера чудных рыб прислали и нам Замостцы.

Решил учредить форменный суд — подал мысль Жебрак и дал законное основание. Необходима покрепче узда для наших буйных. Помяло двух мортирщиков телегой. Одному

сломало руку. Дано пособие, эвакуирован в Берислав.

30 марта, Любимовка.

В 11 был назначен парад, но конница заболталась между улицами и парад построился только в 11.40. 2-ая рота, оба эскадрона, взвод конно-горный; знамя 2-го полка Балтийской дивизии — Андреевский флаг красиво развевался на ветру.

Роздал два георгиевских креста и шесть медалей за дела с большевиками. После маленький церемониал.

В 3 собралась опять комиссия о деньгах; написала протокол, выдала на ликвидацию 220 тысяч руб. наличными и 400 тыс. руб. по текущему счету. Себе взяли 600 тыс. руб. Протокол подписали, обменялись расписками и разошлись.

Было несколько самочинных арестов, большинство отпущено — следующий раз буду отдавать под суд. Приказал предупредить последний раз в приказе. При отводе к нам один из евреев бежал и был пристрелен. Самоуправство, но все данные, что это великий мерзавец, однако, все евреи за него горой. Все они теперь невинные. Свидетельские показания не-евреев и двух из пострадавших были убийственны. В конце концов ему по делом, но офицеров от таких самоуправств придется отучить.

К немцам в Берислав пришли пополнения, примерно батальон, артиллерия, много пулеметов. Как будто стали и к нам не столь благосклонны.

Пора, пора уходить..

Завтра в 7. Передал, чтобы рассказывали, что идем на Каиры.

Велись занятия; пулеметная стрельба.

31 марта.

Выступили в 7.30 — во 2-ой роте, бывшей в карауле, соседи разобрали подводы, пришлось собирать новые. С утра пасмурно, холодный ветер с востока, но вскоре небо очистилось, а порой солнце сквозь ветер пригревало. Уже тронулись, прошли верст 8, нагоняют на подводах 6 чехов пленных, просятся хоть без жалованья. Уходят от австро-германцев. Дважды в пути приезжали хуторяне из разных мест просить помощи против банд и оружия, но у нас у самих уже мало.

Богатый район. Кругом преимущественно хутора, деревни редки. В хуторах каменные дома, службы прекрасные — черепица, чистота, культура. У одного вынесли между прочим продавать бублики — таких два года не ел, в пору Филиппову; местами выносили хлеб, сало, отказывались от денег; угнетение бандами разбойников невероятное.

Узнал — вчера вахмистр 1-го эскадрона познакомился в Каховке с сестрой поступив-

шего к нам там офицера (вдова офицера же). Вечером спьяна женился, а утром даже забыл об этом; невероятно, но факт. В пути выяснилось, что колония Вознесенская, где предполагался ночлег, уже не существует, и ближайшая деревня Торгаевка — пришлось еще сделать верст 9, всего 50-51. Но в общем не трудно, дорога грунтовая, твердая гладкая без подъемов. Ветер, двигались легко; тяжеловато только лошадям, негде пить, хутора разбросаны — шли без привала, и в Любимовке из-за холодной ночи много лошадей не пило. Верст 8 пехота шла пешком для тренировки. Колонна шла много рысью, всего раза 4 или 5 по 10 минут, прибыли в Торгаевку в 18.30

Верстах в 9 от Торгаевки при дороге труп. Оказалось в кавалерии один офицер встретил клеврета Алехина, который раньше его разыскивал и приговорил к смерти. С большевиками покончили, а его товарища, не столь виновного, крепко выдрали. Вот судьба — сам наскочил, разыскал свою смерть.

В Торгаевке узнаем от бежавших из Нижней Серогозы о бесчинствах местной красной армии, состоявшей из 25 человек — взяли 11 тыс. общественных денег, терроризировали население (состоящее более чем из 4 тыс. человек!). Очень просили помощи. Послал желающих 20 человек из конницы и пехоты на подводах. На легковом поехал я, Неводовский, индендант и один из проводников-жалобников.

Выехали уже темнело. Время неудачное, нужно было ночью, но и то уже оказалось, что о приходе нашем были предупреждены и бежали. Гнаться незачем. Уже ночь. Просьба местной интеллигенции, преимущественно эвакуированной Рижской гимназии, помочь сомообороне. Выпустил объявление о сдаче оружия, о падении большевистского комитета и вступлении в силу земства.

Заварив кашу, пришлось помогать. — Оборона уже сорганизовалась: записалось много гимназистов. Обещал выдать завтра 10 русских винтовок. Был гимназический праздник. Набились в буфет, где шла организация и запись в оборону. Оригинальный колорит — дамские вечерние платья, мужские форменные, учебные и штатския — пиджаки и косоворотки демократов и наши походные формы и оружие. Во 2-ом часу ночи все кончили. Выдали в распоряжение директора гимназии оружие и патроны, дали советы и уехали. Под шумок офицеры самочинно выдрали большевистского председателя комитета шомполами; приказали не кричать. Случайно узнал. Удивительно ловка эта молодежь; впрочем, он того стоит.

Сняли телефонные аппараты с Мелитополем, телеграфные электромагниты; предварительно наш пионер разговаривал от имени председателя комитета с заместителем Гольдштейна (начальник Мелитопольской банды).

Оказалось, что у Гольдштейна в деревне Веселое, где их сотни две-три, своего рода штаб. В общем получили известную ориентировку, но ничего очень существенного, боялись расспросами себя выдать.

Отмечаю, когда мы довольно долго задержались в Серогозах, — нам прислали еще взвод на подмогу — налажено.

1 апрель.

Около 9 приехали из Серогоз за винтовками. Дали 10 трехлинейных с патронами. Раздачи эти очень тяжелы — у нас самих всего штук 150 запасных. Когда колонна ушла, поехал на легковом в Серогозы, проведать, как там самооборона — оттуда наискосок хорошая дорога на тракт — всего каких-нибудь верст пять крюку. Сдача оружия продолжалась все время, но вяло, однако с нашими винтовками вооружения почти уже было достаточно. Собирался волостной сход, который должен был дать людей для охраны и наладить порядок. Инертность, трусость и рабство массы поражает... Но есть надежда, что-как-нибудь наладится среди учителей и гимназистов — есть хотя неопытные, но энергичные люди; помогут местные офицеры и солдаты — все обойдется.

На перекрестке дороги испортили обе перекрещивающиеся телеграфные линии, чтобы

помешать большевикам взаимное осведомление.

Сегодня опять с одного более близкого хуторского поселка (1 вер.) прибыли крестьяне с молоком, яйцами, салом, хлебом встречать и приветствовать своих „спасителей". Уплату отказались взять наотрез, извинялись, что мало вынесли, предлагали подождать пока принесут еще. Трудно представить себе все те мучения и издевательства, которые они перенесли — это был систематический беспощадный грабеж имущества, продуктов, денег и полное разорение. Сравнительно недалеко от Калги, на одном из хуторов наткнулись на сбор скота для отправки его в Мелитополь, очередная реквизиция, обоих посланцев — Мелитопольцев (один еврей, конечно) — отправили для выяснения их виновности, скот вернули по принадлежности. Счастье было видеть эту радость измученных, обездоленных людей; один начал молиться в уголку. И так весь путь отряда — встречается и провожается благословениями и восторгом одних, проклятиями и ужасом других и тупым безразличием массы; хотя, впрочем, не везде: где сильно поработали грабители, там удовлетворение бывало массовым.

Калга, куда прибыл отряд на ночлег, состоятельная, хорошая деревня, домов в 150, видна зажиточность и, на редкость, не пострадала от бандитов; пропагандисты-гастролеры не встречали сочувствия, местный комитет

оставался неизменным с первого переворота и на редкость: председатель — староста, секретарь — бывший сельский писарь. Почти идиллия. Народ в общем так напуган всяким появлением вооруженных, что и здесь часть поскрывалась, особенно женщины, пока им не разъяснили, что мы не враги. Въ Калгу опять прибыл ряд хуторян с мольбою о помощи — послали экспедиции, но только на одном фольварке, что у почтовой станции Калга, удалось арестовать для разбора вины, а троих, выскочивших с оружием, ликвидировали на месте. Из остальных мест вся эта рвань разбежалась, но пока не удалось захватить.

Куда завтра идти? Опрос надежных людей выяснил, что из Мелитополя всё разъезжается, преимущественно на юг, что между ст. Федоровкой и следующей на север идут на Мелитополь „украинцы" (?) или большевики, мечущиеся, не зная куда; кажется, собираются дать отпор. Из Веселого тоже бегут. Нас меньше ждут южнее Мелитополя, туда надо идти. Опять ж мы отрезаем их отход, испортив дорогу.

До Мелитополя в один день все равно трудно, пройдя 53 версты, притти к вечеру; нас ждут по тракту. Решил идти через колонию Ейгенфельд на Акимовку (тоже осиное гнездо), ликвидировать их там (крюк очень маленький), а 3-го раненько на Мелитополь, чтобы попасть туда первыми (там много бен-

зина). Есть ли там еще большевики — трудно сказать — слухи они распускают, что собираются драться, о своих силах „пужают", а как бегут — не догонишь; полная растерянность. Всех встречных и поперечных зазывают к себе, грозят, что мы всех вообще едущих и идущих расстреливаем, и есть болваны верящие, сами сознавались. Такие времена, такое бесправие и торжество силы.

На Веселую же гораздо больший крюк, к Мелитополю могли бы опоздать.

Полк. Дродовский, наметивший путь своего отряда на Мелитополь, обходным движением зашел с юга и перерезал железную дорогу у ст. Акимовка, отрезав таким образом Мелитопольскую группу большевиков от Крымской.

День тяжелого удара — возвращение Кудряшева (его приключение, арест в Лепетихе, угроза крестьян расстрелят за большевизм) — вести о Доне — Корнилов в районе Кавказская-Петровск (на Каспии); измена молодых казаков, поражения, расстрелы офицеров. Может и преувеличено, но суть — едва ли. Эти показания дали два офицера, один из отряда, защищавшего Новочеркасск. Движение японцев; подход поляков к Воронежу. Бологовской поехал дальше. Маяком ему будут служить Симферополь и Ростов. Принципиальное решение — сохранить отряд до лучших времен. Что же делать непосредственно — обдумаем; пока же в районе Мелитополя немного задержаться. Надежда на помощь союзников, японцев

больше, но какою ценой. Катастрофа Корнилова и Алексеева — это национальное несчастье.

Мое переживание — пройдя уже более половины пути, потерять точку стремления! И все же бороться до конца...

2 апреля.

Выступили в 8, тот же сильный восточный ветер, та же ясная погода. Привал в Екатериновке, имение, крепко пограбленное большевиками. Верстах в 7 восточнее свернули с тракта на Ейгенфельд. На полдороге нас встретили на перекрестке колонисты из Александрфельда, горячо приветствовали, жалели, что, не вынесли поесть. Один предлагал деньги (25 р.) ординарцу. У входа в колонию Ейгенфельд — триумфальная встреча — музыка, масса народу, зелень, бросают цветы. Пастор с женой и свояченицей встречает наш штаб, приглашает к себе, неловко отказать этому радушию. Останавливаем колонну — вся втягивается в улицу — выносят молоко, хлеб, сало, яйца, раздают целые окорока, украшают цветами, штаб у пастора, угощение за сервированным столом, белая скатерть, вино — оставшаяся бутылка. В 12 часов ждали большевиков из Мелитополя за 120 тысячами контрибуции с волости — и ровно в 12 вошла с запада наша конница-избавители. Просили оружие организовать оборону, сказал заехать, если соберем в Акимовке.

В колонии своих большевиков очень мало — притесняла приезжая красная гвардия.

Колонна задержалась на час. Только что собрались выступать — донесение (на автомобиле от Войналовича) о появлении большевистских эшелонов на ст. Акимовке. Приказал одной роте с легкой батареей идти немедленно переменным аллюром на поддержку, если бы таковая потребовалась, а остальным тоже не задерживаться, идя частью рысью. Сам на автомобиле. Приехал в местечко Акимовку — на вокзале все уже было кончено: шло два эшелона из Мелитополя на Акимовку. На запрос ответили, чтобы подождали, пока еще путь не исправен. Потом приготовились и вызвали[1]). Должны были взорвать путь позади второго эшелона, а первый направить в тупик. Второй не удалось — раньше времени взорвали путь. Первый же приняли в тупик и встретили пулеметным огнем кавалеристов и с броневика, который стрелял почти в упор. Всюду вдоль поезда масса трупов, в вагонах, на буферах, частью убитые, частью добитые. Несколько раненых. Между прочим, машинист и три женщины. Когда пришел, еще выуживали попрятавшихся по укромным уголкам.

---

1) По занятии ст. Акимовка один офицер, знавший телефоное дело, на запрос из Мелитополя о пропуске на ст. Акимовка, назвавшись „товарищем Петром", стал задерживать выход большевистских эшелонов. Когда все было готово, — дал путевую.

Пленных отправили на разбор в штаб к Семенову. Всего на вокзале было убито человек 40. Как жили большевики: пульмановские вагоны, преимущественно 1-ый и 2-ой классы, салон; масса сахару, масло чудное, сливки, сдобные булочки и т. п. Огромная добыча, 12 пулеметов, масса оружия, патронов, ручных гранат, часть лошадей (много убитых и раненых). Новые: шинели, сапоги, сбруя, подковы, сукно матросское шинельное, рогожка защитная, калоши, бельевой материал. Обилие чая, шоколада и конфект. Всего эшелон был человек около 150 — следовательно, считая пленных — не спасся почти никто. Вскоре запросился по телеграфу эшелон большевиков с юга, хотели его принять, но на разъезде южнее Дмитровки его предупредил повидимому кто-то из бежавших — он не вышел с разъезда и вернулся. У нас без потерь, одному оцарапало палец, у другого прострелен бинокль, но выбыло 5 лошадей, второй эшелон отошел после взрыва и скрылся из вида.

К вечеру были передопрошены все пленные и ливидированы; всего этот день стоил бандитам 130 жизней, при чем были и „матросики" и 2 офицера, до конца не признавшиеся в своем звании.

Отряд сосредоточился в Акимовке часам к 17-ти.

Селение большое, устроились очень недурно, кровати.

Выбор направления на Акимовку оказался очень удачным.

3 апреля.

Начинало светать, — стук в окно — донесение о снятии „заставы". Поднял всех, телефон в полк — не отвечает — послал, благо близко. Вся артиллерия, кроме взвода у вокзала, уже стояла на север, пристрелка конно-горной по будке, к которой подходил поезд; остановился, вышли цепи. Цепи остановлены и бежали от двух шрапнелей. Огонь большевиков: — 2 легких с поезда, по трубе, разброс, масса неразорвавшихся, зажигательные (все без разбора по городу), убита одна еврейка. Части были подняты по тревоге и распределены — пулеметная рота заняла север, вост. окраину деревни, первая стала уступом за левым флангом, 3-я сначала оставалась во внешнем охранении, потом была стянута в район штаба полка, а вторая рота с частями Жебрака под его начальством (кроме взвода, что в коннице). На станции артиллерия вся смотрела на север, обозы сосредоточены на северо-западной окраине, у дороги на Ейгенфельд. Постепенно поезд, отогнанный снарядами, отошел за перегиб местности. Конный отряд в 8-м часу двинулся в обход в направлении на Дармштадт, отряд должен был выступить в 9 час., как было раньше решено. Но выход задержался, так как мы не имели сведения о вывозе оружия со

станции (повывозили конфекты, шоколад, калоши, дамскую обувь, а существенное, самое важное — задержали...). Колонна выступила в начале 11-го. Броневик шел с конницей по дороге левее и рядом с полотном.

К началу движения конницы, банды высадившиеся из эшелонов (2), растянули длинную, редкую, охватывающую цепь, по линии кол. Дармштадт, кол. Гутерталь и почти до русла Тащенак. Продвижение конницы совершилось с перестрелкой: двигаясь в направлении на Дармштадт, эскадроны, прогнав несколькими шрапнелями конно-горной цепи, на участке между Дармштадт и дорогой Гутерталь, Иоганнесру, прорвали цепь, разделили ее и, заходя в тыл, грозя окружением разрозненных групп, принялись их уничтожать; в то же время конно-горная стреляла по поезду, причём одна граната попала почти в платформу, большевики частью успели сесть на эшелоны и уехать, частью разбежались, в дикой панике, кидая сапоги, шинели, портянки, оружие, спасаясь по разным направлениям. Уничтожение их продолжалось, в плен не брали, раненых не оставалось, было изрублено и застрелено, по рассказу конницы, до 80 чел. Броневик помогал своим огнем по цепи. Когда дело было кончено, броневик, вернулся к колонне главных силъ, а конница пошла через Иоганнесру на вокзал Мелитополя, с целью обойти с запада и севера.

В этой операции конница потеряла 5-6 убитых и раненых лошадей и был легко ранен в ногу серб-офицер Патек.

Перед выступлением главной колонны часть имущества, что не могли поднять, была продана на месте (чай, калоши), часть роздана на руки. Тронулись в начале 11-го.

Подход к Мелитополю — сплошное триумфальное шествие; уже в дер. Песчаное (пригород) встретили толпы крестьян с хлебом-солью и приветствиями; ближе к городу — еще хлеб-соль, в городе улицы, проходящия на вокзал, запружены. Делегация железнодорожников с белым флагом и речью — приветствие избавителям, еще хлеб-соль. Цветы, приветственные крики. Входили спасителями и избавителями. На вокзале депутация инвалидов с приветом. Большевики бежали спешно на Антоновку, оставалась подрывная команда анархистов и еще кое-какие мерзавцы, которых частью перебила, частью арестовала вооружившаяся железнодорожная милиция.

На квартиры стали в предместье Мелитополя в Кизьяре, в районе вокзала. Меня с Неводовским и адъютантами пригласил к себе инженер К. Квартира была пуста, все было вынесено в ожидании боя, так как эти банды похвалялись, что дадут нам бой; квартира — мерзость запустения. Настроение всей массы железнодорожников до нашего прихода было ужасное — измучены, терроризированы, озло-

блены — много помогали в розысках и ловле анархистов и большевиков. В Мелитополе нашли громадный запас новых обозных повозок — решили заменить все потрепанные повозки, бензину мало, фуража много.

Намечается довольно большая прибыль добровольцев.

Прибыли в Мелитополь в 15½ часов.

4 апреля, Мелитополь.

Утром прискорбный инцидент — один капитан пионерного взвода застрелен жителем из револьвера: ехал совершенно пьяный верхом по путям, стрелял, был задержан часовым, угрожал стрелять, была отнята винтовка; тогда взялся за шашку, но был смертельно ранен выстрелом из револьвера бывшим поблизости жителем. Житель задержан. После производства дознания выпущен, но револьвер отобран — почему не сдал по объявлению.

Рано утром в Акимовку были посланы локомотивы и рабочие вагоны для исправления пути и вывоза из Акимовки захваченного поезда и прочего подвижного состава. Невывезенное сразу имущество было оставлено на вокзале Акимовки и сдано Жебраком под охрану местных властей. Вчера поздно вечером все это прибыло на подводах в Мелитополь. В нашем распоряжении оказалась одна блиндированная платформа, которая и при-

крывала с поставленным на нее пулеметным взводом эвакуацию Акимовки.

Около 14 часов был у городского головы, разговаривал об организации милиции — впечатление, что очень мало на месте энергичных, смелых людей. Все запуганы до безобразия. Голова говорил, между прочим, что в городе большая тревога — боятся нашего ухода. Дал несколько советов об организации милиции.

Днем начали поступать донесения по телефону из Акимовки, что к ней подходят эшелоны матросов; самые дикие слухи росли, внося в измученное население тревогу. Самый интересный слух — из Крыма движется 600.000 армия красногвардейцев... Прибывшие поезда тоже доносили, что не очень спокойно, но когда наша блиндированная платформа оставила Акимовку, и мы еще не знали, где она, с разъезда Тащенак пришло донесение по фонопочте от железнодорожников, что к разъезду подходит большевистский эшелон.

Ясно было, что слухи эти все панические и вздорные, но самую возможность факта — приближение большевиков — отрицать окончательно было, конечно, нельзя. После данного им урока мы настолько в это не верили, что никаких особых мер охраны даже не принимали, но с этими сведениями, как бы они ни были преувеличены, совсем не считаться нельзя, эшелон мог подойти — нужно приготовиться;

решено офицеров вызвать из города, сосредоточить в фруктовом саду у балки Песчаная, выдвинуть роту, взвод конницы и взвод легкой артиллерии и вести разведку на фронте от реки Молочная через хутор Тащенак, кол. Иоганнесру, столбовая дорога. Северное направление наблюдать только заставами, так как большевики, покинув Антоновку, ушли на Токмак; на разъезде Терпение иметь паровоз с 12-15 вооруженных железнодорожников, а на разъезде Тащенак — блиндированную платформу с пулеметами, связанную со штабом телефоном. На случай, если бы большевистский эшелон решил подойти близко, напр. в бронепоезде, подготовлен был локомотив и вагон с рельсами для устройства крушения и последующего уничтожения эшелона. С посылкой за офицерами вышло не гладко — собирая офицеров, либо ординарец ерунду наговорил, либо кто из добровольных помощников-жителей, кричали по улицам, чтобы отряд собирался, что наступают большевики и т. п. Началась настоящая паника. Милиция сразу побросала винтовки и разбежалась; едва успокоили население.

В 16 часов, отряд, под командой подполковника Почекаева, выступил вперед по фруктовому саду. Обстановка к этому времени выяснилась: оказывается наша блиндированная платформа доходила почти до станции Сокологорное, занятой бандами; потом поезд боль-

шевиков следовал за ними. Велась перестрелка пулеметами, враги стреляли артиллерией, но попадали почти все в свой поезд, давая чудовищный недолет — наши умирали со смеху, видя эту стрельбу. Верстах в 2½ южнее станции Акимовки они сняли районные рельсы и увезли под огнем большевистских разъездов. Когда оставляли Акимовку, разъезды уже подходили к станции. Вот все достоверные сведения — ясно, что дальше этого разобранного пути поезд не мог пройти, а занять они могли только Акимовку.

Предполагаю на завтра послать конный отряд в Иоганнесру, чтобы захватить большевиков, если будут приближаться; устроить крушение севернее переезда Тащенак, дальше от города и глубже обойти место крушения с тыла. Отряд выступает в 9 утра.

Днем часов в 17-18 запрос о приеме поезда с делегацией немцев — очевидно их части имеют в виду сойти к Мелитополю. Приказали ответить о приеме к 10 часам 5-го.

Квартира наша вновь обставилась — внесена мебель, картины, рояль... Уютно, комфортабельно; утром взял горячую ванну — блаженство после стольких дней похода.

Вечером собирались служащие, коллеги К. Прекрасно пел его помощник. Давно уже не приходилось слышать ничего подобного. Повеяло старым, довольным временем. Вообще прием радушия исключительного.

Понемногу город очищается от бандитов. В Акимовку из Мелитополя приехал на автомобиле офицер, сказался бежавшим. Там, однако, был опознан солдатами крымского конного полка; один солдат, увидев его, сразу в морду — оказался вовсе не офицер, а убийца командира, похитивший его же шашку после убийства. Расстрелян.

Железнодорожная охрана (все низшие служащие) арестовали типа, призывавшего бить буржуев, анархист. Случай разобран, расстрелян.

Мелитополь дал многое, есть военно-промышленный комитет, получили ботинки и сапоги, белье; из захваченного материала шьем обмундирование на весь отряд — все портные Мелитополя загружены нашей работой, посторонних заказов не берут.

5 апрель, Мелитополь.

Ездил утром смотреть заставу в саду у балки Песчаная — пришлось переставить артиллерию, чтобы обстреливала подходящий поезд прямо в лоб.

В день прибытия в районе было выпущено объявление о свержении власти большевиков и уничтожении всех их декретов. Вся гражданская власть была передана в руки городской думы и волостных земств; городской думе предложено было сорганизовать самооборону сильной милицией, на станции организована

железнодорожная самооборона. Оружие от населения отбиралось и передавалось самооборонам. Часть оружия выдавалась в волости.

Кажется между 13-14 часами прибыл блиндированный немецкий поезд, а за ним их первый эшелон — остались на станции. Разговоры с ними вели Войналович с Жебраком — я уехал в город, уклонившись таким путем от этой невеселой встречи. Немцы на этот раз очевидно вполне доверяли нашей лояльности; ибо, как шуба, влезли на станцию — но нам нет другой политики пока. На офицерах эта встреча отражалась тяжело, многие нервничали, — во избежание столкновений приказал снять всю охрану и внешнее охранение против большевиков, передав вокзал железнодорожной охране; охранение в Акимовке взяли не себя естественно немцы своим немедленным туда продвижением. Выступление конного отряда было отменено еще утром при сведениях о прибытии немцев. Завтра решил вообще оставить город и перейти в деревню Константиновку, где и ждать окончания портняжных заказов.

Хоронили убитого офицера конно-пионера. Бесславно погиб, но похороны получил почетные: металлический гроб, венки, трехцветные флаги на гробе; масса жителей, цветы, зелень, много участия и сочувствия отряду в поминовении усопшего.

Вечером железнодорожное общество и мы собрались вместе, тот же уют, прекрасный ужин, прекрасное пение, но уже не то настроение, отравленное немецким приходом. Прощальный характер собрания (наш уход).

Особенно реагировал К., резко говорил с немцами, не ведя вначале необходимой политики, слишком опирался на нас, на наши прежние распоряжения; приходилось его уговаривать вести политику, идти на уступки, ибо это могло в конце причинить вред даже и нам. Что делать, терпи пока время не пришло: выдержка — это всё.

6 апреля, д. Констант:новка.

В 9 час. отправился обоз, выступление боевых частей в 14 час. Так как немцы все время наблюдали за нами и у них очевидно не мало агентов, решил двигать всю колонну, но по частям, разными улицами, чтобы затруднить подсчет сил. Странно, что немцы всегда так прекрасно осведомленные, преувеличивают много наши силы, считая их не менее 4-5 тысяч (из их разговоров).

Утром отправился к немецкому генералу (начальник 15 ландв. дивизии), поговорить о положении перед уходом, главная цель сгладить обострение их с железнодорожной администрацией, если бы таковое обнаружилось. Сказал о вооружении населения, — о самооборонах городской и железнодорожной, спрашивал

о нашем направлении, откуда и прочие обычные вопросы, ответы также обычны. Немцы корректны и любезны, никаких трений. Переводчик немецкий офицер генерального штаба — с ним интересный разговор (предупредил, что частное его мнение); сказал скорее уходить, что настроение украинской власти против нас враждебное, что он очень симпатизирует нашим целям устраивать порядок своими силами, но они могут получить приказание о разоружении. Считают они нас 5 тыс. Понимает, что им никто не будет благодарен за усмирение. Что в Великороссию не пойдут, разве пригласят, но может и тогда не пойдут. Весь тон и отношение к нам полны личного уважения, но в полной уверенности, что мы не преследуем широких патриотических целей, или что выполнение их невозможно.

Я со штабом шел по главной улице, во главе первой роты со знаменем и музыкой. Немало народа (и простого) встречало колонну, поклоны, приветы, одна женщина крестила. За эти дни определились ясно симпатии народной массы к нам, население ждало избавителей, откуда бы они ни пришли, и пришло избавление от русских регулярных войск; все симпатии, вся радость спасения отдана нам, своим.

Если бы пришли немцы или украинцы первыми избавителями — то к ним были бы направлены общие симпатии, а теперь пришли

иноземцы и появление их почти во всех группах населения произвело тягостное впечатление, оскорбление еще сильного патриотизма.

Идти впереди немцев, своим появлением спасать, вторичным появлением немцев будить патриотизм — вот наш триумф, наша задача.

Перед моим отъездом делегация немецких граждан — русско-подданных Мелитополя — благодарила за спасение. Два штатских и барышня с букетом, благословение отряду и пожелание успеха.

7 апреля. Константиновка.

В Мелитополе, с помощью населения изловлено и ликвидировано 42 большевика.

Странные отношения у нас с немцами; точно признанные союзники, содействие, строгая коректность, в столковениях с украинцами — всегда на нашей стороне, безусловное уважение. Один, между тем, высказывал — враги те офицеры, что не признали нашего мира. Очевидно немцы не понимают нашего вынужденного союзничества против большевиков, не угадывают наших скрытых целей или считают невозможным их выплонение. Мы платим строгой корректностью. Один немец говорил: „Мы всячески содействуем русским офицерам, сочувствуем им, а от нас сторонятся, чуждаются".

С украинцами напротив -- отношения отвратительные: приставанье снять погоны, бо-

ятся только драться — разнузданная банда, старающаяся задеть. Не признают дележа, принципа военной добычи, признаваемого немцами. Начальство отдает строгие приказы не задевать — не слушают. Некоторые были побиты — тогда успокоились, хамы, рабы. Когда мы ушли, вокзальный флаг, (даже не строго национальный) сорвали, изорвали, истоптали ногами...

Немцы — враги, но мы их уважаем, хотя и ненавидим... Украинцы — к ним одно презрение, как к ренегатам и разнузданным бандам.

Немцы к украинцам — нескрываемое презрение, третирование, понукание. Называют бандой, сбродом; при попытке украинцев захватить наш автомобиль на вокзале, присутствовал немецкий комендант, кричал на украинского офицера: „чтобы у меня это больше не повторялось". Разница отношения к нам, скрытым врагам, и к украинцам-союзникам — невероятная.

Один из офицеров проходящего украинского эшелона говорил немцу: надо бы их, т. е. нас, обезоружить; и получил ответ: они также борются с большевиками, нам не враждебны, преследуют одни с нами цели, и у него язык не повернулся бы сказать такое, считает непорядочным... украинец отскочил...

Украинцы платят такой же ненавистью.

Они действительно банда, неуважение к своим начальникам, неповиновение, разнузданность — те же хамы.

Украинские офицеры больше половины враждебны украинской идее, в настоящем виде и по составу не больше трети не украинцы — некуда было деваться... При тяжелых обстоятельствах бросят их ряды...

Кругом вопли о помощи.

Добровольцев в общем немного; поступило в пехоту, человек 70 — для Мелитополя стыдно, намечалось сначала много больше — пришли немцы и украинцы — успокоились, шкура будет цела, или полезли в милицию — 10 руб. в день.

Интенсивно ведется шитье.

8 апреля. Константиновка.

День разочарований:

Вчера упорные телеграфные слухи с разъезда Утмач об офицерах, едущих к нам на соединение. Утром послал автомобиль — никаких следов, никто ничего не видел, даже и близко, какая-то ерунда.

Можно было достать здесь 300 тыс. руб. в военно-промышленном комитете, интендантские суммы, от ликвидации имуществ; заведующий сам предлагал, намекал прозрачнейше, но слышавшие это офицеры не передали. Интендант промолчал — сегодня все это узнал

— поехал к С. (у кого были деньги). Поздно, уже украинцы наложили руку, даже задним числом нельзя ничего. Сам С. жалел, что попадутся украинцам, да что делать...

Узнал об этом у русского общества, приславшего делегацию часов в 18, программа — всероссийская. Спрашивали, что могут для нас сделать. Сказал — на местах готовить умы, для меня же связать с общественными деятелями крупных центров, ибо для меня важны три кита: деньги, добровольцы, огнестрельные припасы.

Обедал в ресторане. Разговор с украинским комендантом. Помогу, если будут грабить жителей. Он просил, если нужно будет расстреливать, дать людей, кто мог бы не дрогнуть при расстреле — ответил: роль исполнителей приговоров не беру, расстреливаем только своих приговоренных. — Имею большие полномочия приказывать всем германским и украинским войскам в районе. — „Приказывать не можете". — Могу — „Можно только тому, кто исполнит, я — нет". — Вы обязаны! — „Не исполню!" — Вы на территории Украины. — „Нет. Где войска и сила, там ваша территория. Мы же идем по большевистской и освобождаем". — Никто не просит. — „Нет, просят. Мы лояльны, не воюем, но должны с войны вернуться через ваши земли".

Еще много прекословил, не совсем трезв. В конце концов просил помощи окружным се-

лам и деревням; я согласился охотно, если помощь в направлении нашего пути. Наконец, разошлись, оба очевидно недовольные друг другом. Вечером в оперетте, масса офицеров. Вообще за время Мелитополя поведение корректное. Играли, как полагается в провинции, но некоторое было недурно. Ужин в ресторане, пьяный комендант (по рассказам ему в конце разбили голову стаканом).

Немного жаль покидать Мелитополь. Другая жизнь, отдых нервам. Хотя мне нет отдыха. Всегда окружен врагами, всегда страх потерпеть неудачу, каждое осложнение волнует и беспокоит. Тяжело....

9 апреля.

Погода все дни прекрасная, но ветер, изводящий восточный ветер.

Утром телеграмма из Бердянска с просьбой о помощи — инвалиды выкинули большевиков, подпись Абальянц. Может быть и провокация. Заехал в город, взял френч (100 рублей за фасон и приклад). Прощальные визиты и в поход. Езда на автомобиле ужасна, все время пришлось менять шины, новых нет, заклеили тряпками, как пластырем, привязав веревками — опять плохо. Так мучился до села Покровка, где удалось настигнуть хвост колонны, уходящей с привала, сел на предложенную мне лошадь и поехал вперед. Автомобиль еще долго маячил, обвивал шину веревками и едва

добрался до ночлега... Хорошо поспел в конный отряд.

Между колониями Владимировка и Богдановка (болгарская) встретил на автомобиле делегацию от инвалидов Бердянска — подтверждая телеграмму о свержении советской власти, просили Христом-Богом скорей послать артиллерию, так как у них нет пушек, а матросы безнаказанно громят город с гавани, укрепив две шестидюймовых пушки на лайбах. Кто же пошлет одну артиллерию? Повел их в штаб в Богдановку вместе с Войналовичем выяснять обстановку. — Кто руководит обороной? Назван ряд лиц, частных. — Я военный, специалист. Могу с доверием относиться только к специалистам. Разве нет офицеров? — „Есть, много”. — Кто же командует? — „Полковник Черков”. — С усами и бородой, среднего роста? — „Нет ни бороды, ни усов”. — Что на погонах? — „Без погон”... Сбить не удалось, выяснилось, что это тот. Очевидно нет провокации. Завтра рано прибыть все равно не можем, только к ночи, а это с артиллерийской точки зрения бесполезно. Решили идти 10-го в Ногайск, а на рассвете 11-го, часов в — 5 выступить и рано утром прибыть. Послал Черкову записку держаться, успокоить испуганное население и терпеливо ждать. Артиллерии все равно прислать отдельно не мог, тем более одна-две пушки на автомобиле. Делегация уехала...

Богдановка — богатейшая болгарская деревня. У нашего хозяина каменный дом с городской приличной обстановкой, смесь с крестьянской простотой: зеркало, буфет модерн, масса стульев... Многие жители живут очень богато.

Богдановка — штаб. Конница, лазарет, связь с Владимировкой — где все прочее.

10 апреля.

Утром опять делегация Бердянска, но офицеры. Те же разговоры, те же просьбы — лететь не можем.

Хозяин ничего не взял, отказался от уплаты — положим основательно богатый...

Сегодня двигался с конным отрядом. Недалеко от Ногайска встретил автомобиль с Черковым. Мою записку он получил. У них настроение не сдаваться, но всё же тревога и неуверенность в массе „защитников". Еще утром, рассмотрев карту, увидел, что идти на свету нельзя, вся дорога наблюдается с моря, а потому решил выступить ночью, часов в 10 вечера. К рассвету иметь уже артиллерию всю на позиции, подведя к городу конницу и одну роту, а весь отряд оставить в колонии Ивановка, чтобы не вягивать его в город и иметь свободу действий против покушений со стороны Новоспасское или Петровское, откуда, по сведениям, большевики могли ожидать помощь. Для защиты же набережной и собственно города у инвалидов своих сил и так достаточно.

Но Черков убедительно просил, как видимый признак помощи, послать хотя броневой автомобиль с мотоциклетками; это же послужит опорой для инвалидов. Теперь, когда возможность ожидать провокацию исчезла, я согласился.

Прибыв в Ногайск, арестовали советы, восстановили думу, захватили тысяч 20 советских денег, городские — вернули думе. Выловили еще несколько мерзавцев. Тут получили сведения, что суда из Бердянска повидимому ушли с рейда.

Оставив отряд в Обиточное (2 вер. восточнее Ногайска) и, условившись о ночном марше, сам отправился с Неводовским и батарейным командиром для ознакомления с положением на местах и выбора артиллерийской позиции. С нами пошли: броневик и два мотоцикла, все в распоряжении Черкова.

Дорога прекрасная, ровная. Справа то показывалось, то скрывалось море, Азовское, но все-таки южное море, скрашивавшее унылый вид степи. Серое море в легкой мгле.

Позиции выбрали в районе маяка и кладбища. Осмотрел их позиции на набережной, достаточно неостроумно устроенные; посетил их „штаб”, в котором царил хаос, вмешательство миллиона людей, претендующих на право всё знать и распоряжаться, не только военных,

но и штатских, представителей политических партий (рабочих организаций).

Картиный объезд позиции с Абальянцем!!!

Броневик был встречен овациями и его появление внесло в население уверенность и успокоение — видимый залог пришедшей помощи. Наш автомобиль приветствовали, но не слишком; мало публики на улицах (разбежалась по окрестностям).

Разрушения есть значительные, но редкие; в общем город не очень пострадал. Матросов и след простыл — суда ушли, говорят, в Мариуполь.

Около 6 пригласил к себе обедать бельгийский консул, состоятельный человек, накормил отлично, удивил радушием. Засиделся поздно и уже час. в 9 поехали навстречу колонны. Встретил их уже по выходе с ночлега, на походе. Весь отряд приказал сосредоточить в колонии Ивановка (по местному Куцая), на позицию выставить только взвод легкой и взвод мортир с прикрытием их из двух кольтов, что при легкой батарее, а одну роту (3-ю) поставить для порядка в городе, придав ей броневик и мотоциклеты, имея в виду роты менять. Назначить комендантом Жебрака, вручив ему в городе военную власть, подчинить ему роту и броневик, устроить комендатуру и вербовочное бюро. Проехав впереди колонны в Ивановку, подождал Войналовича, передал ему все распоряжения относительно начальни-

ка гарнизона, командатуры, вербовки и прочее, а затем уехал опять в „военный штаб”, в Бердянск, согласовать все распоряжения. Был 3-й час 11-го...

11 апреля. Кол. Ивановка у г. Бердянска.

Почти всенощное бдение: приехав из Куцой — обратно в Бердянск, в „штаб”; сидел почти до 6 час. — условился об очищении от сора мужской гимназии, где должна была разместиться дежурная рота, Жебрак, комендатура, бюро, комиссия по сбору имущества. Условился о высылке провожатого роте...

Около 6-ти выехал на автомобиле в Куцую, где и лег, наконец, спать.

Одновременно с посылкой к нам, посылалась депутация к австрийцам, те было обещали, но не пришли своевременно; вчера же к вечеру узнали, что запрашивается эшелон к приему. Для нас зарез... Просил Абальянца ответить, что пришел наш отряд и помощи австрийской не нужно. Так им и телеграфировали. — Проснулся — сообщают: уже австрийцы в городе, грустно. В 11 с половиной поехал выяснять положение.

Взаимные соотношения: исполнительный комитет и видные деятели инвалидов с нами в дружбе, помогают во всём; город же ведет политику, желая спасти арестованных комиссаров, инвалиды настаивают на их казни. Мы чувствуем себя не вполне хозяевами; с прихо-

дом австрийцев комиссар опирается на них и ввиду того, что большевиков скинули инвалиды сами, заигрываем с ними, говоря любезности, обещая поддержку, настраивая против австрийцев и украинцев. Дело идет успешно. С получением снарядов, патронов, разного имущества обстоит довольно благополучно, совместно обходим украинцев, но важно получить толику из захваченных 12 или 22 милл. руб. (суммы так и не определили). Все время бегал и разговаривал по этому вопросу и об организации инвалидной самообороны. С самообороной обстоит так: — все руководители инвалидов понимали, что в тревожное время они вооружили беспорядочно разный сброд, что надо их разоружить, оставив оружие только в надежных руках — в этом достигнута у нас общая гармония, но прибытие австрийцев меняет дело — могут потребовать разоружения, ищем переговоров с австрийским командиром и принципально достигли согласия, требует только определить списки, дать внешние знаки. Вопрос о разоружении — уже дело инвалидов.

С прибытием австрийцев я вообще уклонился от какого бы то ни было распорядительства. Артиллерию приказал убрать, как только поставят свою австрийцы, а роту выведу завтра утром — сегодня задержалась приемом добровольцев. Вообще, завтра с утра ничего бое-

кого в городе не останется — всё в Куцую. А послезавтра уйдем дальше.

Днем, инвалиды, опасаясь освобождения арестованных под влиянием политических партий, или передачи их гражданскому суду, просили передать их нам. Освободили двух, которые, с риском для себя, воспротивились избиению офицеров, задуманному в период господства матросов.

В думе было специальное заседание вечером, вопль шел, набросились на представителей инвалидов, те отгрызлись, ругали управу и думу за ее двусмысленную политику и разошлись недовольные друг другом, признав, что укорами и спорами дело не поправишь и разрушенных домов не восстановишь. Два ока за око...

Перед возвращением к себе в Куцую поймал меня австрийский гауптман: по распоряжению Рады все деятели большевизма должны арестовываться и отправляться на специальный суд в Одессу. Мы не можем казнить. Как офицер, он вполне понимает, что их нужно убивать, но как исполнитель воли начальства, обязан мне заявить настоятельно: комиссаров, еще не казненных, передать ему; дружески переговорили и, так как все, кого нужно было казнить, — были уже на том свете, конечно, обязательнейше согласился исполнить все...

С деньгами не важно: в некоторой небольшой части инвалидов, примыкающих к рабо-

чим кругам, вернее примкнувших к ним фронтовиков, ведется против нас агитация, стараются натравить на нас, распуская сплетни. По той же причине инвалиды остались без председателя Панасюка, их головы и сердца, пользующегося огромным влиянием. Исполнительный комитет решил на завтра в 9 собрать собрание (пригласили и меня). Вопрос о деньгах мог решиться только после заседания вновь избранного испольнительного комитета, как и вопрос о наших снабжениях — кто-то работает против.

В „военном штабе" кавардак, Черков на побегушках, всеми хочет заправлять Абальянц, но это не вполне удается; кокектничает своими царапинами, перевязанной губой, эту ссадину можно было даже коллодиумом не заливать. Через два, три слова упоминает о ранении. Для нас забавно...

Собственно организации никакой, но пишущие машинки есть...

Чудные лунные ночи, чудные дни, море, деревья в цвету, так хочется отдыха и покоя, солнца и весны; а впереди заботы, бои и кровь, кровь без конца.

Приглашен на дачу купаться в грязевом лимане... Мечты...

12 апреля, Кол. Ивановка.

С утра на собрании инвалидов (в том числе и все вообще солдаты и офицеры). Театр набит битком, трудно протолкаться, но

меня устроили сидеть на скамье, высказывая большое внимание. Собрание, как собрание, тот же крик, шум, беспорядок, та же потеря времени.

Двойченко делал сообщение о целях и задачах отряда, но слишком много говорил о немцах и австрийцах — много звучало враждебности, если передадут — нехорошо. Были вопросы из публики, стараясь настроить против нас, но прения были сразу прекращены председателем, все успокоилось и ушли под аплодисменты. После выбора нового исполнительного комитета, началось закрытое заседание — я ушел.

Совместное заседание — представителей инвалидов, моих (Жебрак и я), австрийцев и украинцев — не состоялось: по уходе с первого заседания узнал, — пришли немцы, украинец задрал нос, в конце концов мне все равно — пусть инвалиды сами отстаивают свою самооборону.

К вечеру получили все, что хотели, только сахару всего 100 пудов, вместо 600. Снаряды (1000 горн.), патроны, шинели, амуниция, сапоги и т. д. Абальянц помогал. С автомобилями не уступают. С деньгами плохо, обещано выяснить завтра — повидимому исполнительный комитет уклоняется. Украинский комиссар протестует против взятия лошадей, напустился на Абальянца, чтобы я вернул, а если инвалиды не сумеют, то он примет меры, — а

комбинацию из трех пальцев хочешь? Абальянц пришел ко мне — что делать? — Запросите начальника конного запаса письменно, за номером, тот ответит тоже письменно мне о возвращении лошадей, я отвечу тоже за номером письменно, а там ищи ветра в поле. Решил так и сделать. Подробность — украинский комиссар сказал: „Если Дроздовский пришел по зову, то пусть требует с города возмещение расходов, а лошадей брать нельзя"!?...

Офицерство записывается позорно вяло. Всего человек 70-75 для Бердянска, считая и учащихся и вольных...

Звал по аппарату днем К. — хотел передать что-то важное от атамана Натиева. Не понимаю, но нужно увидеться, к тому же еще одну попытку о деньгах... завтра колонна выступить в 11, а я в Бердянск, откуда прямо в Новоспасское.

13 апреля, Новоспасское.

Колонна выступила в 11. Я же на автомобиле поехал в Бердянск для добычи денег и для свиданья с К. С деньгами ничего не вышло — Абальянц всё обещает какие-то заседания, а вернее водит за нос; ясно, что, использовав обстоятельства, приход австрийцев и свою безопасность, решили забыть о помощи... Деньги улыбнулись.

К. приехал только часа в 3. С Натиевым ничего интересного, простое недоразумение

— приняли за другого Дроздовского, тоже полковника ген. штаба, и искал свиданья, как с другом. Привез правда интересное — телеграфное донесение немцев (15-ой ландв. див.) о нашем отряде из Мелитополя; между прочим они оценивают наши силы в 5 т., из коих 2 т. офицеров.

Погода установилась чудная, наконец-то, нет сумасшедшего ветра. Приехал в Новоспасское прямо. Какая богатая деревня! Каменные дома, большие и чистые. Много домиков городского типа. Приняли очень любезно. Присоединилось несколько добровольцев, из них два кадета.

14 апреля, Мангуш.

Донесение Семенова, что два офицера 1-ой роты кн. Шаховской и Попов отправились из Новоспасского вчера в 7 часов в Петровское, кажется, за водкой; подверглись нападению жителей, вернулся один Попов. Что со вторым — не знает. По получении известия, послал Семенов взвод 1-й роты с пулеметами на розыски.

Выступили в 8. Долго писал дневник и выехал с хвостом колонны, обогнав ее потом — что это за чудовищная колонна.

По дороге дважды жалобы от хуторян о грабежах и насилиях, чинимых большевиками — часть удалось ликвидировать (менее виновных выдрать и угнать вон).

На походе нагнал Бологовской, прибывший морем в Бердянск; ничего радостного, но лучше, чем предполагалось раньше. Корнилов почти наверное убит, понеся поражение (ни патронов, ни снарядов), но борьба идет, являются новые отряды, оживают старые, где-то существуют Алексеев и Деникин, Эрдели, но где? Весть о сосредоточении к Армавиру крупных казачьих надежных сил князя Баратова (сведения со слов большевистской делегации, туда ездившей). В общем неопределенность и неясность кругом, есть что-то родное, какая-то точка, к ней надо стремиться, но блуждающая, какая, где, куда идти? Вообще только слухи, почти ничего реального, отрезаны от мира, весь в своих руках, на своем ответе... А денег мало, они изсякают... Грозный знак.

Из Одессы прибыл офицер Жебрака — большая группа офицеров, собиравшаяся к нему с пулеметами, осталась, сбитая телеграммой „Киевской Мысли" о гибели отряда в „двухдневном кровавом бою" с крестьянами и красной гвардией у Воссиятского (?!). Они спрятали пулеметы, а сами остались — один лишь этот посланный примчался догонять...

Ночлег в Мангуше — греко-татарская деревня. Богатая, большая, благоустроенная, уцелевшая от грабежей и контрибуций — не шла течением большевизма. В Мариуполе уже австрийцы — предупредили. Приехал штаб-ротмистр — говорит есть лошади, конский за-

пас, отбитый от большевиков, обещает помочь его взять. Решили произвести это ночью, чтобы сделать скрыто от швабов. В 22 часа выступит 2-ой эскадрон Двойченко, а вперед на машине несколько человек поедут на разведку. Приказал только проделать все тихо, без столковений...

15 апреля, Косоротовка,
3 версты восточнее Мариуполя.

Ночью придрала депутация фронтовиков из Мариуполя с бумагами, как от „военной коллегии фронтовиков", так и от австрийского коменданта, что на территории Украйны всяким отрядам воспрещены реквизиции какого-либо фуража или продовольствия не за наличный расчет или забирать лошадей или подводы. Указал, что, путешествуя 800 верст, первый раз получаю такую штуку. Чего им взбрело на ум писать, кто им сказал, что я что-либо беру даром? Мангуш оказалась здоровенным кляузником. Получив требование на фураж (зерно и сено) и на подводы, она, не разобрав, как и что, сразу по телефону жалобу в Мариуполь.

Высказал депутации свое недоумение и удивление их поступку. Отговорились, что не знали, что за отряд — врут, правильно адресовали!..

Отряд направился, пройдя Мариуполь, через речку и стал в деревнях Косоротовка и

Троицкое, на земле Войска Донского. Я в Мариуполь, в „Военную Коллегию Фронтовиков". Физиономия оказалась поганая, много бывших большевиков, все еще близко советская власть. Предъявили миллион кляуз, фактически вздорных и их не касающихся. Настаивали на возвращении лошадей особенно — решил разобрать, может и придется часть вернуть. Все это очевидно такая дрянь их коллегия, много евреев, что надо прежде ознакомиться — стоит ли с ними считаться. Они уже позабежали к австрийцам, понажаловались им на нас, думая, дураки, что австрийцы из-за них станут с нами ссориться. Разошлись, якобы, дружно, в душе враждебные вполне.

Австрийцы — враги, но с ними приятнее иметь дело, нежели с этими поистине Ламброзовскими типами.

Результатом жалоб австрийцам за лошадей явилась их претензия на этих лошадей — переговорили, помирились, отдав меньшую и, конечно, худшую часть швабам, а „фронтовики" остались с носом: я извелся, говори либо со мной, либо жалуйся, и не только уже не вернул из взятого, но даже больше и не разговаривал с ними, как обещал было.

Сначала по телеграфу, потом около 23 часов делегат от казаков ст. Новониколаевки — просят помощи от банд на Кривой Косе, из Антоновки и из ст. Вознесенской. Послал 80 трех-

линеек и 30 патронов, но выступить решил только утром 17 — крайней надобности нет, а нам изнурение и нужно дождаться добровольцев. Пока продержатся.

Население Мариуполя и наших деревень большевистского типа, масса против нас, сказываются фабрики... Интеллигенция, конечно, — за, но ее мало.

16 апреля, Косоротовка, 3 в. вост. Мариуполя.

В 6 у. дуэль между пехотным офицером и корнетом на револьверах по суду чести, дистанция 25 шагов, до 3-х выстрелов. Пощечина в пьяном виде, данная кавалеристом. Виновник убит 3-им выстрелом. Что непонятно, непорядочно, что сам оскорбитель требовал наиболее суровых условий.

В 11 похоронили кн. Шаховского — вчера привезли тело; избит и убит комитетом, лицо — сплошная ссадина и кровоподтеки, поднят на штыки; карательный взвод поступил глупо, — виновные бежали, кроме одного, секретаря, его привели сюда, надо было на месте. Похоронили Шаховского здесь торжественно. Цинковый гроб, венки. Всё же сам виноват — не будь алкоголиком, не ходи один по деревням. Попова сегодня выгнали судом чести, не бросай товарища в беде и на зов иди на помощь, а не уходи прочь. Мог спасти его вначале, когда большевиков было мало, скрылись бы оба...

В 13 был на заседании Союза Офицеров, объяснил наши цели, задачи, несколько типов из группы фронтовиков пытались наклеветать, говорить о расстрелах „невинных" и т. п. Отвечал удачно и резко, они с треском провалились, не учли аудитории. Один сынсинуировал насчет движения нашего с австрийцами, дурак, затронул для себя самое больное. Я обернул против них же, буквально под гром аплодисментов. Нашел укор — именно, в том, в чем мы кристально чисты!... Повидимому около 1000 добровольцев поступят.

Разведчики наняли однюго мерзавца из советцев, ему большевики не платили денег, перешел к нам, ему обещали двойную плату и наградные, но в зависимости от работы и пулю. Следить будут прочно.

Привлекаем для разведки женщин. Одна пошла из наших сестер, другая, имея Георгия 2-ой степени, старшая унтер-офицерка. Когда переоделась в женское, так мало похожа на женщину, говорить привыкла басом и ругается, как ломовик.

Утром еще приезжал казак из Новониколаевки с донесением — у них пока благополучно — уничтожили маленькую группу бандитов, взяли винтовки, но без патронов; полторы сотни легких снарядов и еще кое-какую мелочь. Дал им еще 50 „Гра" (франц. винтовки, стар. обр.) и много патронов к ним. Завтра придем к ним...

Бензину добыли пудов 30.

Что кругом делается — одни слухи, ничего достоверного, полная неизвестность.

Погода чудная, слабый ветер, тепло. Море. Лето. Ночи теплые.

17 апреля, ст. Новониколаевская.

Выступили в 8 часов. Дорога над морем, холмы, хутора с садами, смена пейзажа, исчезла почти совсем степь; дорога много веселей...

Встреча в станице, первой станице войска Донского, восторженное отношение казаков, скрытое недоброжелательство и страх пришлого, иногороднего. Казаки понадевали погоны, лампасы, шпалерами пешая и конная сотня, отдание чести, воинский вид; вражда между половинами населения — пришлого больше. Казаки очень сплочены, много выше по качествам, особенно боевым. Станица вообще одна из лучших, не было ограблений, мешали другим. Долгая политика с нашим приходом вылилась наружу. Энергично стали арестовывать виновных в большевизме, комитетчиков. Колонна отдает честь, ура, рапорт офицера.

Сильный запах цветов, жжет солнце...

Восстановлено казачье самоуправление, атаман, выборные, судьи. Сформировали сами полки. Продолжают организовываться.

Вести о положении и хорошие и дурные — почти верно, что Фетисов у Новочеркасска ведет бой, но, кажется, без артиллерии, что

отряд корниловцев в бою у Тихорецкой сбили, идут дальше, теперь сведения, что бой у Батайска. В Великокняжеской — походный атаман Попов. Плохие сведения — немцы идут на Таганрог. Телеграмма к вечеру большевиков отчаянная, что уходят в Азовское море, оставляя город, так как от Ростова отрезаны, немцы в 3-х верстах севернее Таганрога, они в ловушке... Для меня важный вопрос, кем отрезаны от Ростова — немцами или Корниловцами?!

Решили спешно идти на Федоровку. Скорее вперед, не дать большевикам опомниться. Скорее на соединение. Хотя сильно хотелось постоять — казаки исключительно радушны. Только что сообщили: в добровольцы записалось 44 женщины!!! Я побежден...

Много добровольцев из простых казаков — сразу видно воины.

А ведь по роду занятия — те же крестьяне, как и солдаты.

Станица богатая. Прекрасные чистые дома, преимущественно каменные, обстановка с запросами культуры... Сады, все цветет.

Особое чувство — первая станица. Мы у грани поставленной цели. Иные люди, иная жизнь... Много переживаний — что-то ждет впереди. Большевики, повидимому, всюду бегут, всюду у них паника...

В станице и соседних поселках идет обезоружение неказачьего населения.

Тюрьма пополняется изо всех закоулков. Казаки волокут за жабры вчерашних властелинов — колесо истории вертится.

Много главарей расстреляно...

18 апреля.

Ночью и утром донесения из слободы Платовой, что большевики идут колонной в 600 человек от Мелентьева по правому берегу Миуса и колонной в 400 (приблизительно вдоль моря, якобы, есть артиллерия и броневики). Очевидно отрезанные банды... Платовцы беспокоятся. Хотя паром через Миус испорчен, но платовцы боятся правобережной миусской колонны.

Решили, чтобы не пропустить, изловить, послать две колонны: правую вдоль правого берега Миуса — рота со своими пулеметами, взвод легкой артиллерии, взвод конницы и вспомогательная сотня казаков, которым в Платовой взять еще одну-две сотни вспомогательных. Все прочие силы — на Федоровку — так едва ли проскочат отрядом, ну а рассеются — все равно всех не выловим.

Выступили в 8 часов. Солнце жжет. Ветра почти нет... Иду с конницей.

По дороге на мостике через проток провалился задом броневик. Этой поломкой моста задержал всю колонну, обязанную переходить болотину в брод, а сам просидел часа три — пока наконец постепенным созданием фунда-

мента из бревен и с помощью домкрата не подняли.

Стали на ночлег в Федоровке — одна из паскуднейших деревень Таганрогского округа, гнездо красной гвардии и ее штаба. Отобрали всех лучших лошадей из награбленных, не имеющих хозяев. Отобрали оружие. Много перехватили разбегавшихся красногвардейцев, захватили часть важных, прапорщика, начальника контрразведки, предателя, выдавшего на расстрел полковника и часть казаков из станицы Новониколаевской и т. п. Трех повесили, оставили висеть до отхода, указали, что есть и будет возмездие, попа-красногвардейца выдрали. Только ради священства не разстреляли, ходил с ружьем с красной гвардией, брал награбленное, закрыл церковь и ограбил ее. Страх нагнали. Левее оказывается шла еще казачья колонна, по Ягорлыку вверх, обезоруживая население, казня виновных.

Идет очищение, идет возмездие.

Связь с правой колонной установили автомобилем — там все благополучно.

Федоровка тоже деревня довольно благоустроенная, много хороших домов...

19 апреля, Николаевка.

Около 10 посланец Натиева с письмом. Положение на Украйне: делегация хлеборобов (300-400), против социализации, арест немцами министров, разгон Рады, предложение пра-

вить хлеборобам, самостийникам-федералистам и правым с. р. Отношение к Раде войск и народа, отношения между войсками Натиева и немцами, инцидент с обезоруживанием эшелона, захват телеграфных линий, контроль даже над Натиевым. Настроение против самостийности. Желание присоединиться к нам. Просьба обождать. Ответил о желательности присоединения, но ждать не можем, ищем соединения в Ростове и Новочеркасске, где подождем. Состав дивизии — около 800 офицеров и 2000 солдат, броневики, артиллерия легкая и тяжелая, очень много снарядов. Предложил ему план — идти под украинским флагом по железным дорогам в Таганрог-Ростов, где открыть карты... Условился послать связь, когда достигну своего соединения.

Выступили в 8 часов. По дороге захватили несколько гусей — один комиссар, один большевистский интендант и т. д.

В общем сегодня не жарко. Ночлег в Николаевке. Деревня большая с хорошими домами, но нет ни фуража, ни хлеба, ни яиц. Вообще полный недостаток продуктов. Спекулируют не только своим, но скупают и из окрестных деревень — продают и перепродают их втридорога в город. Население сильно смахивает на большевиков. Питаются за счет города.

Случай в броневике — взрыв ручной гранаты, шоффер, там находившийся, не постра-

дал — чудо! Вырвало нижнюю заднюю дверцу, закинуло неизвестно куда, сорвало и выкинуло пулемет, расщепило пол. Работоспособность не пострадала. Погорели и полопались патроны на двух лентах.

Немцы сидят в Таганроге, кажется идут на Ростов. Приходится спешить, авось обгоним, завтра в станицу Синявскую. В Ростове, кажется, большевиков уже нет...

Желательно бы остановиться, лошади подбиваются — долго и много идем, да и Пасху хорошо бы встретить, не говели еще. Но пожалуй придется еще идти, как вечному жиду.

Вечером послал в Таганрог разведчиков, арестовать кое-кого без шума, есть указания между прочим о предательстве вдовы одного расстрелянного казачьего офицера. Поехал туда и Лесли, разговаривать с немцами, да интендант узнавать о седлах и т. п.

20 апреля, Таганрог.

Колонна выступила в станицу Синявскую в 8 часов, а я с Лесли — в Таганрог для вывоза имущества и разговоров с офицерами. Лесли долго вел переговоры и добился многого: получили 150 седел, 2 аэроплана, автомобиль, бензин — и всё из-под немецких часовых. Броневика же и снарядов не дали — боевого, подлецы, не дают под разными предлогами, чуют. Незаметно от немцев, из Союза фронтовиков,

все же получили часть винтовок и пулеметов. Говорил с офицерами в частном собрании — те же мотивы. Неясна задача, да и не так делается, как хотелось бы тому или иному, да мало сил, да лучше и безопаснее на местах... Дирижеры — кадровые: никто, как свой. Инертность поразительная. Всего поступило человек 50. Хотелось выехать засветло, но задержался. Ночью дорога плоха, без фонарей, пришлось ночевать в гостинице. Распоряжений не отдал — одно утешение, что Войналович сам разберется в обстановке и решит стоять или двигаться.

21 апреля, ст. Недвиговская.

——ooOoo——

На этом обрывается незаконченный дневник М. Г. Дроздовского, оставшийся в необработанном виде. Повидимому тяжелые бои помешали его продолжить, также можно предположить потерю приведенных в порядок законченных его записок.

Дальнейшее изложение составлено по рассказам участников похода.

21-го апреля, в Страстную Субботу отряд Дроздовского подошел к Ростову и 2-мя колоннами начал аттаку с вокзала. Весь день шел упорный бой с превосходящими силами противника. Количество оборонявших Ростов большевиков достигло 12-ти тысяч при 6-ти

батареях; помимо организованных частей красной гвардии, латышских стрелков и матросов Гвардейского экипажа, большевикам много помогли рабочие из предместья Ростова — Темерника, стрелявшие на улицах из окон домов, также „Колхида" обстреливала наступавших с реки. Приходилось брать улицу за улицей и нести большие потери.

Подошедшие со стороны Таганрога немцы, видя тяжелое положение отряда, прислали своего ротмистра с предложением помощи Дроздовскому, который коротко ответил: „Не надо, справимся сами".

К вечеру того же дня, Ростов и часть Нахичевани были заняты отрядом, но 22-го утром с севера подошли новые подкрепления большевиков, и Дроздовский, видя полную невозможность вести дальнейший бой, не желая принципиально обращаться за помощью к немцам, приказал отступать. Но вывод из города увлекшейся борьбой пехоты, на которой был сосредоточен весь огонь большевистской артиллерии, оказался делом не легким, а гибель ее означала бы и гибель всего отряда и той идеи помощи Добровольческой Армии, с которой шли они из Румынии. Тогда Дроздовский дает следующее распоряжение: указав открытый холм, он приказал, чтобы кавалерия медленно передвигалась по холму редкой цепью (через 30 шагов всадник). Такой приказ показался окружавшим Дроздовского без-

умием, послышались возражения, некоторые предположили, что от потрясений он сошёл с ума, но властный голос его потребовал: „Исполнить немедленно мое приказание без рассуждений". Как и рассчитал Дроздовский, большевики перевели весь артиллерийский огонь на смело и открыто передвигавшуюся конницу, чем дали возможность отойти пехоте, ценой незначительных жертв в кавалерии. Пехота, а следовательно и отряд были спасены.

Дроздовцы отступили в район станции Чалтырь и короткими ударами беспокоили большевиков. В боях под Ростовом они понесли тяжелые потери: 82 бойца выбыло из строя, среди павших смертью храбрых первой жертвой был начальник штаба отряда, полковник Войналович, убитый на вокзале Ростова. Его беззаветная отваго служила примером для всех, она влекла его в самые опасные места, нередко его храбростью спасалось положение. Для Дроздовского эта потеря была крайне тяжела, он писал тогда: „Я понес великую утрату — убит мой ближайший помощник, Начальник Штаба, может быть, единственный человек, который мог меня заменить".

На пост Начальника Штаба был назначен полковник Генерального Штаба Лесли.

В Чалтыре, Дроздовскому казалось положение безвыходным, полное отсутствие сведений, невозможность боя с большевиками, но также и дальнейшее пребывание в Чалтыре не

входило в его планы. Неожиданно в ночь с 23-го на 24-ое апреля прибыл в Штаб к Дроздовскому казак — есаул. По одной версии он был послан атаманом Поповым, до которого дошли глухие слухи о прибытии какого-то отряда, по другой же версии этот есаул никем не был послан, а будучи на разведке случайно натолкнулся на отряд Дроздовского. Есаул дал подробное описание положения дел: Корнилов убит, добровольческая армия, истощенная Ледяным походом, не будучи в состоянии вести активную борьбу с большевиками, — слабо обороняясь, подходила к границам Донской области. Донские же казачьи силы сконцентрировались в восточных степях и производили нападения на большевиков в направлении Новочеркасска и Александровска-Грушевска. 23-го апреля Новочеркасск был взят, но на севере от него, а также в Ростове находились большие силы большевиков, которые стремились соединиться, наметив базой Ростов; лежащему на пути Новочеркасску угрожала главным образом северная группа большевиков, слабые казачьи силы должны будут отступать от города.

В Новочеркасске царило угнетенное настроение, к слухам о прибывшей помощи относились скептически и с ужасом ждали с часу на час нового захвата большевиками Новочеркасска. Дроздовский через есаула передал письмо к атаману Попову о немедленном вы-

ступлении ему на помощь и 25-го утром со своим отрядом был уже под Новочеркасском. Впереди наступавших шел броневик „Верный" и артиллерия, а в это время наседавшие с севера большевистские силы ворвались уже в предместье города — Хотунок, в котором вспыхнули сейчас же, в нескольких местах, пожары. Броневик и тяжелая артиллерия немедленно обратили в паническое бегство красные войска и разгром их был довершен казачьей конницей, бросившейся немедленно с флангов и в тыл отступающим.

Вступление отряда Дроздовского в Новочеркасск было триумфальным шествием. Население восторженно встретило своих спасителей, приветствуя их радостным: „Христос Воскресе", и засыпая цветами.

26-го апреля состоялся пышный парад отряду на площади Войскового Собора, во главе принимавших парад стоял ген. Краснов.

Достигнув заветной цели, вступив в Новочеркасск, Дроздовский издал следующий приказ по отряду:

ПРИКАЗ

1-ой Отдельной Русской Бригаде Добровольцев

26 апреля 1918 года. — г. Новочеркасск.

25-го апреля части вверенного мне отряда вступили в г. Новочеркасск, вступили в город,

который с первых дней возникновения отряда был нашей заветной целью, целью всех наших надежд и стремлений, — обетованной землей.

Больше тысячи верст пройдено вами походом, доблестные добровольцы; не мало лишений и невзгод перенесено, не мало опасностей встретили вы лицом к лицу, но верные своему слову и долгу, верные дисциплине безропотно, без празднословия, шли вы упорно вперед по намеченному пути, и полный успех увенчал ваши труды и вашу волю; и теперь я призываю вас всех обернуться назад, вспомнить все, что творилось в Яссах и в Кишиневе, вспомнить все колебания и сомнения первых дней пути, предсказания различных несчастий, все нашептывания и запугивания окружавших нас малодушных.

Пусть же послужит это нам примером, что только **смелость и твердая воля творят большие дела,** и что только непреклонное решение дает успех и победу. Будем же и впредь в грядущей борьбе ставить **себе смело высокие цели, стремиться к достижению их с железным упорством, предпочитая славную гибель позорному отказу от борьбы.** Другую же дорогу предоставим всем малодушным и берегущим свою шкуру.

Еще много и много испытаний, лишений и борьбы предстоит нам впереди, но в созна-

нии уже исполненного большого дела с великой радостью в сердце, приветствую я вас, доблестные добровольцы, с окончанием вашего исторического похода.

Полковник Дроздовский.

——ooOoo——

Получив подтверждение о смерти ген. Корнилова и о передаче командования Добровольческой Армией генералу Деникину, Дроздовский послал последнему телеграмму о своем прибытии, перечисляя подробно состав и имущество отряда, кончая словами: „в Ваше полное подчинение".

Дроздовский поехал в Мечетинскую, где находился тогда ген. Деникин со своим Штабом; на совещании было решено дать необходимый отдых войскам, отряду Дроздовского оставаться в Новочеркасске, а Добровольческой армии в районе Мечетинской, это время употребить на пополнение и обучение войск. О времени соединения и начале совместного наступления должен был решить ген. Деникин.

Радостный и бодрый ехал в Мечетинскую Михаил Гордеевич, **а вернулся оттуда в подавленном настроении, узнав, что Начальником Штаба Деникина состоит ген. Романовский.** На вопросы окружающих, Дроздовский отвечал: **„Там Романовский, — не будет счастья".**

Пребывание Дроздовского в Новочеркасске менее всего походило на отдых. Бесконечные переговоры о достаче денег, заботы о привлечении наибольшего количества добровольцев, их обмундирование, обучение, посылка надежных людей в разные города Юга России для организации записи добровольцев, все это не давало ни минуты покоя и отдыха. Он основал первые склады добровольческой армии, в Ростове вместе с А... основал первую газету: „Вестник Добровольческой армии", читал лекции о целях Добровольческой Армии, о ее национальных идеях, писал многочисленные воззвания. В Новочеркасске отряд стал быстро пополняться и уже насчитывал в своих рядах более 2500 человек. Благодаря прекрасному отношению казачества, отряд получал широкой рукой обмундирование.

Донской атаман ген. Краснов и близкие к нему тщетно **уговаривали Дроздовского не входить в состав Добр. Армии, обособиться от ген. Деникина** и, соединясь с казаками, составить самостоятельную армию, так как считали дело Добровольческой Армии проигранным.

Но, получив телеграмму Деникина с приказанием присоединиться к Добровольческой Армии, **26-го мая отряд Дроздовского двинулся в Мечетинскую.** Не доходя версты до станицы, отряд спешился и под командой полк. Жебрака, с музыкой, вступил в Мечетин-

скую. Встречали три генерала: Алексеев, Деникин и Романовский. 1200-верстный поход был совершен отрядом для соединения с генералами Корниловым и Алексеевым. Корнилов был убит, а Алексеев был тут, но он стоял, отступя впереди его стоящих Деникина и Романовского, показывая этим, что вся полнота власти в Добровольческой Армии перешла в их руки. На прибывший отряд это произвело тягостное впечатление, точно пустота образовалась в сердцах, точно **кто-то любимый** и родной покидал их.

В Мечетинской, в собрании, в честь пришедшего Дроздовского был устроен обед, много говорилось речей, иногда слышалась в них искренняя радость, но лучшее слово принадлежало генералу Алексееву; его речь заканчивалась словами: „Мы были одни, но далеко в Румынии, в Яссах, билось русское сердце полковника Дроздовского, бились сердца пришедших с ним к нам на помощь. Вы влили в нас новые силы".

Соединившись с Добровольческой Армией, отряд стал в станице Егорлыцкой и получил название 3-ей дивизии, под командованием полковника Дроздовского.

Тут необходимо заметить, что **нездоровая атмосфера интриг и сплетен возглавляемого ген. Романовским Штаба Добровольческой Армии,** не могла равнодушно отнестись к появлению полк. Дроздовского, молодого, энер-

гичного, умного, окруженного его отрядом, людьми, совершившими с ним поход, обожавшими своего командира. **Завистливое недоброжелательство, страх конкуренции, а помимо того и личная антипатия ген. Романовского дали себя вскоре знать** чуждому интриг, честному и прямому Дроздовскому. Каждый шаг, каждая даже маленькая ошибка критиковались, ставились в вину, и вскоре вооружили **против него ген. Деникина.**

Новая эра боевых действий Добр. Армии, — 2-ой кубанский поход начался 10-го июня 1918 года. В центре наступающих войск находилась 3-ая дивизия, с левого фланга шла конница Эрдели, с правого — ген. Боровского.

После непродолжительного боя под Лежанкой Добр. Армия двинулась на Белую Глину. Здесь, в бою был убит полк. Жебрак, смерть которого была большим лишением для Дроздовского. Лучшие бойцы уходили, редели ряды. Далее была взята Тихорецкая и, наконец, Екатеринодар.

После отдыха в Екатеринодаре, Добровольческая Армия была разделена на группы. 3-ей дивизии было дано задание взять Армавир: но, ведя бои с 16-го августа, дивизия была крайне утомлена, отсутствие своевременного подкрепления принудили Дроздовского оставить уже занятый им Армавир. Эта неудачная операция вызвала крайнее недовольство ген. Деникина, выразившееся публичным выговором за мед-

лительность действий и отмену его приказаний.

На этот выговор Дроздовский ответил следующим пространным рапортом:

Начальника
3-й Дивизии
Добровольческой Армии
27 Сенября 1918 г.
№ 027
С-ция Кубанская.

КОМАНДУЮЩЕМУ АРМИЕЙ

Рапорт.

С самого начала Армавирской операции, с того дня, когда началось продвижение южнее Отрада-Кубанская, я высказывал Вам опасения за свой правый фланг, являющийся все время больным местом, так как 1-ая конная дивизия не в силах была продвигаться наравне со мною, я же сам не имел сил и возможности одновременно вести операцию по овладению Армавиром и обеспечивать дивизию от глубокого обхода со стороны группы Матвеева. До тех пор при ведении боевых действий я не считал нужным ссылаться ни разу на многочисленность врага и эта сдержанность донесений об успехах, быть может, и создала неверное представление об их легкости.

Но уже с 1-го сентября я счел необходимым доносить, что против меня очень большие

силы, дерущиеся очень упорно; доносить также, что большие потери и сильная усталость, тогда еще некоторых только частей, вызывают необходимость подкреплений, в чем однако мне было отказано, несмотря на наличие резервов.

Угрожаемый с обоих флангов охватами многочисленного противника, я боями 2-го и 3-го сентября эту непосредственную угрозу ликвидировал и, пользуясь результатами Невинномысской операции ген. Боровского, продолжал наступление к Армавиру. По занятии Отрада-Кубанской, я получил телеграмму начальника штаба от Вашего имени о медлительности действий (Телеграмма № 01270), являвшейся первым совершенно незаслуженным упреком: за эти дни было сделано всё, что было в силах дивизии, но работу ее можно было верно оценить только на месте.

Именно, не желая отдавать врагу раз уже захваченное, да еще важный пункт, я считал овладение Армавиром делом преждевременным и рискованным до тех пор, пока продвижение 1-ой конной дивизии не распутало бы Михайловский узел. События показали, что последняя задача была непосильна для конной дивизии; в то же время, при активности врага (а с ней армия уже знакомилась) обезврежение Михайловской группы было условием обязательным для прочного удержания Армавира, или же необходимо было увеличить мои силы.

Свои соображения я дважды Вам доносил 5-го сентября (телеграммы №№ 69/Б и Д/322). Не получая ответа, видя, что моим донесениям не придается никакого значения, я был поставлен перед Армавиром в тяжелое положение: сознавая ясно рискованность операции по овладению этим городом, трудность его потом удержать, я вынужден был атаковать, так как противник, после неудачного для него ночного дела 5/6 начал вновь подготовляться к переходу в наступление. Армавир был взят штурмом, опять с довольно значительными потерями, а по взятии его я вновь донес свои опасения за тыл — эти донесения также были оставлены без внимания (телегр. №№ 329, 74/Б и 78/Б).

Сильно выдвинутая клином дивизия, занимавшая Армавир, была подвержена ударам глубоко в тыл, но с 6-го по 11-ое сентября я не получил ни помощи, ни обеспечения с этой стороны. Если бы отряд полк. Тимановского дан был мне 6-го или 7-го и тогда же даны были те пополнения, которые я получил лишь 12 и 14-го — судьба Армавира несомненно была бы иная: подкрепление в момент успеха — громадная сила!

Уже 10-го и 11-го определилось намерение противника совершить глубокий обход совместно с ударом вдоль жел.-дор. линии Курганная-Армавир, а в это время я получил директи-

ву продолжать наступление между Урупом и Кубанью...

11-го сентября я получил телеграмму, что в Кубанскую высылается батальон (?) 1-го офиц. полка; но в каком составе и к какому времени сосредоточится на ст. Кубанская, что прежде всего обязан был сообщить мне штаб — не было сказано ни слова.

Еще утром рано я послал телеграмму Командиру батальона — по прибытии в Кубанскую, вести наступление вдоль Владикавказской жел. дор., чтобы совместно с конным полком и моим правым флангом разбить обходящую с севера колонну противника; получил от него в 12 ч. 30 м. донесение, что он прошел через Гулькевичи и что у него 2¼ роты — 370 штыков!

12 сентября, весь день противник ведет упорные атаки с юго-запада, запада и севера, и очень скоро перерезает жел. дорогу; контратаками резервов на правом фланге нам удалось было отбросить противника и очистить полотно ж. д. севернее Армавира, но под давлением новых значительных сил пришлось отойти. К темноте новая большая колонна неприятеля обложила город уже и с юга, от берега Урупа, построив таким образом сплошной фронт до Кубани, и начала сближение для атаки на следующий день. Учитывая настроение войск, наличие всего трех рот резерва, не видя весь день и не считая уже возможным

помощь с севера от упомянутых выше слабых сил 1-го полка, я не счел возможным продолжать 13-го оборонительный бой на столь растянутом фронте (более 12 верст), так как прорыв противника в город или к мосту повлек бы гибельные последствия и панический отход; решив удержать в своих руках часть города, я остальные силы увел в Прочноокопскую. Ваше Превосходительство, не имея возможности оценить обстановку на месте, признали отвод части сил преждевременным, я же, наблюдая вплотную все элементы, предпочел сделать это вынужденное сокращение фронта спокойно и в полном порядке без потерь, нежели ждать следующего утра, чтобы очистить Армавир при таких же обстоятельствах, при каких он был очищен в первый раз.

Только 14-го, около 11 часов, я получил в Прочноокопской донесение полк. Тимановского, пересланное с офицером для связи, что он начал подход к станции Кубанской, имея два батальона, два орудия и три сотни (всего до 1400 бойцов), поступает в мое распоряжение и, по окончании сосредоточения, предполагает атаку. До получения Ваших приказаний я расчитывал 13-го и 14-го дать частям совершенно необходимый им отдых, влить пополнения, заменить убывший командный состав, то есть выполнить те мероприятия, что необходимы для подъема моральных и материальных сил части. Не эти, однако, соображения, как

бы они важны ни были, но полная физическая невозможность произвести своевременную перегруппировку и сосредоточение для совместной атаки противника с батальонами полк. Тимановского, вынудили меня немедленно ответить ему, чтобы он 13-го в бой не ввязывался, дабы атаковать не раздельно, а совместно. Вы прислали мне резкую телеграмму, обвиняя меня в отмене Вашего приказания, но это не верно, ибо приказания Вашего я не мог отменить, так как о нем мне ровно ничего не было известно. Полк. Тимановский донес мне только, что он поступает в мое распоряжение, Ваша телеграмма 14-го была показана полк. Тимановскому, который ответил, что такого приказания атаковать во что бы то ни стало 13-го он не получал.

Последствия этой атаки доказали, что моя оценка обстановки была верной, так как, по причине трудности связи, мое приказание не ввязываться самостоятельно в бой запоздало и части полк. Тимановского, имев первоначально успех, были вскоре вынуждены к отходу, понеся чувствительные потери. Итак, приказания Вашего я не отменял, но отдал то распоряжение, не прошедшее случайно в жизнь, которое вызывалось обстановкой и необходимость которого теперь для всех стала очевидной.

Я считал необходимым дать частям хотя бы сутки полного отдыха, который имел в ви-

ду использовать на влитие до 700 человек пополенений. Однако, Вы приказали атаковать непременно 14-го. Я атаковал. Вел упорный бой, понес тяжелые потери и потерпел неудачу...

Не буду останавливаться на Михайловской операции, так как ответил достаточно подробно телеграммой, повторю только, что выговор был сделан безо всякой вины, ибо **директивы** (т. е. распоряжения, указывающие основную идею, но не способ выполнения) **я не изменял,** но, вынужденный обстоятельствами изменить путь следования и пункт сосредоточения, из этого последнего предпринял операцию, завершившуюся, согласно Вашему желанию, глубоким обходом противника и атакою его со стороны Курганной.

С 16 августа дивизия вела целый месяц почти непрерывные бои, понесла около 1800 человек потерь (без 1-го офиц. полка), т. е. больше 75 % своего первоначального состава, одержала целый ряд успехов, но в последних неудачных кровопролитных боях при выполнении непосильных задач свела на нет все предыдущие успехи и достигла в конечном результате только одного — подняла моральное состояние врага, увидевшего, что он может успешно сопротивляться, и понизила свой собственный дух, потеряв веру в несокрушимость своих атак. В Самурском полку, на почве неудач и утомления, появилось много перебеж-

чиков, чего раньше совершенно не было, и сейчас этот полк уже не внушает мне доверия — над ним необходима большая работа.

Я не „жаловался", как в Вашей телеграмме были названы мои доклады о положении дел. Выражаясь словами Суворова „ближнему по его близости лучше видно", я оценивал правильно свои силы, переоцениваемые штабом армии, и силы противника, недооцениваемые им. В результате этих условий я ясно видел слишком большую вероятность неудачи и если сама по себе неудача, как таковая, везде тяжела, то для нашей армии последствия ее много тяжелее: большевикам гораздо легче потерять тысячу человек, чем нам сто. Укомплектования поступают крайне туго, кроме того неудачный бой — это потеря оружия, пулеметов, пополнения которых из армии мы почти не видим (за два месяца дивизия получила 300 винтовок). Строевые начальники обязаны дрожать над каждым человеком, над каждой винтовкой, иначе они останутся без войск и если опасны слишком дорого стоющие победы, то неудачи могут стоить армии. Впереди же, кроме освобождения Кубани, армии предстоит много более широкая задача — с чем пойдет она ее решать?

И тем не менее, как тяжело ни складывалась обстановка в дивизии, я похоронил бы в себе всю тяжесть опасений за исход операции и ее последствия, если бы не видел иного, на-

ходившегося всецело в Ваших руках выхода из положения. Например, в бою под Белой Глиной я скрыл от Вас то крайне тяжелое положение, в котором оказалась дивизия, так как знал, что Вы уже ничем помочь мне не могли; под Усть-Лабой, когда положение одно время было очень серьезно, я также не доносил Вам всего — тогда я считал вредным для дела беспокоить Вас, ибо резерв, бывший в Вашем распоряжении, нужно было хранить для более опасного направления.

Но в Армавирской операции дело обстояло совершенно иначе. Задача, возложенная на дивизию, не соответствовала ее силам, неудача была весьма вероятна. Между тем я знал, что в то время, когда утомленная дивизия истекала кровью в непрерывных тяжелых боях, два сильных и свежих полка оставались в резерве, свободные от прямой задачи — борьбы с большевиками. В то же время я видел возможность достигнуть несомненных успехов, собрав кулак из главной массы армии путем подтягивания всех наличных резервов и усиления ударной группы за счет временного ослабления других фронтов, чтобы рядом последовательных, действительно сокрушительных ударов уничтожить раздельные группы врага. И как ни дорого нам время, но всегда считал, что лучше на два дня позже победить, нежели дать бой на два дня раньше и потерпеть неудачу.

Вот почему, находясь все время среди войск, видя большую вероятность неуспеха в предписанной мне операции и сознавая в то же время возможность полной удачи при иной группировке сил, я считал своим долгом настойчиво и выпукло, в то же время совершенно точно, без преувеличений очерчивать в своих донесениях действительную обстановку в дивизии. К сожалению, моим докладам не было оказано того доверия, которое я заслужил своей безукоризненной репутацией на войне и своим историческим походом.

Жаловаться же я не привык и никогда не жаловался ни на какие опасности и лишения более, чем за пять лет, проведенных мною на двух последних войнах. А если иные начальники иначе доносили, то это их дело и их ответственность (хотя донесения одного из начальников дивизии были аналогичны моим), но захлебнувшееся наше наступление на всех главных фронтах армии и последние неудачи во всех дивизиях доказывают, на мой взгляд, правильность моих действий.

Перейдя к вопросу собственно о выговоре, я позволю себе напомнить следующее:

Ко времени присоединения моего отряда к Добровольческой армии состояние ее было бесконечно тяжело — это хорошо известно всем. Я привел с собою около 2½ тысяч человек, прекрасно вооруженных и снаряженных с большой артиллерией, броневиками, аэропла-

нами (один готовый), автомобилями, радиотелеграфом, дал армии более 8 тыс. снарядов, 200 тыс. патронов, более 1000 винтовок (перечисляю главнейшее). Учитывая не только численность, но и техническое оборудование и снабжение отряда, можно смело сказать, что он равнялся силою армии, при чем дух его был очень высок и жила вера в успех.

В истощенный организм была влита новая свежая кровь.

Я не являлся подчиненным исполнителем чужой воли, только мне одному обязана Добровольческая армия таким крупным усилением. Все, стоявшие в Яссах у дела формирования добровольческих частей, отреклись от них, настаивали на роспуске и разоружении, называли мой поход **безумием и авантюрой**, подстрекали моих подчиненных к оставлению рядов. Я один имел смелость поставить себе целью этот поход, силу воли — довести дело до успешного конца и умение выполнить его среди многих опасностей и политических осложнений.

От разных лиц, среди которых есть и теперь играющие крупную роль в общем ходе событий, я получал предложения не присоединяться к армии, которую считали умирающей, но заменить ее. Агентура моя на юге России была так хорошо поставлена, что если бы я остался самостоятельным начальником, то Добровольческая армия не получила бы и пятой

части тех укомплектований, которые хлынули потом на Дон. Всем известная честность моих намерений и преданность делу России обеспечивали бы мне успех развертывания. Но, считая преступлением разъединять силы, направленные к одной цели, не преследуя никаких личных интересов и чуждый мелочного честолюбия, думая исключительно о пользе России и вполне доверяя Вам, как вождю, я категорически отказался войти в какую бы то ни было комбинацию, во главе которой не стояли бы Вы. Правда, я тогда был далек от **мысли, чтобы штаб вверенной Вам армии мог позволить себе такое отношение ко мне, с коим пришлось познакомиться последние два месяца** (не исключая инсинуаций и клеветы, чему имею факты и, если угодно, доложу). Присоединение моего отряда дало возможность начать наступление, открывшее для армии победную эру. И не взирая на эту исключительную роль, которую судьба дала мне сыграть в деле возрождения Добровольческой армии, а быть может и спасения ее от умирания, не взирая на мои заслуги перед ней, пришедшему и к Вам не скромным просителем места или защиты, но приведшему с собой верную мне крупную боевую силу, Вы не остановились перед публичным выговором мне, даже не расследовав причин принятого мною решения, не задумались нанести оскорбление человеку все

силы, всю энергию и знания на дело спасения родины, а в частности и вверенной Вам армии.

Мне не придется краснеть за этот выговор, ибо вся армия знает, что я сделал для ее побед.

Для полковника Дроздовского найдется почетное место везде, где борются за благо России. Я давно бы оставил ряды Добровольческой армии, так хорошо отплатившей мне, если бы не боязнь передать в чужие руки созданное мной.

Не могу не коснуться еще одного вопроса, который не имеет прямого отношения к содержанию этого рапорта, но очень болезненно отражается на духе войск. За последнее время к частям предъявлялись крайне повышенные требования, ставились тяжелые задачи: „во что бы то ни стало", „минуя все препятствия". И не имея достаточно средств, войска, ценою больших жертв, по мере возможности, выполняли свои задачи. Но если признано возможным предъявлять строевым частям такия требования, которые нередко превышают их силы, почему же к органам, обслуживающим и снабжающим армию, не предъявляют таких повышенных требований. Почему от них не требуется исключительной энергии, исключительных знаний, исключительной изобретательности и работоспособности. Мы по-прежнему испытываем крайнюю нужду в снарядах

и патронах и за недостаток их платим кровью; ненедостает обмундирования и сапог. Состояние санитарной части ужасно — засыпан жалобами на отсутствие ухода, небрежность врачей, плохую пищу, грязь и беспорядок в госпиталях. Проверьте количество ампутаций после легких ранений — результаты заражения крови, что при современном состоянии хирургии является делом преступным; в моей дивизии за последнее время целый ряд офицеров с легкими ранами подверглись ампутатации или умерли от заражения крови. Врачи остаются безнаказанными, мне известен случай занесения заразы при перевязке в госпитале; за это врач был **только** переведен на фронт. Я доносил Вам о смерти шт.-кап. Ляхницкого из-за небрежности врача; он остался безнаказанным. Стон идет от жалоб на санитарную часть, но никто за это не отвечает. Когда приходится знакомиться с жизнью и работой довольствующих органов армии — поражаешься этой рутиной, бумажностью, презрительным индифферентным отношением к войскам. Если исключительное напряжение в работе требуется от войск, так пусть такую же энергию проявят те органы, которые их обслуживают и сами дани крови не несут.

Великая русская армия погибла от того, что старшие начальники не хотели слушать неприятной правды, оказывая доверие только тем, в чьих устах было все благополучно, и

удаляли и затирали тех, кто имел смелость открыто говорить.

Неужели и Добровольческая армия потерпит крушение по тем же причинам?

Полковник Дроздовсикй.

Этот рапорт был возвращен Дроздовскому с надписью: „Главнокомандующий прочитать не пожелал" — подпись — „Генерал Романовский".

Такое возвращение рапорта было ярким показателем власти и влияния Романовского на Главнокомандующего.

Деникин был плоть от плоти штабной генерал, рутинный, привыкший к тыловой спокойной работе. Он диктовал свои приказы Начальнику Штаба; тот их препровождал, и приказы кем-то исполнялись. Всё проходило через руки Начальника Штаба, в данном случае ген. Романовского, которому Деникин беспредельно верил, которого любил и на все смотрел его глазами, не проверяя и не критикуя. Романовский же докладывал то, что находил нужным. Докладывая, освещал вопрос, придавая ту или иную окраску, а часть прятал под сукно. Таким образом от Главнокомандующего ускользало очень многое, многого он совсем не знал, а многое доходило до него в искаженном виде. **Характер же Романовского достаточ-**

но известен: злобный, завистливый, честолюбивый, не гнушавшийся средствами для поддержания своей власти и влияния — он „убирал" с пути своего опасных для него людей.

Возвратив рапорт Дроздовскому, вероятно, не доложив даже о нем Деникину, Романовский громко заявлял о чрезмерной нервности Дроздовского и о необходимости отправить его в продолжительный отпуск. Так, однажды такой разговор зашел в присутствии генерала С., который возразил, что Дроздовского вряд ли можно будет уговорить взять отпуск в такое боевое время. Наступала пора боев за овладение очень важных пунктов для Добровольческой Армии. Тогда тот же генерал предложил довольно ехидную комбинацию: ежели Дроздовский, как начальник дивизии, плох, быть может, ему предложить поменяться — генерал Романовский может занят его место, а Дроздовского назначить Начальником Штаба. Романовский немного смутился, но потом ответил, что он не отказывается; Деникин спас положение, заявив, что без Романовского он остаться не может.

После занятия Армавира 3-я дивизия была направлена на овладение Ставрополем; здесь, в бою **31-го октября, Дроздовский был ранен в ногу и эвакуирован в Екатеринодар. Это легкое пулевое ранение потребовало почему-то восьми** операций... Невольно вспоминаются те строки рапорта Дроздовского, где говорится

о небрежности врачей, их безнаказанности и грязи в госпиталях, дающих массовые заражения крови.

8-го ноября Дроздовский был произведен в генерал-майоры по Статуту (Георгиевский крест), — только такое производство он признал для себя приемлемым. К концу ноября безнадежное положение Михаила Гордеевича побудило принимавших участие в походе его из Ясс на Дон — увековечить память об этом, установлением особой медали. По этому поводу Деникин издал особый приказ от 25-го ноября (см. приложение IV) 1918 г.

В декабре Дроздовскому была ампутирована нога, но облегчения не наступало. Тогда 26-го декабря он был в полубессознатльном состоянии перевезен в Ростов в клинику Напалкова. Еще в Екатеринодаре, когда ранение осложнилось, окружавшие Дроздовского уговаривали его перехать в Ростов в клинику проф. Напалкова, но эти уговоры были тщетны. Он говорил, что в такой клинике место тяжело раненым, и он, со своим пустяшным ранением, не желает отнимать места у других.

Однако, все старания профессоров Напалкова и Игнатовского, а также образцового медицинского персонала, были бессильны помочь страдальцу.

Вечером, 1-го января 1919 года Михаил Гордеевич Дроздовский скончался.

Два месяца тянулось заражение крови, поговаривали о тифе, о систематическом медленном отравлении, во всяком случае, почему произошло заражение крови — осталось загадкой, таинственной и необъяснимой.

Врач Плотник, пользовавший в Екатеринодаре Дроздовского, остался безнаказанным, его даже не спросили историю болезни Дроздовского; никто не поинтересовался узнать первопричину заражения. Этот врач вскоре уехал заграницу с какой-то миссией.

Так друзьям Дроздовского не пришлось уговаривать его взять отпуск, **он был „убран" с пути Романовского.**

Деникиным по поводу смерти Дроздовского был издан приказ, перечислявший все этапы его славной боевой деятельности, кончавшийся словами: „Мир праху твоему, рыцарь без страха и упрека". В память покойного Деникин приказал одному из созданных Дроздовским полков впредь именоваться 2-м Офицерским генерала Дроздовского полком", а впоследствии вся 3-я дивизия получила наименование „Дроздовской".

•

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ I

ОТРЫВКИ ИЗ ПИСЕМ И ДНЕВНИКОВ (1915-1918)

1915 год (27 арм. корпус).

1 февраля.

Управления нет — ряд несогласованных, иногда противоречивых, ежечасно меняющихся, отдельных приказаний корпусам, полная неразбериха, сумбур. Роль Сиверса жалкая и преступная; не успеваешь передать одно распоряжение, как оно требует отмены. О 20-м корпусе, положении его дивизии, добиться нельзя. Кратко — дикий хаос, делается нечто непостижимое.

2 февраля.

Войска в тяжелом состоянии, Августово, Горчица в немецких руках. Штаб бежит в Минск.

6 февраля.

Сегодня ночью было донесение одного бежавшего казака о разъездах немцев в Нов. Дворе, паническое настроение командира и некоторых штабных. Я командирован. Наконец, спокойствие, ночь спал спокойно, по-походному, спокойное настроение в Аккерманском полку. Слава Богу не в паническом штабе.

8 февраля.

Меня вытребовал обратно штаб, куда прибыл в 6 вечера. Вести, что 20-й корпус окружен

у Богатыря и пробивается по направлению к востоку. 64-я дивизия страшно медлит — приказ получили еще ночью, а днем часов около 4-5 спрашивают Добрынина, что задача не понята. Явно не особенное желание вперед, командир корпуса сидит в штабе и никакого участия. Ночью сведения от казаков о сдаче корпуса, думаю, что неверно, но начальство на этом основании останавливает наступление.

14 февраля.

64 дивизия опять ничего не делает и ночью не атакует, все препирается, что не знает. Нахлобучка Жданке непосредственно. Завтра 5 утра атака.

15 февраля.

Доменчаны не взяты, конечно, канонады не было слышно. Начальник дивизии сидит у себя, командир корпуса у себя, их ничто не касается.

16 февраля.

Отход немцев. Наше наступление. Комедия выезда нашего штаба вперед — для начальства. Все управление только проволока, не показывает войскам никакого личного воздействия. Войска командира корпуса не знают и после бегства не уважают. Отъезд Лашкевича из Августова, я обвиниль его в трусости, он спросил только: „Это Ваше личное мнение?" Солдаты грабят, есть свидетели, а Гернгросс бездействует.

18 февраля.

В первый раз читал распоряжения по 6-й и 8-й ар. Кошмарная бессмыслица: „во что бы то ни стало", „с полным напряжением сил, энергично, решительно, безотлагательно". И чем больше слов, тем меньше дела. Приказания не слушают, слова потеряли силу. Бегство роты.

22 февраля.

В 12 час. прибыл в Красностокский монастырь. Связи нет, страшное расстояние до штаба корпуса, нехватка провода, скандал. Из обеих дивизий спрашивают, отчего наш штаб так далеко? Связь установилась только в 23 с половиною ночи. Если бы удар немецев — была бы катастрофа. Но в чем же главные заботы Гернгросса, его интересы: — почта, обеды и отпуск.

23 февраля.

Наблюдал шедший Аккерманский полк: вид апатичный, понурый, общие жалобы на усталость, нервы развинчены. Части действительно не укомплектованы, полки — это батальоны, люди устали и энергии у них нет, их боевая работа была долгая и без отдыха и затрудняюсь обвинять их за отсутствие порыва, тем более, что со стороны генералитета никакого примера. Но факт на лицо— задач не сделали, потому что не хотели; все выжидали — авось противник уйдет, не было желанья

отрезать, охватить. При таком положении трудно чего-нибудь добиться.

Штаб в Минске — его продолжают спрашивать, почему так далеко. Перестрелка на фронте не слишком сильна. Действительно артиллерийский огонь с обеих сторон очень редкий и, кажется, безрезультатный. В итоге это стояние и больше крови стоит и больше утомляет — двое суток люди не знают отдыха под крышей, морозы крепкие, градусов до 10-12 ночью. Резервы еще ничего, повырыли себе землянок в виде крысиных нор. Кстати об укреплениях — все время доносили о силе укреплений Минска, — все оказалось вздором — редкие и паршивенькие окопчики и вот так всегда врут, врут и врут...

24 февраля. Минск.

Наши части не движутся никак — нынче все на месте. Говорил с Гернгроссом о пушках, ответил, что он отлично это знает, сам применял, но для этого нужны решительные начальники, способные решиться на такия меры (!). Возразил ему, что если начальники дивизий не решатся — так можно им приказать — ответил мне, что они не послушаются. Если они категорических приказаний о движении вперед не исполняют, то неужели же решатся на выдвиженье пушек. Я указал, что можно приказать и проверить посылкой доверенных лиц. Однако решительный начальник решительно отказался от какого-либо воздействия. Бу-

дем значит по прежнему стоять, пока немцам не заблагорассудится уйти или нанести новый удар.

4 марта.

Сейчас у нас плохие условия расквартирования. Милое начальство не посмотрело. Даже не объехали войск и не поблагодарили за службу!!... Зато приехали жены...

8 марта.

Штаб в Сопоцкино. Скоро полночь, а приказа нет. Добрынин возмущается и негодует, что войскам неудобно. Белыми нитками шьет, хорошо он известен, удобства войск и их жизнь для него прошлогодний снег, много раз доказывал. Его сейчас волнует собственный покой, сон с 11-ти и до 11-ти пропадает — вот и негодование. Пальцем не пошевельнет для войск — прежде и выше всего покой, безопасность, письма своевременные, а выигрыш и проигрыш войны — не всё ли равно; сколько раз это обрисовывалось.

9 марта.

Копциево. Гернгросс и Добрынин сильно негодуют, что армия подтянула наш штаб, указав мест стоянки — пожалуй поняли.

2 час. дня. Великое торжество: Перемышль пал.

Помещение в Копциево мало — многое сожжено, этапа нет — пополнения блуждают некормленные. Их вид на походе: приклады кверху, гуськом, группами и, несмотря на шос-

се, строя никакого, а люди молодцы, были бы хорошие солдаты.

Вернулся Добрынин, кажется, удалось обеспечиться на будущее время от указаний места для штаба.

12 марта.

Сейны. Связь сутки не налаживалась и ночью из армии приказали подвинуть штаб вперед. Уже второй раз!!.

Работа эти дни сумасшедшая. Уговариваю вождей выслать часть в Жубранойцы, оба понимают, но боятся инициативы, когда пришло совсем тревожное донесение вечером — послали, наконец, два батальона. С управлением комедия: Гернгросс — безвольная ширма без всякого влияния и желания управлять. Приказы пишет Добрынин, а на другой день их подписывает Гернгросс. Жданко в Краснополе: управление личное и несомненно доблестное; видно и чувствуется порядок в бригаде, артиллерия на месте. Почему же, обладая личным мужеством, что подтверждают знающие его, почему он ничего не делал тогда в феврале, в боях впереди Пашковского моста. Странно...

13 марта.

Сейны. Опять на правом фланге не ладно, опять бежит 56 див., так называемый 3-й корпус. Ничего нельзя расчитать, ни на что решиться с такой нестойкостью. Генералы доводят до белого каления, и без них не сладко, а они предсказывают всякие бедствия, отход и

т. д. Это непрерывное карканье и настоящее причитание изводит; и это начальники, которые должны ободрять, подавать примеры бодрости, и пальма первенства принадлежит Добрынину, такому по его словам решительному и спокойному воину. Малейшая тень неудачи и он уже разрисовывает самые мрачные картины.

16 марта.

Тяжелая ночь. С вечера немцы перешли вновь в наступление. Силы очевидно у них не велики, днем не очень рискуют — у нас много артиллерии. К вечеру немцы лезут с превеликою дерзостью, очевидно ясно зная, что наши части ночью не стоят ровно ничего.

Отдали Краснополь, наши бежали, оставили массу пленных. Собирали здесь, в Сейнах, беженцев; ротами и командами отправляли их назад. Опять приказали отбирать Краснополь, но нуль результатов, не идут никак, не выдерживают артиллерии немцев.

Возле Сейн, впереди костела рвутся тяжелые снаряды, Гернгросс страшно нервничает и злит меня, — неужели нельзя побольше владеть собою — считает чуть не каждый разрыв. Рвутся шагах в 500 от нашего штаба.

17 марта.

Аккерманцы всё время делают попытки удирать — донесение Пивоварова „впечатлительность Аккерманцев необычайна, возникает вопрос о их боеспособности". У нас в штабе

опасения, чтобы мы не отдали позицию, общее мнение не атаковывать, а лишь удерживаться, тоже генералы... Телеграмма Дубинина — приказ о наступлении, мое предложение прямо ответить, что не можем, будем только обороняться. Добрынин согласился вполне, что ничего не выйдет, но так ответить не решался, так „кто говорит правду — теряет", пусть с нашей стороны это будет очковтирательство, все равно... Я ему говорил, что приказывать, заранее зная, что не исполнят — разврат. Он согласился и однако... В 5 часов утра назначено наступление.

18 марта.

Неожиданный успех. Чему приписать? Конечно, достоинству Пороховщикова и Пивоварова, артиллерии, которая работала под искусным управлением Штакельберга. Работать им было ужасно тяжело.

Успех развит очень не был, трофеи: два пулемета, около 200 пленных, ибо 2-й корпус почти не помогал, во-первых, запоздал с наступлением часа на 4, во-вторых, шел без энергии. Впоследствии он отошел, обнажив правый фланг, наши Глазовцы тоже драпнули, наконец пришел Донской — прибыл настоящий полк.

Добрынин делает вид, что он герой дня, что это он по размышлении так сосредоточил артиллерию. Смешно — вот уж, как младенец, не повинен ни в чем.

Успех вышел вообще случайным и без последствий — спасибо и на том, все же может дать хоть некоторый подъем.

К вечеру вполне выяснилось, что главное сделала артиллерия, пехота, так сказать, пожала плоды, а на дальнейшее сил не хватило, наступать, вести бой — энергии не было.

Неприятель ушел отсюда сравнительно чисто.

1916 год. 11 июля.

Прошлое лето и осень я пережил бесконечные душевные муки и великую драму, но теперь я чувствую почти торжество — у нас ряд побед. Отношение к событиям войны царит в моей душе над всеми эгоистическими интересами. С самого начала войны судьба заставляет меня быть в самой неинтересной обстановке, на самых скучных или пассивных фронтах, в подчинении и зависимости от лиц, коим не свершить никогда ничего светлого. Сейчас блеснул луч надежды; опять в поход; посмотрим, что день грядущий нам готовит...

1917 год. 28 марта.

Ведь я — офицер, не могу быть трусом, несомненно, что нетрудно было бы поплыть по течению и заняться ловлей рыбки в мутной воде революции, ни одной минуты не сомневался бы в успехе, ибо слишком хорошо изучил я людскую породу и природу толпы.

Но изучивши их, я слишком привык их презирать, и мне невозможно было бы поступиться своей гордостью ради выгод.

7 апреля.

Вчера я получил полк в своей дивизии. Еще так недавно я чувствовал бы себя на седьмом небе, теперь же, какая это радость? — это непосильный крест.

16 апреля.

С души воротит, читая газеты и наблюдая, как вчера подававшие всеподданнейшие адреса, сегодня пресмыкаются перед чернью. Мне сейчас тяжело служить; ведь моя спина не так гибка и я не так малодушен, как большинство наших, и я никак не могу удержаться, чтобы чуть не на всех перекрестах высказывать все свое пренебрежение к пресловутым „советам". Армия наша постепенно умирает.

28 апреля.

У меня положение в полку становится очень острое. Можно жить хорошо, только до тех пор, пока всем во всем потакаешь, ну а я не могу. Конечно, было бы проще оставить все, проще, но и не честно. Вчера наговорил несколько горьких истин одной из рот; те возмутились, обозлились. Мне передавали, что хотят „разорвать меня на клочки". Но, кажется, краски сгущены, к чему непременно на „клочки", когда вполне достаточно на две равные части, как никак, а быть может придется испытать не сладкия минуты. Кругом наблю-

даешь, как у лучшего элемента опускаются руки в этой бесполезной борьбе. Образ смерти является всем избавлением, желанным выходом.

27 июня.

На днях придется нам идти в бой, мне предстоит сомнительная честь вести в атаку наших „свободных граждан”, свободных от чувства долга и доблести.

10 августа.

11-го июля у нас была атака; вследствии громадного превосходства сил мы имели успех, не взирая на то что большая часть солдат была непригодна к бою. Мой полк взял даже 10 орудий. 30-31 июля и 1-2 августа снова были тяжелые бои; наступали немцы, в незначительных, меньших силах, больше артиллерией, чем штыками. Но деморализованная, развращенная, трусливая масса почти не поддавалась управлению и при малейшей возможности покидала окопы, даже не видя противника: от каких-нибудь нескольких снарядов или только в ожидании неприятельской атаки. Еще 31 было нечто в роде боя, нечто в роде сопротивления, мы частью отстаивали свои позиции, но уже 1-го августа разразился скандал, — поголовное бегство полка, целые вереницы беглых тянулись мимо штаба. Тогда я послал весь мой резерв, мою лучшую часть останавливать этих беглецов. Ни о каком управлении боем не могло быть и речи среди забо-

ров, домов и виноградников. Много раненых офицеров и солдат было брошено этими мерзавцами на позиции. Увидя эту катастрофу, я решил покончит со свободами и приказал бить и стрелять беглецов. Этими крайними мерами, широким применением палок и оружия удалось восстановить кое-какой порядок и, пользуясь ночью, остановиться на новой позиции. На другой день сразу же были приняты меры, самые крутые, офицеры наблюдали за цепями, все время с револьверами в руках, позади я расставил разведчиков и всякая попытка к бегству встречалась огнем. Благодаря этому позиция была удержана и противник, поплатившись, больше не дерзал на новую атаку. Сейчас чиню суд и расправу, авось приведу их в порядок; они уже начинают чувствовать мое давление. Конечно, может и сорваться.

24 ноября.

За последние дни произошли такия события, что окончательно опустились руки — эти кустарные мирные переговоры, созданные кучкой немецких шпионов и осуществленные давлением слепой стихийной массы — докончили все. Сами по себе, своими силами, мы уже вернуться к войне не можем, даже хотя бы к оборонительной, в виду абсолютного разложения армии. Почетного мира для нас уже не будет. Насколько я ориентирован — нет никаких надежд извне. Все это развязывает руки.

Тотчас по получении распоряжений о перемирии я поехал в Яссы, ничего еще определенного не знаю — события начинают принимать слишком острый характер; хотя кругом все так запутано, так темно, что трудно разобраться — в стороне же от событий я не останусь. Пока помимо моей воли назначен начальником 14 дивизии. Настроение тяжелое — эти переговоры о мире точно публичная пощечина, от оскорбленной гордости некуда уйти, негде спрятаться. Сердце отравлено ядом.

Еще 20-го получил Георгиевский крест по давнишнему представлению — единственный орден, к которому я никогда не был равнодушен... а между тем у меня теперь никакой радости в сердце, нисколько не стало легче на душе от этого маленького белого крестика... От жизни страны, от всего, что делается внутри ее, мы отрезаны почти совсем, не получаем почты и газет.

6-го декабря.

У нас на фронте все уже доходит до последнего предела развала и я уже ни с чем не борюсь, ибо это совершенно бесполезно, — просто наблюдаю события. Как счастливы те люди, которые не знают патриотизма, которые никогда не знали ни национальной гордости, ни национальной чести.

11-го декабря.

Россия погибла, наступило время ига, неизвестно на сколько времени, это иго горше

татарского. Я же принял определенное решение: приехал в Яссы, взял себе отпуск на 5 дней, складываю с себя звание начальника дивизии, на днях принимаюсь за одно очень важное дело, о котором конечно писать не могу, почта — дело ненадежное. Во всяком случае ориентируюсь в политических делах, часто вижусь с иностранцами.

15-го декабря.

На неопределенное время остаюсь в Яссах, дела очень много. Я вовсе не честолюбив и отнюдь не ради известности среди толпы и не ради ее поклонения пытаюсь взять как можно больше в свои руки. Честолюбие для меня слишком мелко, прежде всего я люблю свою родину и хотел бы ей величия. Ее унижение — унижение и для меня, над этими чувствами я не властен, и, пока есть хоть какие-нибудь мечты об улучшении, я должен постараться сделать что-нибудь; не покидают того, кого любишь в минуту несчастья, унижения и отчаянья. Еще другое чувство руководит мною — это борьба за культуру, за нашу русскую культуру.

1918 год. 27 февраля.

Одна за другой неудачи преследуют меня, неудачи, в которых я неповинен; отсутствие энергии, апатия, мягкотелость, моральное ничтожество среды, бесталантность и нерешительность кругов, предназначенных судьбой к во-

дительству — все это губит великое начинание, накладывает на всё печать могилы. Усилием воли заставляешь продолжать начатую работу и до конца вести борьбу. Начинаю жизнь скитальца. Жалкий обломок прежнего величия, человек, не имеющий родины!

16 мая. Новочеркасск.

Я безумно устал, измучился этой вечной борьбой с человеческой тупостью, инертностью, малодушием. Какое постоянное напряжение силы воли, какой гнет ответственности, какая тяжелая, почти безнадежная борьба в поисках успеха. Издерганный, измученный, я перестал быть человеком. Миллион переговоров, вечные поиски денег — этого главнейшего нерва всякого дела, поиски людей. Скоро вероятно придется покинуть Новочеркасск, идти дальше по нашему тернистому пути, но в тоже время и по пути чести.

20 мая.

Я брошен сейчас судьбой в котел политической борьбы, кипящий и бурлящий, судьба выносит меня на гребень волн, и я не могу особенно упираться, так как мне слишком дорога Россия... А что из этого будет — как знать. Подъем или крушение, теперь так трудно что нибудь угадать, особенно тому, кто не идет на всякие компромиссы.

Ведь теперь, в самом центре борьбы, я вполне только понял, как ничтожны,

близоруки, бессильны наши общественные деятели и политики, наши имена и авторитеты! Они ничего не понимают, как не понимали до сих пор и ничему не научились. Ведешь с кем нибудь переговоры и не понимаешь, стоит ли тратить на это время, кто он — деятель или пустое место. Как это всё мне опротивело, всё надоело, но повторю всегда: как часовой, с поста своего я все же не уйду.

18 июля, Екатеринодар.

Я весь в борьбе, и пусть война без конца, но война до победы. И мне кажется, что вдали я уже вижу слабое мерцание солнечных лучей, проникающих через сплошной мрак действительности. Сейчас я маниак, я обрекающий и обреченный...

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Первая Бригада Русских Добровольцев на Румынском Фронте.

Офицеры и солдаты!

Учредительное Собание разогнано. Грабежи и насилия большевиков кровавыми волнами заливают русскую землю. Армии не существует: она погибла на радость ликующему врагу.

Отчаянное положение нашего отечества вызвало необходимость создания доброволь-

ческих войск. Приказом по Румынскому фронту № 1344 обьявлено о сформировании

ПЕРВОЙ ОТДЕЛЬНОЙ БРИГАДЫ РУССКИХ ДОБРОВОЛЬЦЕВ.

Бригада принимает всех желающих, не считаясь с политическим взглядами, но при условии беспрекословного повиновения начальникам и соблюдения полной дисциплины.

Бригада просит штабы, начальствующих лиц и всех офицеров выбрать в частях достойнейших из солдат. При их согласии на перевод в Первую Бригаду Русских Добровольцев необходимо сообщить их фамилии штабу фронта по адресу: Штарум, капитану Генерального Штаба Федорову.

При возможности нужно посылать их прямо в

Яссы, улица (Страда) Музелор, 24.

Офицеры и солдаты. Вы спешите домой, но там вам не будет ни отдыха, ни покоя. У порогов ваших домов братоубийственная война, внутри их — голод и слезы. Если вам дороги ваши родные очаги, ваши дети, матери, жены и сестры, если мысль о них сжимает ваше сердце, — ваше место под знаменем добровольческих войск; хотите их зацитить и спасти, — идите к нам в

ПЕРВУЮ ОТДЕЛЬНУЮ БРИГАДУ РУССКИХ ДОБРОВОЛЬЦЕВ.

Условия службы в Первой Бригаде Русских Добровольцев.

1) В частях Бригады господствует абсолютная дисциплина, никаких комитетов не существует.

2) От поступающих требуется подписка в беспрекословном подчинении начальникам.

3) Содержание офицерам начинается с 200 рублей в месяц, при полном пищевом, вещевом довольствии, солдатам — от 25 рублей в месяц до 100, в зависимости от времени службы, поведения и звания.

4) Производство в чины, награды, ранения, пенсии засчитываются на общих основаниях с армией.

Запись добровольцев производится в Яссах, улица (страда) Муселор, № 24.

На станции Унгени специальный агент для пропуска прибывающих из России.

ПРИЛОЖЕНИЕ III

Подписка.

Я ...., поступаю добровольно в Национальный Корпус Русских Добровольцев, имеющий целью воссоздание порядка и организацию кадров по воссозданию российской армии, причем за всё время пребывания в Корпусе обязуюсь:

1) Интересы Родины ставить превыше всех других, как-то — семейных, родственных,

имущественных и пр. Поэтому защищать с оружием в руках, не жалея своей жизни, родину, жителей ее без различия классов и партий — и их имущество от всякого на них посягательства.

2) Не допускать разгрома и расхищения каких-бы то ни было складов.

3) Всюду стоять на страже порядка, действуя против нарушителей всеми способами, до применения оружия включительно.

4) Быть внепартийным, не вносить и не допускать в свои ряды никакой партийной розни, политических страстей, агитации и т. д.

5) Признавать единую волю поставленных надо мною начальников и всецело повиноваться их приказаниям и распоряжениям, не подвергая их обсуждению.

6) Всюду строго соблюдать правила дисциплины, подавая собою пример окружающим.

7) Безропотно и честно исполнять все обязанности службы, как бы они тяжелы временами ни были.

8) Не роптать, если бы случайно оказался недостаток обуви, одежды, пищи или она оказалась бы не вполне доброкачественной.

9) Также не роптать, если бы оказались неудобства расквартирования, как-то: теснота, холод, грязь и пр.

10) Не употреблять спиртных напитков и в карты не играть.

11) Без разрешения своих начальников от своей части не отлучаться.

12) В случае неповиновения, дезертирства, восстания, агитации против дисциплины подлежу наказанию по всей строгости законов военного времени.

.... (подпись).

(Число, месяц) .... 1918 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ IV

МЕДАЛЬ ДРОЗДОВЦАМ

П Р И К А З

Главнокомандующего Добровольческой Армией

№ 191.

25 ноября 1918 г. г. Екатеринодар.

В воздаяние мужества и решимости 1-ой Бригады Русских Добровольцев, вышедшей под командой Генерального Штаба полковника Дроздовского из Ясс и прибывших, совершив исторический 1200-верстный поход, 25 апреля 1918 г. на Дон, на соединение с Добровольческой Армией — устанавливаю медаль.

Медалью этой награждаются все действительные участники похода, выступившие из г. Яссы или г. Дубоссары, прибывшие на Дон и

отбывшие 6-ти месячный — подписной срок службы.

Лица, вышедшия из г. Ясс или г. Дубоссар и оставившия ряды названного отряда по случаю ранения, контузии или тяжкой болезни, удостоверенное подлежащим начальством, пользуются правом на награждение медалью, наравне с совершившими весь поход, при условии возвращения их в дальнейшем в строй 3-ей дивизии*) или Добровольческой Армии.

Медали, заслуженные павшими на поле брани, передаются потомству их или ближайшим родственникам для сохранения в памяти их, но без права ношения.

Награжденным медалью выдаются именные удостоверения за подписью лица, пользующегося правами не ниже начальника дивизии с приложением соответствующей казенной печати.

Удостоверения на погибших в боях выдаются тем лицам, коим передается для сохранения в памяти и самая медаль.

Списки лиц, награжденных медалью по представлению их подлежащим начальством, объявляются в приказе Главнокомандующего Добровольческой Армией.

Чины армии, виновные в самовольном присвоении и ношении медали, подлежат ответственности по с. 1416. Уложен. о наказ. с уси-

1) Бывшая бригада русских Добровольцев.

лением наказания по приказу Добровольческой Армии от 25 сентября с. г. № 500.

Медаль носится на груди левее всех степеней георгиевского креста и георгиевской медали, и правее всех прочих знаков отличия и медалей.

Приложение: описание медали.

Подлинный подписал

Генерал-Лейтенант Деникин.

ПРИЛОЖЕНИЕ
к приказу Главнокомандующего Добровольческой Армией № 191.

ОПИСАНИЕ МЕДАЛИ,
установленной в память похода 1-ой Бригады Русских Добровольцев.

Медаль установливается серебряная, матового цвета, овальной формы и имеет у ушка два скрещенных серебряных же меча. По окраинам медали на лицевой стороне располагаются две ветви: справа дубовая, как символ непоколебимого решения, и слева лавровая, символизирующая решение, увенчавшееся успехом. На поле этой же стороны медали изображен выпуклый рисунок: Россия в виде женщины в древне-русском одеянии, стоящей с мечом в протянутой правой руке над обрывом, и на дне его и по скату группа русских войск с оружием в руках, взбирающаяся к ногам жен-

щины и олицетворяющая стремление к воссозданию Единой Неделимой Великой России. Фон рисунка — восходящее солнце.

На оборотной стороне медали, на верхней части ее, полукругом по краю выгравировано: „Поход Дроздовцев" и поперек медали: „Яссы-Дон", следующая строка: „1200 верст", затем дата — „26/II — 25/IV 1918" и в последней строчке — фамилия награжденного с инициалами его имени и отчества.

Ширина медали — один дюйм, длина — полтора дюйма. Размер каждого меча — один дюйм.

Начальник Штаба Главнокомандующего
Добровольческой Армией
Генерал-Лейтенант Романовский

Дежурный Генерал
Генерал-Майор Трухачев.

ПРИЛОЖЕНИЕ V

РОССИЯ ИЛИ КОМИССАРИЯ

В мае 1918 года в Ростове появилась статья г. Накатова: „Там и здесь", в которой говорилось о мотивахъ, заставляющих офицеров Москвы и Перограда вступать в ряды красной армии и об их единомыслии с офицерами Добровольческой Армии. Статья эта вызвала большой шум и газетную полемику, в которой

принял участие и М. Г. Дроздовский. Его открытое письмо было напечатано в „Приазовском Крае". Приводим его здесь полностью.

„Туманом сырым и холодным повеяло от статьи г. Накатова: „Там и здесь". Мы не знаем, от имени каких офицерских кругов Москвы и Петрограда говорит г. Накатов, но мы слишком хорошо знаем все русское офицерство, его достоинства и недостатки, его душу и мозг, его настроения и надежды. И мы удостоверяем, что отнюдь не патриотизм, не стремление к Единой и Великой Руси толкнуло офицеров в ряды красногвардейцев и красноармейцев, ибо для всех ясно, что большевизм и именно советская власть явилась главным, почти единственным фактором расчленения России; большевистские совершенно неприемлемые формы жизни, проводимые теперь в центре России, оттокнули от нее области, в которых власть комиссародержавия удалось свергнуть, и что именно поддержкой комиссаров, попытками продлить агонию их власти сильнее вколачиваются расчленяющие Россию клинья, углубляется процесс самоопределения. Смешно искать объединения Руси поддержкой большевизма.

Если, вступая в ряды ленинских воителей, офицеры, внеся туда тень порядка, хотя немного продлят агонию умирания красной армии, то этим они совершают одно из роковых преступлений момента.

Оставим лучше красные слова, — их цену мы узнали тяжким опытом; не верим мы также фиговым листкам и не считаем, отнюдь, ни петроградских, ни московских офицеров — мальчиками несмышлеными, не ведающими, что творят.

И если отдельные, единичные офицеры, вступающие в красные ряды по особым соображениям, которых мы здесь не касаемся, и там творят великое русское дело, то вся масса ленинских офицеров не во имя родины и патриотизма, не в защиту неделимой России пошла туда, а из эгоистических мотивов — сохранить свою жизнь и здоровье от гонений, в поисках, где безопасней и ради права на сытое и беззаботное хорошо оплачиваемое житье.

Большевизм — это смертельный яд для всякого государственного организма и по отношению к комиссарии не остается никакой другой политики, кроме войны или отчуждения. И если они, ваши офицерские круги, г. Накатов, действительно патриоты, так пусть, установят, как угодно, правовой порядок и пусть тогда спрашивают: „Како веруеши?"

Но совсем уже странно сравнение офицеров, идущих под интернациональным красным флагом, с добровольцами, осененными трехцветным знаменем „Всея Руси", которое так

дорого нам. Кроме этого знамени, у нас не осталось ничего, даже клочка своей земли для наших могил, но тем сильнее наша любовь к нему, тем непреклоннее воля в борьбе. Большевизм лишил нас отечества, народной гордости, и мы объявили ему за то беспощадную борьбу на смерть, а не на жизнь. И пока мы не свергнем власти комиссаров, мы не вложим своего меча в ножны; и если не казачьи шашки скрестятся с красноармейскими, то уж во всяком случае, скрестятся с их штыками наши добровольческие штыки; но никогда и никогда не назовем мы большевистское оружие „братским".

Мне хотелось бы, чтобы все ясно поняли мою мысль: пока царствуют комиссары, — нет и не может быть России, и только когда рухнет большевизм, мы можем начать новую жизнь, возродить свое отечество. — Это наш символ веры.

Не мщение, а государственная необходимость ведет нас по пути борьбы; мы знаем меру ответственности, и если вождям и деятелям большевизма нет ни прощенья, ни пощады, то рядовым борцам, отрекшимся во имя родины от прежних преступных заблуждений, мы найдем место в наших рядах. Пусть забудут они свой мелкий эгоизм, подчинят свои классовые интересы патриотизму, и мы сумеем тогда забыть, как бы то ни было трудно, все перенесен-

ные оскорбления и все испытанные мучения...

Через гибель большевизма к возрождению России — вот наш единственный путь, и с него мы не свернем. Кто поддерживает комиссарскую „армию", тот не защищает, а губит Россию, тот враг нам, враг до конца.

Бесполезны здесь лукавые изъяснения — они не обманут никого.

М. Дроздовский.